

ISSN 2412-8562 (print)
ISSN 2658-7777 (online)

ДИСКУРС

■ ■ ■ DISCOURSE

3/2024

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург
2024

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 10. № 3/2024

DISCOURSE

Volume 10. No. 3/2024

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2024

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015). Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Перевалов А. И. Театр Анатолия Васильева. Семиология преемственности и путь к театральной системе нового типа	5
Сахарова С. А. Концепт идеологии: треки эволюции	19
Кравченко К. А., Московчук Л. С. Культурфилософский анализ коллективной идентичности и ее репрезентации в кинематографе.....	32

СОЦИОЛОГИЯ

Дерюгин П. П., Куражев С. Д., Саженкова Л. П., Лебединцев Д. А. Сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей, менеджеров и журналистов: междисциплинарный подход	43
Камышина Е. А. Значимость человеческого капитала в жизни корпорации: влияние руководителей на динамику социальной среды	66
Милецкий В. П., Емелин Я. А. К вопросу о методологических основах изучения «Четвертой ветви власти» как института политической системы современного общества	75

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Степанова Н. В., Курганская Е. В. Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию	86
Торубарова И. И. Репрезентация медицинского контента в сетевом дискурсе	100
Veselova M. V. Perception of Iconic Russian Elements by English Speakers: Experimental Data	112
Дёмин Г. А. Функционирование английского языка в образовательной, политической и культурной сферах Бельгии	122
Малышева В. Н., Курганская Е. В., Дёмин Г. А. Формально-логическая модель безличных предложений в английском языке.....	138
Шугайло И. В. Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи).....	152

Правила представления рукописей авторами	164
---	------------

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Perevalov A. I. Anatoly Vasiliev's Theatre. Semiology of Continuity and the Way to a New Type of Theatrical System	5
Sakharova S. A. Concept of Ideology: Evolution Tracks	19
Kravchenko K. A., Moskovchuk L. S. Cultural and Philosophical Analysis of Collective Identity and its Representation in Cinema.....	32

SOCIOLOGY

Deryugin P. P., Kurazhev S. D., Sazhenkova L. P., Lebedintsev D. A. Accentuation Networks of IT Students, Managers and Journalists: an Interdisciplinary Approach in Comparative Analysis	43
Kamyshina E. A. The Importance of Human Capital in the Life of a Corporation: the Influence of Managers on the Dynamics of the Social Environment.....	66
Miletskiy V. P., Emelin Ya. A. Towards a Methodological Basis the Study of the «Fourth Power» as an Institution of the Political System within Modern Society.....	75

LINGUISTICS

Stepanova N. V., Kurganskaia E. V. Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework.....	86
Torubarova I. I. Representation of Medical Content in Online Discourse	100
Veselova M. V. Perception of Iconic Russian Elements by English Speakers: Experimental Data	112
Demin G. A. The Functioning of the English Language in the Educational, Political and Cultural Spheres of Belgium.....	122
Malysheva V. N., Kurganskaia E. V., Demin G. A. Formal Logical Modeling of Impersonal Sentences in the English Language.....	138
Shugailo I. V. Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)	152

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-5-18>

Театр Анатолия Васильева. Семиология преемственности и путь к театральной системе нового типа

Андрей Игоревич Перевалов

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
masteranijey@yandex.ru*

Введение. В статье в общих чертах описывается театральный метод Анатолия Васильева, рассказывается о сути философско-методологического проекта будущего русского и мирового театров и в этом контексте о преемственности основных положений системы Станиславского.

Методология и источники. Сопоставляются две театральные концепции, два методологических, философских, исторических пути русского и мирового театров: система Станиславского и метод Васильева. Определяются семиология преемственности и особенности нового пути развития драматического искусства. Конкретные инструменты исследования связаны с философским осмыслением антропологии театра.

Результаты и обсуждение. Выделяются элементы рецепции системы Станиславского в методе Анатолия Васильева, чтобы получить алгоритм использования новых возможностей на основе систем и техник подготовки современного актера. Содержание статьи связано с осмыслением пятилетнего опыта (с 1988 г.) проживания автором метода Васильева в непосредственном контакте с мастером в работе над текстами Платона, Оскара Уайльда, Фёдора Достоевского, Уильяма Фолкнера, Томаса Манна, Эразма Роттердамского и Александра Пушкина. В основе статьи лежит интроспективный метод исследования и только затем эпистемологический, она основана на непосредственном эмпирическом опыте автора и других участников работы в рамках школы А. Васильева. Статья является результатом многолетних наблюдений за развитием метода Васильева в работе с собственными учениками, актерской лаборатории, студентами театральных вузов и актерами профессиональных театров России и зарубежья.

Заключение. Автор избегает оценочных суждений в отношении системы Станиславского и метода Васильева и обозначает лишь наиболее яркие особенности метода игрового театра, раскрывает его философию и обнаруживает единство системы Станиславского и Васильева.

Ключевые слова: психологический театр, игровой театр, метафизический театр, вербальный театр, Анатолий Васильев, К. С. Станиславский, философия театра

Для цитирования: Перевалов А. И. Театр Анатолия Васильева. Семиология преемственности и путь к театральной системе нового типа// ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-5-18.

© Перевалов А. И., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Anatoly Vasiliev's Theatre. Semiology of Continuity and the Way to a New Type of Theatrical System

Andrey I. Perevalov

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
masteranje@yandex.ru*

Introduction. The article provides a general description of Anatoly Vasiliev's theatrical method, discussing the essence of methodological and philosophical breakthroughs in the future of Russian and world theaters, and, in this context, the continuity of the main tenets of Stanislavsky's system.

Methodology and sources. The article compares two theatrical concepts, two methodological, philosophical, and historical approaches of Russian and World Theatres: Stanislavski's system and Vasiliev's method. It determines the semiology of continuity and features of a new approach to the development of dramatic art.

Results and discussion. The article highlights the elements of the Stanislavsky system present in Anatoly Vasiliev's method, aiming to derive an algorithm for utilizing new opportunities based on established systems and techniques for training modern actors. The article's conclusions are drawn from five years of experience (since 1988) with the Vasiliev method, gained through direct contact with the master while collaborating on texts by Plato, Oscar Wilde, Fyodor Dostoevsky, William Faulkner, Thomas Mann, Erasmus of Rotterdam, and Alexander Pushkin. As the article relies on introspective research followed by epistemological analysis, it maintains a subjective nature. It is the outcome of the author's experience working within the Anatoly Vasiliev's School of Dramatic Art at the GITIS acting and directing course (1988–1993), and years of observation of the method's evolution in working with Vasiliev's students, students of theater universities, and professional actors both in Russia and abroad.

Conclusion. The article does not claim to precisely represent Vasiliev's ideas and thoughts but rather reflects the author's journey through the rehearsal process in Vasiliev's theater, acknowledging the internal changes experienced by the author as an actor, director, and individual within the method. It abstains from making value judgments regarding the Stanislavsky system and Vasiliev's method, instead highlighting the most distinctive features of the theatrical method, elucidating its philosophy, and emphasizing the unity between the Stanislavsky and Vasiliev systems.

Keywords: psychological theatre, game theatre, metaphysical theatre, verbal theatre, Anatoly Vasiliev, K.S. Stanislavsky, philosophy of the theatre

For citation: Perevalov, A.I. (2024), "Anatoly Vasiliev's Theatre. Semiology of Continuity and the Way to a New Type of Theatrical System", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-5-18 (Russia).

Две театральные модели. «...любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...» [1, 1Кор, гл. 13]. «Любовь сорадуется истине» – этот порядок слов очень важен для понимания соотношения, пропорции чувства и разума или ума в двух способах существования актера на сценической площадке: актера *чувствующего* и актера *играющего*. Возьмем два этих определения как условные обозначения двух актеров, подготовленных в разных театральных системах.

Основное отличие системы Станиславского и метода Васильева заключается в способах построения драматического пространства. Каждая модель театра (как модель общества, общественного устройства) несет свою миссию, обнаруживает свои цели и перспективы.

Система Станиславского на столетие стала системой глубокого реализма чувств и мыслей человека, воплощенных актером на сценической площадке, системой, проповедующей правду жизни и адекватное ее отражение проживанием на сцене. Театр Станиславского погружает зрителя в процесс сопереживания сценическим персонажам, возбуждая острую эмпатию – эмоциональную, социальную, интеллектуальную. Станиславский, работая со своими актерами, идет методом подробного поиска механизмов актерской органики от исполнителя к рождению спектакля, подготавливая чувства и мысли актера к действию внутри текста пьесы. Основная миссия и цель такой модели театра состояла в воспитании человека, глубоко сопереживающего другому человеку. Нравнодушие – вот главная цель. Со временем чувства, рожденные во время спектакля, охладевали, но организм уже не мог жить той прежней спокойной, уравновешенной жизнью. Правда, сопоставить свои переживания с истиной, человеку было трудно, и мысли заменялись идеологией, которая попадала на благодатную почву эмпатии. На этом выросло несколько поколений людей, создавших великую новую страну – СССР и искусство социалистического реализма.

Метод Васильева, как многократно утверждал сам мастер, заключается в «обратной перспективе»: не ты смотришь на икону, а икона смотрит на тебя, не ты учишься смотреть и понимать, а ты готовишься принять нисходящую на тебя энергию. Спектакль в методе Васильева дается актерам как бы изначально, и мы становимся свидетелями самих себя, двигаясь к цели. Актер идентифицирует себя в этом движении, открывает себя, добивается абсолютного и безусловного оголения, освобождения от социальной накипи. Для зрителей создается такой же вектор движения, где актер не пробуждает в зрителях сопереживание, а делает их свидетелями новой жизни, невольно заставляя проживать спектакль вместе с персонажами-актерами-человеками. Смыслы, которые актер транслирует через слово, постепенно открывают для зрителя мир настоящей реальности – метафизической, философской, вертикальной реальности, стремящейся к бесконечности, к Богу. Зритель получает прежде всего возможность реального духовного присутствия в теле спектакля и тот уровень переживаний, который Станиславский называл сверхчувством. А мысли, которые транслируются в представлении актерами, и процесс их осознания становятся частью дальнейшего пути зрителей на долгое время.

Русский театр начала XX столетия очевидно нуждался в актере, который на сцене будет жить органичной, естественной жизнью, соответствующей жизни реальных людей с их душевными драмами, внутренними исканиями и переживаниями. Литература Достоевского, Толстого, Чехова отражала эту общественную потребность в живом человеке, а театру, очевидно, требовалась актерская техника, которая позволяла бы добиться жизненной правды на сцене. Система Станиславского полностью удовлетворила эту потребность и, таким образом, заняла ключевые позиции в драматическом искусстве. Многие ученики Станиславского разрабатывали свои системы, которые выходили за пределы реализма, но они не стали основой воспитания русского актера XX столетия. Такими, например, были системы Михаила Чехова и Всеволода Мейерхольда. Станиславский утверждал, что его театр как живой

организм постоянно нуждается в развитии, но проходя новаторские этапы, снова возвращается к реализму как основе театрального искусства. Станиславский постоянно находился в поиске и не боялся давать возможность режиссерам выходить за пределы реалистической постановки, реалистического подхода к работе с актером, но одновременно с этим каждый раз утверждался в своей идее. В письме Л. Я. Гуревич в 1908 г. он пишет: «Конечно, мы вернулись к реализму, обогащенному опытом, работой, утонченному, более глубокому и психоло[гическому]. Немного окрепнем в нем и снова в путь, на поиски. Для этого и выпи-сали Крэга. Опять поблуждаем, и опять обогатим реализм. Не сомневаюсь, что всякое от-влечение, стилизация, импрессионизм на сцене достижимы утонченным и углубленным ре-ализмом. Все другие пути ложны и мертвы» [2, с. 115].

Гордон Крэг был приглашен для экспериментальной постановки «Гамлета», которая стала одной из самых ярких работ в истории МХТ по отзывам театральных критиков того времени. Также в рамках «поиска» состоялись постановки Немировича-Данченко «Братья Карамазовы» и Станиславского – «Драма жизни» Кнута Гансена.

«У нас в труппе предлагали поставить «Драму жизни» по-реальному, но реальность убила бы ее и сделала бы ее анекдотом. Кому интересно, что какая-то норвежская девица влюбляется в сумасшедшего ученого и делает целый ряд несуразностей?» [3, с. 451].

Станиславский соглашается с тем, что привычный реализм в работе с текстом, построенным по законам символизма и игры разума, не работает. В тоже время он не отказывается от реализма в постановке, а ищет в символах реалистические корни.

Экспериментальные постановки в театре Станиславского делали много шума, но не были приняты любителями театра. Система Станиславского – единственная система, кото-рая в результате оказалась на вершине развития русского театра середины XX столетия. Ре-алистический, чувственный способ существования актера на площадке с любовью был при-нят публикой и впоследствии стал полностью соответствовать идеологии советского госу-дарства, которая нуждалась в отражении «пагубной» для советского человека буржуазной идеологии, пропаганде революционных настроений и утверждении бытия нового совет-ского человека. Робкие попытки преодолеть систему социалистического реализма в художе-ственном творчестве были сделаны в период хрущевской оттепели, однако в театр эти ан-тисоветские опыты пришли гораздо позже. Как раз на основе культуры «стиляг», шестиде-сятников Виктором Славкиным была написана пьеса «Дочь стиляги», по которой был по-ставлен спектакль Анатолия Васильева «Взрослая дочь молодого человека». Таким образом, русский театр только в начале 80-х гг. XX в. получил образец отлично сыгранного спектакля, который никак не вписывался в рамки социалистического реализма, спектакля о свободном человеке, спектакля-размышления. В то же время это было действие, в котором актеры су-ществовали на площадке по законам реалистического искусства в лучших его традициях, проникновенно чувствуя настроения своего поколения, ощущая мельчайшие детали эпохи и внутренних исканий героев. Можно сказать, что реализм продолжил свой путь на теат-ральной сцене, но перестал обслуживать государственную идеологию. И это был первый звоночек новой театральной системы, начало ее восхождения.

Новаторский театр, создаваемый Васильевым, получил название театр игровых структур, или *игровой, метафизический* в противовес системе театра психологического, театра переживаний. Я бы добавил еще одно определение – *вербальный* театр.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [1, Ин, гл.1].

И если у Станиславского результатом сценического акта было живое чувство, передаваемое от актера зрителю, то у Васильева материальным результатом драматического акта становится Слово – Слово как мистериальный свет, как возвращение к истокам, как связь человека с миром идеальных понятий и, как следствие, пробуждение чистого чувства, рождение «голового» человека, очищенного от социальной накипи.

Царствующие в это время постмодернизм в западной культуре и постструктурализм в философии в определенной степени отразились и на развитии российской культуры. В начале своего постмодернистского пути культура преодолевала социалистический реализм и засилье жесткой идеологии советского государства, но при этом оставалась в пространстве структурализма по своей сути, продолжая пользоваться наработанными за советскую эпоху опытом и традициями. В это же время российский культурный андеграунд, получивший развитие в музыке и кино 80-х, стал той силой, которая исполнила роль постмодернистского героя, разрушающего советскую мораль, силой, которая привносит в культуру эстетическое и философское разнообразие и хаос. И эта сила ожидаемо пришла в театр. Васильев оказался тем самым режиссером, который впустил в пространство только что образованной Школы драматического искусства московских и ленинградских перформеров. В квартире № 4 на улице Поварской, 20 в Москве проходили открытые репетиции спектакля Бориса Юхананова по пьесе Алексея Шипенко «Наблюдатель» о жизни и творчестве российских рок-музыкантов. Но пир андеграунда в театре Васильева длился не долго. Очевидно, Васильев чувствовал скорый и неизбежный финал такого сотрудничества: уже есть опыт 60-х – хрущевская истерика на выставке художников и бульдозерная выставка 70-х. В результате премьеры «Наблюдателя» проходит в Берлине. В это же время Анатолий Васильев ставит свой легендарный спектакль «Шесть персонажей в поисках автора», который вполне вписывается в модель постмодернистской культуры, хотя и не является симулякром. Метод Васильева в этом спектакле становится заметным не только для российских, но и для европейских театралов. Триумфальные гастроли собирают все известные театральные премии и награды.

Вначале 90-х российский андеграунд в том виде, каким он был в 80-х, умирает, оставив после себя несколько талантливых имен. Происходят острые перемены в общественном устройстве России, усиливается эмиграция деятелей культуры на Запад. Театр Васильева в это время, находясь на дотации государства, выстраивает свою независимую культурную политику и, намеренно и осознанно дистанцируясь от социума, начинает свою работу как театр-школа.

Итак, в 1987 рождается новый игровой театр – Школа драматического искусства. Почему «игровой», ведь и в других театрах актер играет? Любой театр можно так назвать. Почему никому до Васильева не приходило в голову называть свой театр игровым, раз в нем актеры играют? Можно сказать, что это название было подсказано ожиданиями передовой

части общества, которая устала от рационального, надиктованного восприятия советской реальности. Эти ожидания совпадали с общей мировой тенденцией сближения процессов познания не с наукой, а с искусством, образами, игрой. Чтобы подвести актера к игре в спектакле (чувствами, телом, интонациями, образами, смыслами), Васильев отказывается от рационального, последовательного разбора актерского существования на площадке (как учит Станиславский). Вместо этого он создает игровое пространство сцены, подробно исследуя текст, взятый за основу спектакля. В пространство смысла, в создаваемую текстовую структуру, как в паутину, Васильев погружает актера, и тот будто сам собой, разбираясь в тончайших нитях и связях, проявляется в нужном для игрового пространства качестве. С точки зрения метода можно сказать, что все другие театры в той или иной степени предлагают актерам определенный способ существования на площадке. Иногда он является отражением индивидуальности лидера театра, иногда следствием разбора роли «по Станиславскому», «по Михаилу Чехову», «по Демидову», «по Ершову» и др. В случае же с Васильевым мы имеем дело не с системой одного режиссера или театрального педагога, а с философским взглядом на построение театра, на игровое пространство, на драматическое искусство как науку. Другими словами, привычная режиссура ведет актера по пути какой-то техники, которая, в конце концов, приводит его к игре. В игровом театре актер или ученик настраивают свою технику в соответствии с законами игрового пространства, чтобы в результате построить спектакль как игровую структуру. То есть законы игры в данном случае, их выполнение приводят актера к грамотному состоянию, действию, а не наоборот. Поэтому в процессе работы над спектаклем театральная философия становится важнее актерской техники. Можно еще сказать, что Васильев как будто предчувствует спектакль, предвидит его и, пробуждая интеллектуальную интуицию актера, запускает в нем процесс апперцепции. Постепенно в актере открываются некие двери, через которые начинает струиться свет разума и чувства. Этот процесс подхватывает физическое тело актера. Такая «педагогика» требует от участников огромного терпения и умения внимательно микроскопическими шагами двигаться к цели. В Школе Васильева процесс подготовки представления мог занимать многие месяцы, так же было до Школы, во время репетиций «Серсо», когда Васильев только нащупывал грамотный способ существования актера на площадке. Позже, во время постановочной работы в других театрах, этот процесс Васильевым ускорялся, режиссер заранее задавал актерам структуру текста и затем «учил» их двигаться внутри этой структуры. Вся режиссура Васильева проникнута педагогикой и вся педагогика – режиссурой. Васильев, как и Станиславский, видит в режиссере, прежде всего учителя актеров. Станиславский пишет: «Художественный театр является исключительно драматическим театром. Его художественные принципы основаны целиком и главным образом не на режиссере – постановщике типа Мейерхольда и Таирова, но на режиссере – учителе актера. Театр разрабатывает главным образом внутреннюю технику творчества, и в этой области он после долгой работы достиг значительных результатов, на основе которых и работает театр, прогрессируя в указанном направлении. Внешняя постановка нужна нам постольку, поскольку этого требует внутреннее творчество актера. У Мейерхольда и Таирова принципы иные. В то время как у нас режиссер является для актера «акушером», воспринимающим новое, рождаемое актером создание, у моих товарищей по искусству Мейерхольда и Таирова режиссер стоит во главе

всего, творит единолично, а актер является лишь материалом в руках главного творца. Внешний подход к искусству, которым так увлекались у нас за последние годы, мы считаем устаревшим» [4, с. 295].

У Станиславского мы видим, как терпеливо и дотошно режиссер работает с актером, идет от физического тела актера к спектаклю, настойчиво ищет правду и живое чувство в тексте, в поведении актера, добиваясь таким образом рождения «жизни человеческого духа», называя духом эфир души. Васильев работает в «обратной перспективе»: «На основе системы Станиславского я вместе со своими учениками разработал совершенно другую технику и практику театра. Коротко: вся система работ в структуре психологического реализма – это система прямой перспективы. Появилась она давно, еще в эпоху Возрождения. Вся система, которую я назвал словом “реконструкция”, сделана на основе обратной перспективы. Вот и все. То есть источником энергии является теперь не человек и удаленная от него точка, а обратно: удаленная от него точка, идущая в человека» [5].

Вот основа метода Васильева. А то, что часто называют «театральная концепция Васильева – школа-лаборатория-театр», на самом деле является всего лишь схемой движения ученика по ступенькам обучения от школы через практику в театр. Концепция Анатолия Александровича это все-таки нечто большее, чем схема, которая повторяет то, что было у Станиславского и Немировича-Данченко. Перед созданием Школы-студии МХАТ Владимир Иванович предложил подобную «концепцию» еще в 1943 г. на основе опыта работы многочисленных студий МХТ, некоторые из которых к тому времени стали профессиональными театрами. В архиве Школы-студии сохранилась стенограмма совещания руководства МХАТ имени Горького от 21 марта: «Я пригласил всех, чтобы поговорить о школе. Мне кажется, можно немедленно приступить к ее созданию. У меня выросло конкретное понятие: «Школа-студия-театр» или «Студия-школа-театр» [6].

Концепция Васильева, как мне кажется, раскрывается на границе понятий *игровой–метафизический–вербальный*. Если запустить процесс изучения этимологии слова «игра», то он приведет нас к античному театру, в котором греческое *agos* означает «восхваление божества пением и пляской». В старославянской культуре слово «игра» происходит от слова «играти», которое образовано на основе индоевропейского корня *ejati* со значением «колебаться, двигаться». В современном значении слово «игра» имеет множество смыслов и используется в различных контекстах, в том числе актерского исполнения. Можно сказать, что любой актер поет, пляшет и двигается, но это одновременно не означает, что он это делает в игровом театре, где вертикальная, божественная связь актера является основой, стержнем спектакля, где духовные откровения понимаются как устойчивая божественная связь, а не как случайное сверхчувство по Станиславскому.

Слово «*метафизический*» в определении театра Васильева означает, что невидимое в этом театре становится видимым, возгонка актера по вертикали обязательно приводит его к проявлению духовной сущности, трансцендентальному переживанию. Отсюда и частые сравнения театра Васильева с мистерией, литургией. А с точки зрения школы – это театр,двигающийся к первооснове или природе драматического искусства. И конечно для Васильева очень важно *Слово*, очищенное от множества приобретенных значений в различных контекстах. Он ищет слово в его имманентном состоянии. Философ и композитор Владимир

Мартынов так рассказывает о своей работе с Васильевым над «Плачем Иеремии»: «Мне кажется, что мы с ним движемся к одной цели, но каждый выбирает собственный путь. Он создает нечто большее, чем театр, а я хочу разомкнуть узкие рамки привычного концерта. Работа Васильева со словом для меня – единственно возможная и правильная. В своих спектаклях он дает возможность услышать изначальный смысл слов, отшелушивает все ненужное, освобождая их от бытовых значений, снимает разговорную интонацию, возвращая текстам их смысловую энергетику» [7, с. 245].

Таким образом, можно сказать, что основание театра Васильева составляют:

- 1) особая философия игрового пространства;
- 2) слово как инструмент взаимодействия;
- 3) метафизика или методика освобождения экзистенциальной, имманентной энергии человека, т. е. того, что не доступно его физическому опыту.

К такой конструкции нового театра Васильев пришел через изучение элементов системы Станиславского. Мастер курса Мария Кнебель, на котором учился режиссер-новатор Анатолий Васильев, была прямой наследницей системы Станиславского, его ученицей. В то же время Мария Осиповна оказалась человеком очень близким Васильеву по своему подходу к драматическому искусству: «[Кнебель] не учила умению, хотя она прекрасно это делала. Она учила художественному сознанию. Она приучала неопита к храму театра. В этом был ее фанатизм» [5]. Очевидно, что этот факт помог Васильеву нащупать в театре путь от социалистического реализма к реализму философскому. Без преемственности путь к новому театру мог оказаться бесконечным, по кругу – от себя к себе. Мы никогда не получили бы «разомкнутое пространство действительности» и присущую новому театру многослойность и разнообразие выразительных средств: «...жизнь размыкается, выходит за пределы круга. Обнажается ее многослойность, всплывает на поверхность масса разнородных явлений и тенденций. Жизнь принимает присущие ей формы потока» [8, с. 51]. И никогда Васильев не смог бы использовать язык системы Станиславского, его опыт, провести реконструкцию системы без глубокой преемственности и подробного изучения системы: «Чем мы занимаемся в театре? Созданием “жизни человеческого духа”. Только духовная, нервная энергия артиста способна сотворить театральную реальность» [8, с. 52]. Поиск «жизни человеческого духа на сцене» объединяет многих организаторов театра и философов разных времен и народов – от античности до эпохи просвещения, от Платона и Аристотеля до Дени Дидро, от Антонена Арто до Гротовского, а в России – от Щепкина до Станиславского и Васильева.

Система Станиславского для русского человека – на особом счету, она привнесла в историю развития русского и мирового театра очень важные составляющие: точную технику актерского мастерства (переживание, воплощение, работа над ролью), этику и студийность, обязательность школы. Без этих трех «китов» невозможно представить движение театра. Техника актерского мастерства в процессе развития междисциплинарных знаний и отдельных разделов науки обогащалась новыми возможностями, методами, подходами, но в своей основе осталась неизменной до сих пор. Этика так же не особенно изменилась в современных условиях, поскольку тогда и сейчас была направлена на решение задач жизнедеятельности театрального организма, труппы, коллектива театра, что актуально в любое время. Другое дело со школой.

Новая школа драматического искусства. Многие элементы системы Станиславского были приняты Васильевым за основу развития новой школы, нового метода. Васильев сохранил традицию живого театра и, несмотря на постмодернистский характер своего искусства, полностью отказался от симулякра в своем творчестве. Васильев вступает в диалог с платоновской концепцией истинного бытия понятий на стороне противников софистики и привносит в понятие «живой театр» жизнь духа и стремление к театру смыслов. В диалоге «Софист» у Платона мы встречаем такое определение: «Значит, софист оказался у нас обладателем какого-то мнимого знания обо всем, а не истинного» [9, с. 346]. Васильева интересует только истинное знание. Особое отношение к Слову становится в театре Васильева способом уйти от так называемой «копии с копии», что в свою очередь открывает перед Васильевым новые возможности в развитии драматического искусства. То, что когда-то не удалось развить Станиславскому, с успехом удается Васильеву.

Школа переживаний Станиславского была направлена на реалистический продукт. Живые чувства из актеров нужно было как-то доставать: «...я работаю над тем, какими путями заставить актера жить *жизнью человеческого духа*. По этому поводу я готовлю восемь томов, где систематически излагаю все приемы актерской психотехники творчества» [3, с. 289]. Эти живые чувства были тем самым материалом, на который «покупался» зритель. Никакие условности, фантазмагии, умствования в способе существования актера на сцене Станиславский не признавал. Одновременно с этим он стремился к искусству работы со словом, понимал важность такой работы, чувствовал в этом профессиональную необходимость, но в отличие от Васильева так и не добился на этом поприще сколько-нибудь значительных результатов: «К таким же ошибкам, уродствам и мы можем прийти, увлекаясь быстрым новаторством в дикции. Да, у меня излишняя осторожность, но она, повторяю, основана на опыте. Что же. Мы «осмелились», мы взяли «Гамлета», а что вышло? Был великолепный Крэг. А что мы дали нового? Если прочесть только, как мы называли куски в «Гамлете», уже будет понятно, что мы сами еще не были готовы к такой постановке. ... Правда, у нас сейчас на очереди *слово*. Надо искать к нему пути» [3, с. 489].

Зритель желал сострадать, переживать, чувствовать, получать эмоциональные впечатления, и МХТ полностью соответствовал этим запросам. Публика в театре должна «жить, а не мыслить» – считал Станиславский. Время думать еще не наступило, и работа со словом и смыслами терпеливо ожидала прихода Васильева. Да что говорить, когда даже в 2000-е годы один известный профессор Санкт-Петербургской государственной театральной академии на полях моего автореферата писал: «Зачем Вы учите актеров думать?». Васильев берет в свою школу уже состоявшихся, взрослых людей и утверждает, что необходимо начинать подготовку актера с философских текстов Платона: «Встречаешься с очень инфантильной натурой, не сложившимся еще человеком, который, начиная обучаться, одновременно и складывает себя, складывает себя как юноша, он был до этого отроком. Складывает себя как человек, как эго, и он складывает себя вне мастера, самостоятельно... Он, конечно, слушает, вникает, но это, скорее всего, такой сосуд с дырками. Проходит же он свой путь самостоятельно. Когда он уже окончил вуз и когда он приобрел какие-то основы профессии, и он уже взрослый человек, тогда с ним легче. Легче и правильней разговаривать. И ... я начинаю педагогику с философских текстов Платона» [5].

Станиславский, по сути, думал о том же, но не сумел по объективным обстоятельствам добиться результата: «Неужели благоразумно мечтать о том, что я выращу новое молодое поколение, которому передам, что знаю? Ведь я же не доживу. Говорить о ритме, фонетике, графике можно с большим, законченным, опытным актером. Младенцам рано забивать этим голову» [4, с. 79].

Интересно, что развитие направлений в философии XX столетия происходило как бы параллельно развитию театра. Театр охотнее обращался к психологическим исканиям, которые были ему ближе с практической точки зрения, легко вписывались в систему реалистического, психологического театрального искусства. На рубеже веков театр стал решать психологические проблемы человека через элементы сценического воплощения ситуаций, через привлечение людей с психическими отклонениями в развитии, но это уже были поиски выхода психологического театра из кризиса.

Картина стала меняться в XXI столетии. Мир чувств и ощущений, аффективной памяти сменился интегральным миром, миром дедуктивного познания. Психология становится все больше сектантской, а философия, напротив, предлагает человеку выйти из своей скорлупы и посмотреть на мир объективно, всесторонне, найти общие принципы в развитии современного человека, его роли в обществе. Современный театр, наконец, становится ближе к философии, чем к психологии. Хотя еще в 1830 г. русский философ Чаадаев писал: «... в чувстве таится много озарений, сердцу несомненно присущи великие силы; но чувство действует на нас временно, и вызываемое им волнение не может длиться постоянно. Наоборот, добытое рассуждение остается всегда с нами. Продуманная идея нас никогда не покидает, каково бы ни было душевное настроение, между тем как идея, только прочувствованная, неустойчива и изменчива: все зависит от силы, с какой бьется наше сердце. А сверх того, сердца не даются по выбору: какое в себе нашел, с тем и приходится мириться, разум же свой мы сами постоянно создаем» [10, с. 68].

Развитие нашей цивилизации, переход от одной модели культуры к другой, общественные потрясения, цифровой мир создали на рубеже XX и XXI столетий предпосылки для качественных изменений в драматическом искусстве. Старая театральная модель перестала привлекать внимание молодых зрителей. Тем не менее до сих пор еще мало кому знакомо наслаждение от игры ума в театре. А именно этот вид наслаждения мы получаем на спектаклях Анатолия Васильева. Возможно, из-за этого качества театр Васильева ошибочно считают элитарным, для посвященных. Это не так. В одном из своих первых интервью Васильев говорит: «Ведь что такое интеллектуальный артист? Это осознающий и самопознающий артист, точно ощущающий цель и определенно идущий к сверхзадаче. Причем цель и сверхзадачу он ощущает интеллектом, а нужно всем существом, плотью. Нужен богатый внутренний аппарат, позволяющий играть чувствами, ощущениями» [8, с. 74].

В театре Васильева мы проживаем самые разные чувства, реагируя на те или иные мысли, исходящие от актера на сцене (если мы конечно *homo sapiens*), в отличие от театра переживаний, где есть последовательное развитие, заданное изначально движением от одного чувства к другому, как бы «карта чувств». Хотя Станиславский был близок к тому, чтобы принять мысль, как игровой компонент в спектакле: «... слово становится орудием для выражения наиболее важного и ценного, то есть духа, мысли, и тогда артист начинает совсем

иначе пользоваться словом. Он произносит фразу, подчеркивает слово, делает ударение, ласкает звук слова не благодаря внешней его звучности и певучей красоте, а сообразно с мыслью и чувствами, которые слово призвано выразить. Тогда только артист начинает ценить настоящие правила дикции и интонации. Тогда ему важно и ценно логическое ударение, запятые, периоды и все элементарные сухие правила грамматики и пр. Они нужны ему для выражения сути его творчества – чувства и мысли, так как нередко логическим ударением, установкой, удачным сопоставлением контрастов и пр. можно яснее всего выразить чувство. Неправильно поставленное ударение и пр. нередко искажает мысль и суть» [11, с. 407].

Однако Константин Сергеевич видит *в слове* лишь предмет для «раскрашивания», а *в мысли* – причину для чувства. Он ищет различные подходы к ним, но в результате оставляет эту область театральных исследований Анатолию Васильеву. Слово и мысль у Станиславского еще не существуют как первооснова в работе актера. «Слово – протокол мысли. Оно очень неточно и неполно. Глаза, жесты, мимика, душевная хитрость гораздо больше говорят чувству. Суть чувства выражается ими, слово только помогает. То же и у автора. Он пишет слово, но суть его чувств, заставившая его написать это слово, скрыта. Надо найти ее, а не ограничиваться протокольным словом. В беллетристике автор душевной хитростью старается в описательной форме дать понять о своем чувстве. Он прибегает к сравнениям, к сопоставлениям, к примерам и пр. В пьесе описательная часть отсутствует, и суть авторских чувств должен угадать актер и передать ее публике той душевной хитростью, тем выбором хотения, которое свойственно его таланту» [11, с. 552].

Сражение за человеческий разум, или свободный ум ведется, как известно, всю историю человечества. Ум в строчку, сердце к Богу – говорили святые отцы. Чтобы добиться пребывания в вере, в Духе, необходимо возлюбить Бога и не терять контроль над словом, смыслом молитвы, всегда быть в разумном тонусе. Это формула высвобождения Духа и победы над физической смертью: «Когда же тленное сие облечётся в нетление и смертное сие облечётся в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: “поглещена смерть победою”» [1, 1Кор, гл. 15]. История театра XX столетия отлично усвоила уроки телесного и чувственного развития актера на сцене, но только сейчас подошла к возможности использовать разум актера для высвобождения его Духа, благодаря методу, привнесённому Анатолием Васильевым.

Однако: «Если актер не учитывает реальность, он не может аранжировать роль. А ему это необходимо. Даже в строгом аскетичном исполнении все равно необходима аранжировка» [12] – так Васильев говорит о горизонтальной реальности. Станиславский – это та самая горизонталь, без которой невозможно «аранжирование» в методе Васильева. Несмотря на значительную разницу в условиях для развития драматического искусства во времена Станиславского и в наши дни, система Станиславского и метод Васильева переплетены методологически, исторически, философски. Несмотря на разновекторность двух направлений, узловые части в конструкции двух театров остаются неизменными. Многие положения системы Станиславского и подходы к искусству роднятся с методом и философией Васильева, хотя многое предлагается Васильевым к реконструкции. В подходах к искусству Васильева и Станиславского чувствуется огромная жизнеутверждающая сила и постоянное присутствие перспективы, только в системе Станиславского вектор горизонтальный – от человека; а по методу Васильева – вектор вертикальный, от Бога.

Эпилог. При явной рецепции системы Станиславского Васильев предлагает уникальный путь развития современного театра, иной методологический вектор. Я был не вполне прав, когда говорил, что андеграунд 80-х умер. Нет, он в результате стал частью мейнстрима наравне с гламуром и поп. В 90-е открылись все двери для каждого, у кого есть «желание и слово», и с тех пор маятник раскачивается все сильнее и сильнее от означаемого к хаосу, как и определено в понятии «метамодерн». «А зачем?» – вопрошал Саша Башлачев, давая интервью о рок культуре 80-х, и потом, не найдя ответа, выпрыгнул с восьмого этажа на проспекте Кузнецова в Ленинграде: «Если говорить о явлении субкультуры, явлении рок-н-ролла... По всей стране, в каждом городе есть свой коллектив, который что-то делает. И удивительно – нет плодов. Растут деревья, все что-то выращивают, поливают, и практически нет плодов. Явление рок-музыки – гигантское явление, все захлестнуло, волна за волной идет. Плодов никаких, три-четыре имени, может быть, пять-шесть. И эти люди, на мой взгляд, исключают явление рок-культуры. Они не поддерживают его – просто исключают, зачеркивают, потому что оказывается, что все остальные занимаются беднейшей по содержанию и нелепой по сути деятельностью. Почему? Потому что люди не задают себе вопроса “зачем?”, люди задают себе вопрос “как?”. Да как угодно, в каких угодно формах! Но они постоянно уходят от вопроса “зачем?”. Потому что стоит только задать его себе, как оказывается, что король-то – голый» [13, с. 39].

Ответ на вопрос «зачем?» есть у режиссера и педагога, возмутителя театрального спокойствия Анатолия Васильева, который своим творчеством провоцирует глобальные изменения в подходах к воспитанию современного актера. Дело за формулировками самой Системы. Имея только прекрасный опыт знакомства с произведениями мастера в памяти московских и петербургских театралов, а также многочисленные письменные свидетельства его работы и философских бесед, трудно воздействовать на старую систему и проводить её полную рецепцию. Впереди нас ждет новая культурная эпоха – эпоха разумной культуры, культуры раскрывающей смыслы нашего общества и нашего пути. И, надеюсь, моя статья станет для читателей частью означаемого означаемого Васильевым.

Путь, предложенный Анатолием Александровичем, его театральный метод является революционными в отношении сложившейся современной театральной практики и теории. В свое время система Константин Сергеевича Станиславского также произвела в русском и мировом театре культурную революцию: «Революция будет происходить внутри. Мы увидим на сцене перерождение мировой души, внутреннюю борьбу с прошлым, устарелым, с новым – еще непонятным и не осознанным всеми. Это борьба ради равенства, свободы, новой жизни и духовной культуры, уничтожения войны... Вот когда потребуются подлинные актеры, которые умеют говорить не только словами, голосом, а глазами, порывами души, лучами чувства, волевыми приказами» [4, с. 375].

Для Васильева система Станиславского, ее жизнь в великих русских актерах стала отличным плацдармом для Метода. Двух мастеров русского театра гармонично объединило понимание необходимости постоянного развития, исследования драматического искусства, понимание необходимости школ, студий, лабораторий в театральном деле, необходимости «делать театр человеческим из человека», постоянный поиск путей развития актера – «поиск жизни человеческого духа на сцене».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. М.: Издательский совет РПЦ, 2008.
2. Станиславский К. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Искусство, 1998.
3. Станиславский К. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. М.: Искусство, 1998.
4. Станиславский К. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М.: Искусство, 1998.
5. Перелешина М., Заславский Г. Анатолий Васильев: между творчеством и оргвопросами // Русский журнал. 04.09.2002. URL: http://old.russ.ru/culture/podmostki/20020904_pere.html (дата обращения: 12.03.2024).
6. История Школы-студии МХАТ // Школа-студия МХАТ. URL: <https://mhatschool.ru/sveden/history> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Смелянский А., Егошина О. Режиссерский театр от Б до Я: разговоры на рубеже веков. Вып. 2. М.: Московский Художественный театр, 2001.
8. Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
9. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
10. Чаадаев П. Статьи и письма. М.: Современник, 1989.
11. Станиславский К. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Кн. 1. М.: Искусство, 1998.
12. Кулишова И. Анатолий Васильев: Я не работаю в черном пространстве // Новая газета. 21.08.2003. URL: http://www.smotr.ru/inter/inter_new_vasilyev.htm (дата обращения: 12.03.2024).
13. Юхананов Б. Интервью с Александром Башлачёвым // КонтрКультУра (Москва). 1991. № 3. С. 38–44.

Информация об авторе.

Перевалов Андрей Игоревич – магистр режиссуры драмы (1995), соискатель высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград, 236041, Россия. Автор одной научной и более 20 научно-просветительских публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология, герменевтика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.03.2024; принята после рецензирования 03.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. *Bibliia* (2008), Izdatel'skii sovet RPTs, Moscow, RUS.
2. Stanislavskii, K. (1998), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vol., vol. 8, Iskusstvo, Moscow, RUS.
3. Stanislavskii, K. (1998), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vol., vol. 6, Iskusstvo, Moscow, RUS.
4. Stanislavskii, K. (1998), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vol., vol. 9, Iskusstvo, Moscow, RUS.
5. Pereleshina, M. and Zaslavskii, G. (2002), "Anatoly Vasiliev: between creativity and organizational issues", *Russkii zhurnal*, 04.09.2002, available at: http://old.russ.ru/culture/podmostki/20020904_pere.html (accessed 12.03.2024).
6. "History of the MXAT Studio School", *MXAT Scholl*, available at: <https://mhatschool.ru/sveden/history> (accessed 12.03.2024).
7. Smelianskii, A.M. and Egoshina, O.V. (2001), *Rezhisserskii teatr ot B do Ia: razgovory na rubezhe vekov* [Director's theater from B to Z: conversations at the turn of the century], iss. 2, Moskovskii Khudozhestvennyi teatr, Moscow, RUS.
8. Bogdanova, P. (2007), *Logika peremen. Anatolii Vasil'ev: mezhdurushim i budushchim* [The logic of change. Anatoly Vasiliev: between the past and the future], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
9. Platon (1970), *Sochineniia* [Works], in 3 vol., vol. 2, Mysl', Moscow, USSR.

10. Chaadaev, P. (1989), *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters], Sovremennik, Moscow, USSR.
11. Stanislavskii, K. (1998), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vol., vol. 5, book 1, Iskusstvo, Moscow, RUS.
12. Kulishova, I. (2003), "Anatoly Vasiliev: I don't work in a black space", *Novaia gazeta*, 21.08.2003, available at: http://www.smotr.ru/inter/inter_new_vasilyev.htm (accessed 12.03.2024).
13. Yukhananov, B. (1991), "Interview with Alexander Bashlachev", *Kontrkul'tura (Moscow)*, no. 3, pp. 38–44.

Information about the author.

Andrey I. Perevalov – Master of Drama Directing (1995), Applicant for the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 str. Alexandra Nevskogo, Kaliningrad 236041, Russia. The author of one scientific and more than 20 scientific and educational publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology, hermeneutics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.03.2024; adopted after review 03.04.2024; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 13; 140.8; 159.9

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-19-31>

Концепт идеологии: треки эволюции

Софья Аркадьевна Сахарова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
s.a.sakharova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5978-1098>*

Введение. Современное понимание идеологии часто сводится к определению ее как ложного сознания, ограниченного социально-политическим контекстом. Однако идеология как константа является неотъемлемой частью формирования субъективного понимания, где мифология, философия, религия и наука играют ключевую роль. В целях критического осмысления понятия «идеология» необходим анализ маршрута его развития с участием работ Антуана Дестюда де Траси, Славоя Жижека, Карла Маркса, Питера Слоттердайка, Зигмунда Фрейда и Жака Лакана.

Методология и источники. Исследование базируется на историко-проблемном подходе и интерпретативно-аналитическом методе для анализа концептуализации понятия идеологии через оригинальные и критические источники.

Результаты и обсуждение. Французский философ Дестюд де Траси, будучи ярким представителем эпохи Просвещения, в своей работе «Основы идеологии» разработал эпистемологический проект науки об идеях, где концептуализировал понятие идеологии и проследил процесс формирования суждения, отражая позитивный характер существования внешних объектов, лишь отчасти касаясь языка как системы знаков и скрытых психических процессов. Современная философия в лице С. Жижека, продолжающего идею исследования идеологии как мировоззрения, видения бытия и субъективного места, внедряя психоаналитические идеи школы Фрейда–Лакана, а также марксистские идеологические концепции, уходит от позитивного измерения понятия идеологии в негативное и диалектическое, утверждает невозможность отделить идеологию от НЕидеологии, а саму идеологию определяет как составную часть языка, как антропологическую константу, без которой немыслимо существование субъекта.

Заключение. Применение диалектического подхода к эпистемологическому проекту формирования идей совместно с психоаналитическими теориями сновидений, фантазма, бессознательного, а также марксистскими подходами к понятию идеологии как иллюзорному сознанию и концепции товарного фетишизма позволяет раскрыть новые сложные взаимосвязи между формой и содержанием идеологического сообщения.

Ключевые слова: идеология, «ложное сознание», симптом, мировоззрение, Славой Жижек, Карл Маркс, Дестюд де Траси

Для цитирования: Сахарова С. А. Концепт идеологии: треки эволюции // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 19–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-19-31.

© Сахарова С. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Concept of Ideology: Evolution Tracks

Sofya A. Sakharova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
s.a.sakharova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-5978-1098>*

Introduction. The modern understanding of ideology is often reduced to defining it as a false consciousness limited to the socio-political context. However, ideology as a constant is integral to the formation of subjective understanding, where mythology, philosophy, religion and science play a key role. In order to critically reflect on the concept of ideology, it is necessary to analyse the route of its development with the works of Destudes de Tracy, S. Žižek, K. Marx, P. Slotterdijk, Z. Freud and J. Lacan.

Methodology and sources. The study is based on a historical-problematic approach and an interpretive-analytical method to analyse the conceptualisation of ideological concepts through original and critical sources.

Results and discussion. The French philosopher Destude de Tracy, being a bright representative of the Enlightenment, in his work "Foundations of Ideology" developed an epistemological project of the science of ideas, where he conceptualised the notion of ideology and traced the process of formation of judgement, reflecting the positive nature of the existence of external objects only partially touching upon language as a system of signs and hidden mental processes. Modern philosophy in the person of S. Žižek, who continues the idea of studying ideology as a worldview, vision of being and subjective place, introducing psychoanalytical ideas of the Freud-Lacan school, as well as Marxist ideological concepts, moves away from the positive dimension of the concept of ideology to a negative and dialectical one, asserts the impossibility of separating ideology from non-ideology, and defines ideology itself as a component of language, as an anthropological constant, without which the existence of the subject is unthinkable.

Conclusion. The application of the dialectical approach to the epistemological project of idea formation, together with psychoanalytical theories of dreams, phantasm, unconsciousness, as well as Marxist approaches to the concept of ideology as illusory consciousness and the concept of commodity fetishism, allows us to reveal new complex inter-relationships between the form and content of the ideological message.

Keywords: ideology, "false consciousness", symptom, worldview, Slavoj Žižek, Karl Marx, Destudes de Tracy

For citation: Sakharova, S.A. (2024), "Concept of Ideology: Evolution Tracks", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 19–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-9-31 (Russia).

Введение. Современное раскрытие концепции «идеология» осуществляется в большинстве своем сквозь призму категории «ложного сознания», изначально приписываемой К. Марксу. Однако если обратиться к истокам формирования понятия «идеология» как такового, будет обнаружено, что оно представляет собой, скорее, константу, без которой невозможно формирование и существование понятийного аппарата субъекта. Таким образом, происходит сближение дефиниций идеологии и мировоззрения, в основе формирования которого лежат мифология, философия, религиозные представления и научное знание. В части науки стоит оговориться, что она, скорее, оказывает несомненное влияние на их становление, но не может быть включена в чистом виде.

Сегодня идеологию в большинстве своем ограничивают социально-политическим контекстом, тем самым вульгаризируя ее понимание. Именно влияние К. Маркса в свое время обеспечило перенос понятия идеологии в дискурс политической теории [1]. Обращение к онтологическому аспекту формирования концепции позволит очертить границы и определить взаимосвязь между истоками и его актуальной интерпретацией. В связи с этим для осуществления критического переосмысления современного подхода к понятию «идеология» считаем целесообразным проанализировать маршрут его концептуализации, опираясь в первую очередь на работы Дестюда де Траси и С. Жижека. Прочерчивая таким образом путь, следует обратиться к работам К. Маркса, П. Слоттердайка, а также использовать психоаналитические концепции З. Фрейда и Ж. Лакана, что позволит эпистемологический проект Просвещения, редуцирующий концепцию «идеология» до объективных установок, реализовать с позиций современной фрейд-марксистской философии, где подход к идеологии К. Маркса с подачи С. Жижека будет рассмотрен вне поля противопоставления идеологии как науки об идеях.

Методология и источники. В качестве методологической основы выбран историко-проблемный подход, позволяющий проанализировать концептуализацию понятий, входящих в поле интересов проводимого исследования, а также интерпретативно-аналитический метод, благодаря которому стало возможным осуществление реконструкции смыслового содержания подходов к конструированию идеологических концепций в рамках анализа оригинальных источников и критических материалов по теме. Прделанная исследовательско-аналитическая работа основывается на работах Антуана Луи Клод Дестюд де Траси «Основы идеологии», Славоя Жижека «Возвышенный объект идеологии», текстах Карла Маркса, Зигмунда Фрейда и Жака Лакана.

Результаты и обсуждение. Французский философ, идеолог Антуан Луи Клод Дестюд де Траси (1754–1836) в своей работе «Основы идеологии» [2] систематизировал представления об идеях с позиции научного знания под названием «идеология» посредством ухода от спекулятивного мышления в сторону аналитического. Следуя Кондильяку, его сенсуалистическому подходу, в основе философских знаний и политических теорий он разместил учение о становлении человеческих идей. Дестюд де Траси, как истинный человек эпохи Просвещения и школы идеологов, оказал существенное влияние на интеллектуальную и политическую сферы своего времени. В своих исследованиях науки об идеях он рассуждает прежде всего о том аспекте мировоззрения, который заключен во влиянии позитивистской науки; т. е. все то, что доступно наблюдению и чувствованию, может быть должным образом проанализировано и последовательно разложено на составляющие элементы, которые позволят разобраться в истинной сути вещей, не довольствуясь ранее переданными знаниями, заключенными в некоторую языковую формулировку, либо понятие, скрывающее ее логический или не логический порядок образования. Как подчеркивает Е. Г. Соколов: «В “Основах идеологии” ... идеология – отнюдь не превратная и искаженная деятельностью сознания копия действительности, но прямо противоположное: умозрительная (посредством имеющегося в арсенале людей познавательного инструментария – идей) фиксация (отражение), адекватная во всех отношениях реальности. Иными словами: выражение и представление реальности через идеи» [3, с. 410]. Процесс формирования суждения связан, по мнению французского идеолога, с выявлением связи или восприятием отношения соответствия или несоответствия двух вещей или

идей. Основой всего процесса формирования идеи де Траси определяет ощущения, следовательно, думать или мыслить то же самое, что и ощущать, что в свою очередь включает в себя четыре определяющие способности: чувственное восприятие, память, способность суждения и волю, совокупно образующие мышление, полагая при этом достаточность этих четырех элементов для становления идеи.

Первый элемент «чувственное восприятие» является тем, что предоставляет нам возможность получать ощущения, впечатления, тем самым подтверждая наш опыт бытия. Раскрывая понятие «чувственности», Дестюд де Траси опирается на биологический подход и исследует ее с позиции работы нервной системы, мозговой деятельности, разделяя ощущения на внешние (слуховые, зрительные, обоняние, осязание) и внутренние, которые получает человек в качестве болевых ощущений либо просто в процессе функционирования. К внутренним ощущениям он также относит те, которые испытываются в результате движения внутренних органов, а также «все те ощущения удовольствия и страдания, которые причиняет то или иное расположение нашего ума и страсти, это расположение изменяющее». Так, страсть содержит в себе желание, как проявление воли, т. е. является результатом двух составляющих: чувственности и воли.

Ко второму виду «чувственности» он относит память, как способность ощущать воздействие воспоминаний о впечатлениях. Воспоминание определяется им как внутреннее ощущение, отличное от ранее упомянутых, так как оно не возникло от органа, а сформировано в мозге. Различие восприятия от ощущения происходит посредством суждения. Дестюд де Траси также отмечает невозможность порой различить и определить воспоминание от новой идеи или впечатления, полученного от органа.

Способность ощущать отношения между восприятиями есть, по мнению французского идеолога, суть способности суждения. Это то, что позволяет нам анализировать идеи, сравнивать их между собой, определять существование или отсутствие между ними связи. Де Траси называет это «внутренними ощущениями мозга, подобно воспоминаниям». Таким образом происходит приобретение человеком знания. Одновременно требуется существование двух идей.

А. Дестюд де Траси подчеркивает позитивный характер суждения, так как даже обремененное в негативную формулировку оно представляет собой наличествующее восприятие, а об отсутствии чего бы то ни было нет возможности и судить. Он предлагает формулу отрицания как утверждение, поскольку сама формулировка являет собой лишь форму, в которую заключено выраженное предложением сообщение.

Способность ощущать желание А. Дестюд де Траси называет волей, которая представляет собой четвертый вид чувственности. Желание как следствие ощущений, восприятий и суждений обладает определенной способностью создавать состояние счастья или несчастья в зависимости от того, исполняются они или нет. И именно благодаря этому четвертому виду чувственности, особым образом связанным с Я, осуществляются культурные свершения, зависящие от воли человека, приводящей в движение механические и интеллектуальные способности, а также провоцирующей на стремление к подчинению воли других людей, к получению признания и уважения с их стороны. Воля выступает также еще как некоторая форма руководства к действию на основании вынесенных суждений, дабы избежать осуществления противоречивых желаний.

Все указанные способности представляют собой своего рода механизм, позволяющий впоследствии создавать сложные идеи. Так, ощущение и возникшее в результате него суждение по отдельности являют собой элементарные интеллектуальные акты. Впоследствии объединяясь, они создают сложную, но все еще единичную идею, экстраполяция которой на другие подобные объекты представляет собой уже идею общую. В качестве примера А. Дестюд де Траси приводит понятие «красного» как присущего всем телам красного цвета. Так, любая идея предмета является идеей сложной, поскольку образуется через объединение ощущений, получаемых от объектов, т. е. элементарные идеи посредством объединения преобразуются в сложные, а при исключении из них индивидуальных особенностей происходит их обобщение, при этом основанием этого процесса являются четыре составляющие: ощущение, воспоминание, суждение и желание. Важным аспектом общих идей является их исключительно субъективный характер, основанный на факте восприятия единичных объектов. Более высокая общность идеи обнаруживает еще меньшее содержание, так как исключаются уникальные единичные характеристики отдельно взятых объектов. Таким образом, истинность общей идеи должна соотноситься с отдельными, включенными в нее фактами.

Помимо рассуждения о процессе становления идей А. Дестюд де Траси задается вопросом о реальности существования внешних объектов. Внутренние ощущения являются подтверждением существования человека: способность ощущать запахи и вкусы, слышать звуки, возможность тактильного восприятия порождают ряд внутренних разнообразных впечатлений, разность восприятий которых возможна даже при взаимодействии с одним и тем же объектом, что, однако, не может являться доказательством его (такого объекта) непрерывности и действительности. Обращаясь непосредственно к телесному опыту, А. Дестюд де Траси подчеркивает возможность прекращения движения в противовес воле и желанию в случае возникновения препятствия или некоторого внешнего оказанного сопротивления, что удостоверяет существование и телесность субъекта, а также существование другого тела-объекта, оказывающего воздействие. В отсутствии такого сопротивления-воздействия можно было бы говорить лишь о собственном существовании. Тем не менее произвольного движения недостаточно для осознания других окружающих нас объектов, поскольку именно желаемое действие, позволяющее оценить, является ли получаемое ощущение приятным или неприятным, позволяет через осознание желания испытать ощущение движения, следовательно, знать о своем существовании. Существовать означает испытывать ощущения, вспоминать, создавать суждения, желать, проявлять волю, но при этом без понимания формы и протяженности тела. Протяженность тела, согласно пониманию А. Дестюда де Траси, – это то, что создает конечность и реальность существования объекта, так он может быть преодолен, в противном случае речь идет лишь о пустоте. Аналогичная ситуация обстоит и с понятием «непроницаемость», что позволяет раскрыть логику «концепции места», а именно, невозможности занять другое место, не уступив свое, а также понятия делимости, составленной из частей, и формы, определяющей пространственные границы объекта.

Анализируя вопросы измеримости, де Траси акцентирует внимание на логике представления научных выводов. Фактически проблема, которая поднимается на страницах текста «Основы идеологии» в части исследования наукообразующих постулатов, сводится к тому, что человеку преподносится итоговый продукт размышлений, скрывающий за краткой фор-

мулировкой либо формулой всю цепь исследовательского процесса, резюме которого может быть сформулировано в довольно нелогичной форме, обычно принимаемой и используемой человеком в дальнейшем без глубокого понимания сути.

Подчеркивая биологический позитивистский характер подхода к исследованию идеологии, А. Дестюд де Траси обозначает существование некоторой жизненной силы, возможной благодаря взаимодействию ряда химических компонентов, позволяющих создавать определенный порядок жизни и смерти, функционирующий в большинстве своем бессознательно. Человек не может управлять движениями нервов так, чтобы заставить себя испытать то или иное ощущение, либо наоборот избежать его. При определенном усилии можно реализовать движение воспоминания, а также движение перемещения, позволяющее, произвести суждение на основании полученных ощущений, что в определенной степени зависит от желания получить или избежать того или иного впечатления. Среди особых видов движения автор выделяет движение желания, его невозможно создать, предотвратить, измерить степень воздействия, поскольку оно является результатом ранее полученных впечатлений. При этом, несмотря на некоторые фундаментальные различия, общим свойством всех движений является привычка: чем чаще движение повторяется, тем лучше, быстрее и легче оно получается, тем менее воспринимается, порой выполняется автоматически, нанося вред субъекту. В противовес содержанию новых суждений, которые воспринимаются и даются с трудом, привычные становятся практически незаметными. Таким образом, легкость умственных процессов, возможность создания комбинации идей возрастает по мере их многократного применения, но это же и провоцирует на многочисленные ошибки. Огромное число и бессознательный характер большинства интеллектуальных операций приводит к тому, что они начинают противоречить друг другу, создают ошибочные связи и комбинации.

Представление идей сквозь призму системы знаков – языка любого вида (действия, жесты, прикосновения; разговорный, арифметический и т. д.) позволяет не только производить обмен идеями, но и создавать и закреплять их в памяти. Сами по себе интеллектуальные восприятия являются недолговечными, закрепление их происходит через систему знаков, фиксирующую и сохраняющую результат умственных операций, что сокращает процесс до структуры вывода, становится некоторой формулой либо определением, которая вспоминается, но не ощущается процессом, а лишь в чистом виде применяется как некая комбинация без учета ее образования. По сути, система знаков сама себя воспроизводит, так как слова суть та же алгебраическая формула с зашифрованной в ней идеей. Идея безусловно предшествует знаку, но по мере роста числа идей происходит наложение знаковой системы, растет количество комбинаций. Знак также широко применяется в структуре общественных отношений, реализующей непрерывную серию обмена, как способ получения знаний от других. Однако многослойность сложной идеи, невозможность разложить ее на составные элементы, искаженность передачи и восприятия приводит к формированию ложной идеи.

Логически выверенная эпистемологическая программа А. Дестюда де Траси обходит стороной аспект психического, лишь изредка касаясь вопросов желания, привычки и повторения, удовольствия и неудовольствия. Французский идеолог повсеместно оговаривается о скрытой сути духовной составляющей, не имеющей научно обоснованного опытного материала, поэтому не включенной в исследование. В некотором смысле де Траси выступает

последователем Декарта, постулирующего в качестве фундамента науки факт познания [4]. Реализуя эпистемологический проект идеологии, А. Дестюд де Траси ставил своей целью прежде всего образование [5], посредством которого планировалось осуществление в дальнейшем воспитания подрастающего поколения и формирования государственной законодательной базы. Эмпирический подход де Траси, базирующийся на процессе познания сквозь призму ощущений, был нацелен на реализацию возможности создания нового, очищенного от предрассудков мира как продукта эпохи Просвещения.

Среди современных концепций, продолжающих идею исследования идеологии как мировоззрения, видения бытия и субъективного места в нем необходимо выделить теорию С. Жижека, словенского философа и психоаналитика. Детерминизм логически ориентированной философии идеологии А. Дестюда де Траси подвергся видоизменению философской диалектикой, знак переходит в симптом тела языка в психоаналитическом смысле слова. Идеология окончательно уходит из позитивного измерения позиции Просвещения в негативную и диалектическую. Умело жонглируя концепциями, заимствованными у марксизма и психоаналитической теории школы Фрейда–Лакана, С. Жижек утверждает невозможность в XX в. не просто отделить идеологию от НЕидеологии, а несуществование НЕидеологии, которая могла бы быть противопоставлена идеологии и определяет ее как составную часть языка, как антропологическую константу, без которой немыслимо существование субъекта.

Словенский философ рассуждает об идеологии на языке идеологии: используя реальный язык подчеркивает невозможность приближения к лакановскому регистру Реального, тому, что невозможно сколько-нибудь представить или символизировать, тому, что постоянно ускользает от означивания, где важной составляющей является понятие Вещь, воплощающее в себе то, что было отчуждено от субъекта при его вхождении в язык, тому, что не может быть символизировано, но не может существовать без Символического. Идеологическое сознание есть сознание шизофреническое, представляющее собой конгломерат противопоставлений, не исключających друг друга, некоторое полифоническое образование, характерное для XX и XXI вв., где даже научный дискурс не лишен расщеплений, парадоксов и противоположностей; оппозиция «ложь–истина» здесь более не работает.

Товарный фетишизм К. Маркса закладывает основу для размышлений словенского философа об идеологии. Марксизм раскрывает особенные грани чувственного познания, придавая ему новую форму: «Световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз» [6, с. 78]. К. Маркс говорит о воздействии одной вещи (внешнего исследуемого предмета) на другую – орган зрения, а именно глаз. При этом в части товарной формы он уходит от биологически обусловленной формы взаимодействия объектов к «фантастической форме отношения между вещами» [6, с. 79]. Фетишистский характер товарного мира порождается общественным характером труда, равенство различных видов которого может состоять лишь в отвлечении от их действительных различий, в сведении их к тому общему им характеру, как затраты человеческой рабочей силы. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд, формируя концепцию абстрактного труда, обретающего свою видимость через вещь.

С. Жижек проводит параллель между товарным фетишизмом К. Маркса и психоаналитической теорией сновидений З. Фрейда с позиций содержания, скрытого за формой, на которой и ставится акцент. Согласно психоаналитической теории, тревожащая скрытая мысль сновидения может быть при определенных условиях переведена из бессознательного в сознание. Латентное содержание, скрытое за явным телом сна, содержит сознательно-предсознательные мысли, которые были ранее размещены в бессознательном, обнаружив свою пусть, возможно, и не прямую связь с первовытесненным. Однако это не простой перевод из бессознательного в сознательное – это соединение трех важных составляющих: явное сновидение, скрытое содержание и бессознательное желание, реализующие себя как система, где сновидение сообщает сновидцу о бессознательном желании, не выражающемся в биологической потребности, но представляющее собой запрос, артикулируемый языком, где важен не объект желания, а признание другого. Это же мы находим и у А. Дестюда де Траси, который говорил о любви и потребности в признании, достижение которых позволяет человеку испытать удовольствие, на что направлены стремления. З. Фрейд, раскрывая в своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» такие важные основополагающие и субъектообразующие концепции, как «принцип навязчивого повторения» и «влечение смерти», рассуждает на тему ощущений удовольствия и неудовольствия, утверждая, что «душевному аппарату присуща тенденция сохранять имеющееся в нем количество возбуждения на как можно более низком уровне или, по крайней мере, константным» [7, с. 197]. Принцип удовольствия с позиций психоанализа выводится из гомеостаза, из стремления к устойчивости, к возврату в прежнее состояние. Исследуя сны травматических невротиков, З. Фрейд движется в сторону раскрытия принципа навязчивого повторения, которое как раз и находится по ту сторону принципа удовольствия. Стремление к возвращению в прежнее состояние тесно увязано с важнейшим психоаналитическим понятием «влечение смерти», которое отнюдь не носит биологического характера, а раскрывается через поиск первого объекта, когда любой вновь обретенный объект будет лишь слабым подобием утраченного. В этом выражается судьба человеческого желания, но в этом и возможность включения субъекта в регистр Символического порядка, в котором появляется возможность повторения обретения все новых объектов – заместителей.

Так, поиск признания другого либо выражающие себя в повторении любые иные действия, связанные с поиском состояния удовольствия, являются ничем иным как стремлением к возврату, достижение цели которого равносильно психической смерти субъекта. Таким образом, сны, артикулирующие запрос-желание, требуют их герменевтической проработки с акцентом именно на форме, поскольку простое символическое толкование не позволит раскрыть глубину смысла субъективного переживания.

К. Маркс подчеркивал аналогичные значимые составляющие и предлагал постичь смысл, скрытый за формой товара, обнаруживающийся в размере стоимости, определяемой количеством затраченного на его производство общественным трудом. Абстракция в акте обмена товарами обладает сходством со статусом бессознательного. С. Жижек пишет, что и анализ товарной формы К. Маркса, и анализ сновидений З. Фрейда предлагают модель инверсии – интеллектуального процесса переноса с реального объекта осуществляемого действия на абстрактную форму; реальная абстракция представляет собой интеллектуальную

абстракцию. Собственная логика ускользает от субъекта, а устойчивость обеспечивается за счет незнания. Проводя параллель с психоаналитическим понятием симптома, одним из определений которого может выступать образование, предполагающие незнание субъекта, подтверждает логику ускользания смысла, что обеспечивает наслаждение им, при этом интерпретация в свою очередь может привести к его исчезновению.

С. Жижек в качестве ключевого аспекта выделяет НЕзнание или НЕузнавание: НЕузнавание в структуре психоаналитического переноса, в смысле сновидения, в симптоме, в сути товарного фетишизма – фетишистского НЕузнавания, выражающегося «не в подмене человека вещью, а в НЕузнавании отношений между упорядоченной структурой и одним из ее элементов – структурным эффектом: эффектом системы отношений между элементами, принимаемым за свойство одного из элементов, как если бы это свойство было внешним по отношению к связям данного элемента с другими» [8, с. 16].

Пальму первенства в открытии симптома отдают К. Марксу в его исследовании перехода отношений от феодализма к капитализму, который выражается в проявлении фактического господства и подчинения в условиях формально свободных субъектов. При капитализме истина общественных отношений проявляет себя как симптом в отношениях между вещами.

Среди основных текстов, в которых классический марксизм раскрывал позицию по вопросам идеологии, можно выделить «Капитал», «Немецкая идеология», текст о лавочниках в «18 брюмера Луи Бонапарта». Широко распространенное определение, трактующее идеологию как «ложное сознание», было сформулировано Ф. Энгельсом в его письме Ф. Меренгу от 14 июля 1883 г.: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления – или из своего собственного, или из мышления своих предшественников» [9, с. 83]. К. Маркс же скорее применял к определению понятия идеологии концепцию иллюзии, являющейся составной частью реальности [10], где иллюзорное сознание находит себя в плотной взаимосвязи с бытием и праксисом: «...представления являются сознательным выражением, – действительным или иллюзорным, – их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации... Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений» [11, с. 19]. Таким образом, идеологический дискурс не представляет собой стремление к обману масс, а это скорее выражение самообмана, реализуемого в праксисе, а представления могут быть как иллюзорными, так и действительными. То есть концепция идеологии никоим образом не вступает в противоречие с позитивистской позицией науки об идеях Дестюда де Траси, который как раз и утверждал факт самоиллюзии посредством потребления человеком в процессе своего становления и развития ранее сформированных предрассудков.

Практисис К. Маркса носит исторический характер и фактически является тем, что конструирует субъекта, является основой культурной и социальной определенности. Другими словами, этот процесс можно описать как идентификационный, субъектообразующий, действительность и иллюзорность которого будет непосредственно встраиваться в индивида.

Таким образом, сама суть идеологии предполагает «превратное понимание собственных предпосылок, своих действительных условий, дистанцию между так называемой социальной действительностью и нашим искаженным представлением о ней» [8, с. 18].

П. Слоттердайк, которого упоминает в своей книге С. Жижек, утверждает в качестве доминанты в идеологическом дискурсе цинический модус, где субъект осознает разницу между социальной и идеологической действительностью, но принимает последнюю и действует, как если бы не осознавал [12]. Как пишет И. В. Демин: «Цинизм понимается Слотердайком и Жижеком не столько как еще одна историческая форма идеологии, сколько как новый режим функционирования идеологического сознания *per se*» [13, с. 8]. Движимый иллюзией, а не «НЕзнанием», субъект действует, направляемый «фетишистской инверсией» так, как если бы не отдавал себе отчета в происходящем. С. Жижек пишет: «Неосознаваемая иллюзия функционирует как идеологический фантазм» [8, с. 20], т. е. в некоторой степени можно утверждать разворачивание структуры «постидеологического общества», где идеологическое более не имеет сильного влияние на субъекта. Тем не менее в основании сохраняется бессознательный фантазм, который определяет, формирует социальную действительность.

Психоаналитическая традиция определяет фантазм как воображаемый сценарий, в котором в искаженном виде исполняется бессознательное желание субъекта, где всегда присутствует означающее. Лакан говорил, что бессознательное структурировано как язык, следовательно, фантазм также представляет собой цепочки означающих: «В бессознательном имеются пребывающие нетронутыми означающие цепочки, которые оттуда, из бессознательного, структурируют организм, воздействуют на него, влияют на то, что является наблюдателю симптомами» [14, с. 474]. Воображаемые сценарии, фантазмы – это конгломераты бессознательных представлений, в которых фиксируется (нередко скрываемое даже от самого себя) влечение. З. Фрейд полагал, что большая часть психических содержаний и психической активности, отражающих влечения, никогда не была осознанной и (без специального исследования) остается таковой в течение жизни человека. Какая-то часть бессознательных содержаний психики может проявляться в замаскированной форме, «прорываясь» в виде ошибочных действий, оговорок, сновидений, бессвязных мыслей, болезненных симптомов.

Субъект, согласно Ж. Лакану, отождествляя себя с означающим, представляет его другим означающим. Рождаясь в купель языка, ребенок включается в цепь означающих Другого, в его идеологическую конструкцию того, кто претендует на тотальную полноту и всезнание. При этом сам процесс становления субъекта, вхождение им в воображаемый порядок, прохождение им лакановской «стадии зеркала» обнаруживает слепое пятно, то, что упускается, но создает целостность собственного Я. В ликовании при схватывании собственного образа ребенок обращается к Другому в целях признания себя, т. е. обнаружить себя он может только лишь на сцене Другого. Таким образом создается конфигурация видения себя субъектом в соотношении с неким идеальным Я, в погоню за которым он обращается, претерпевая на своем пути многочисленные идентификации, тем самым конструируя себя во множественности различных идеологий.

С точки зрения психоанализа человек не имеет непосредственного прямого доступа к окружающей действительности, только лишь посредством собственного восприятия, которое и является тем, что формирует представление субъекта об окружающем мире. Таким образом, реальность, обусловленная субъективным опытом, фантазиями, идентификациями, объективной никогда не может стать, но является истинной для субъекта, его психической реальностью, единственно возможной. Как пишет З. Фрейд в «Лекциях по введению в психоанализ»: «Эти фантазии имеют психическую реальность, в противоположность материальной <...> в мире невротической решающей является психическая реальность» [15, с. 350–351]. Так, психоаналитический подход превращает социальную действительность в фантазматическую конструкцию. Аналогично обстоит дело и с идеологией, которая представляет собой не некую иллюзию, но служит своего рода опорой того, что называется «действительностью»: «Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некой травматической, реальной сущности» [8, с. 26]. Успех идеологии, как пишет словенский философ, обусловлен невозможностью обнаружить противоречия между идеологической конструкцией и реальностью, когда она создает способ существования. Происходит разрушение привычного для науки противопоставления «истина–ложь», где истина из объективной превращается в субъективную. Так, Ж. Лакан говорил, что ошибка представляет собой истину, поскольку до тех пор, пока истина не будет раскрыта, она будет существовать в форме ошибки.

В качестве еще одного основополагающего методологического допущения теории идеологии С. Жижека является постулат о связи означающего и означаемого, где фантазм структурирует идеологическое поле, превращая его в целостную систему, занимая место «точки пристежки», к которой прикрепляются «плавающие означающие». Так, плавающее означающее «государство», «пристегиваясь» к марксизму или либерализму, приводит к определению соответствующих форм государственности. Необходимым и требуемым условием такого структурирования является трансфер, позволяющий иллюзорному видению отождествлять понимание явления с самой сущностью данного явления, например, марксистское или либеральное понимание свободы с сущностью свободы как таковой. Концепция идеологии С. Жижека фактически связывает антагонистические расколы общества посредством создания определенной оптики восприятия.

Заключение. Французский философ Антуан Луи Клод Дестюд де Траси в своем труде «Основы идеологии» провел глубокий анализ процесса становления идей. Поднимая вопрос о существовании внешних объектов и раскрытия их сущности через призму ощущений, он обратил внимание на то, как человек взаимодействует с окружающим миром, воспринимает информацию, формирует суждение. В современной философии идеи Дестюда де Траси нашли отражение в теориях Славоя Жижека, который продолжает исследование идеологии с диалектических позиций, по-новому интерпретирует идеологический проект Просвещение, утверждает концепцию идеологии как константу, неотъемлемую от субъекта. Его параллель между товарным фетишизмом К. Маркса и психоаналитической теорией сновидений З. Фрейда открывает новые перспективы в раскрытии психических процессов и социокультурных явлений, позволяет проанализировать сложные взаимосвязи между формой и содержанием идеологического сообщения, между сознанием и бессознательным, между

идеологией и обществом. Применяя психоаналитические концепции, подчеркивая более глубокое осмысление марксистских позиций понимания идеологии не как сознания ложного, а скорее, как сознания иллюзорного, С. Жижек прокладывает путь к глубокому пониманию идеологии как сложного явления, включающего в себя не только рациональные аспекты, но и бессознательные желания, фантазии и механизмы самообмана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Львов А. А. Субъект познания как субъект политический: мировоззрение vs идеология // Инновационные технологии: основные признаки и роль в развитии современного общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 25 февраля 2016 г. / СПбПУ. СПб., 2016. С. 133–136.
2. Дестюд де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Данина. М.: Академ. проект, 2018.
3. Соколов Е. Г. Историко-философский гротеск/нонсенс: научный коммунизм // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 401–423. DOI: 10.21638/spbu34.2022.126.
4. Кротов А. А. «Идеология» как система: Дестюд де Траси // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2020. № 3. С. 38–53.
5. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестюд де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–148.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. Процесс производства капитала / пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. М.: Госполитиздат, 1952.
7. Фрейд З. Собрание сочинений: в 26 т. Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии 2 / пер. с нем. А. Боковикова. СПб.: ВИЕП, 2020.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Художеств. журнал, 1999.
9. Энгельс Ф. Письма к разным лицам (январь 1893 – июль 1895) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. / пер. М.: Политиздат, 1966. Т. 39. С. 1–412.
10. Баллаев А. Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. 1998. № 3. С. 55–75.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / пер. с нем. М.: Политиздат, 1988.
12. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с англ. А. Перцева. М.: АСТ, Екатеринбург: У-Фактория, 2009.
13. Демин И. В. Идеология в эпоху «Цинического разума» (Трактовка идеологии в работах Славоя Жижека) // Полития. 2021. № 4 (103). С. 6–23. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-6-23.
14. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары. Книга V (1957/58)) / пер. с фр. А. Черноглазова. 2-е изд. М.: Гнозис/Логос. 2018.
15. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и новый цикл / пер. с нем. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева. М.: СТД, 2006.

Информация об авторе.

Сахарова Софья Аркадьевна – аспирантка Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: философская антропология, философия культуры, психоанализ.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.04.2024; принята после рецензирования 07.05.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.*

REFERENCES

1. L'vov, A.A. (2016), "Subject of cognition as a political subject: worldview vs ideology", *Innovatsionnye tekhnologii: osnovnye priznaki i rol' v razvitii sovremennogo obshchestva* [Innovative technologies: main features and role in the development of modern society], SPb., RUS, February 25, 2016, pp. 133–136.
2. Destutt de Tracy, A.L.C. (2018), *Éléments d'idéologie. Idéologie proprement dite*, Transl. by Danin, D.A., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
3. Sokolov, E.G. (2023), "Historical and philosophical grotesque/nonsense: scientific communism", *Philosophy of the History of Philosophy*, vol. 3, pp. 401–423. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.126>.
4. Krotov, A.A. (2020), "Ideology' as a system: Destutt de Tracy", *Moscow Univ. Bulletin. Ser. 7. Philosophy*, no. 3, pp. 38–53.
5. Ivanova, A.S. (2013), "The elements of "ideology": Antoine Destutt de Tracy and his science of ideas", *Voprosy Filosofii*, no. 8, pp. 146–148.
6. Marx, K. (1952), *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Hg. 1. Buch I: Der Produktionsprozess des Kapitals*, Transl. by Stepanov-Skvortsov, I.I., Gospolitizdat, Moscow, USSR.
7. Freud, S. (2020), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 26 vols., Transl. by Bokovikov, A., vols. 13–14, VEIP, SPb., RUS.
8. Žižek, S. (1999), *The sublime object of ideology*, Transl. by Sofronov, V., Khudozhestvennyi zhurnal, Moscow, RUS.
9. Engels, F. (1966), "Letters to various persons (January 1893 – July 1895)", *Marx, K. and Engels, F., Sochineniya* [Works], 2nd ed., Transl., vol. 39, Politizdat, Moscow, USSR.
10. Ballaev, A.B. (1998), "The problem of ideology in the works of Karl Marx", *History of Philosophy*, no. 3, pp. 55–75.
11. Marx, K. and Engels, F. (1988), *Die Deutsche Ideologie*, Transl., Politizdat, Moscow, USSR.
12. Sloterdijk, P. (2009), *Kritik der Zynischen Vernunft*, Transl. by Pertsev, A., AST, U-Faktoria, Moscow, Ekaterinburg, RUS.
13. Demin, I.V. (2021), "Ideology in the Era of "Cynical Reason": Interpretation of Ideology in Slavoj Žižek's Works", *Politeia*, no. 4, pp. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-103-4-6-23>.
14. Lacan, J. (2018), *Les formations de l'inconscient (Séminaires: Livre V (1957/58))*, 2nd ed., Transl. by Chernoglazov, A., Gnozis, Logos, Moscow, RUS.
15. Freud, S. (2006), *Vorlesungen über die Einführung in die Psychoanalyse und den Neue Folge*, Trans. by Wulf, M.V. and Almaev, N.A., STD, Moscow, RUS.

Information about the author.

Sofya A. Sakharova – Postgraduate at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendelevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of culture, psychoanalysis.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.04.2024; adopted after review 07.05.2024; published online 24.06.2024.

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42>

Культурфилософский анализ коллективной идентичности и ее репрезентации в кинематографе

Каролина Алексеевна Кравченко¹, Любовь Сергеевна Московчук²

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

¹kakravchenko@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8692-4840>

²lsmoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>

Введение. Текущие деглобализационные и деколонизационные процессы в культуре ставят задачу переосмысления и системно-целостного анализа понятия коллективной идентичности с позиции философии культуры. Использование культур-философских парадигм позволяет преодолеть ограничения, накладываемые социальным конструктивизмом и психодинамическим подходом к описанию коллективной идентичности, и описать ее как устойчивый объективный интерперсональный феномен. В статье выделяются экстрагенные и интрогенные виды коллективной идентичности, которые отличаются по источнику формирования, обладают разной значимостью для индивида и отличаются по своим характеристикам.

Методология и источники. Исследование базируется на методологических основаниях символического интеракционизма, диалогической модели культуры М. М. Бахтина, дискурсивного подхода Ю. Хабермаса и системно-целостного анализа, разработанного М. С. Каганом.

Результаты и обсуждение. Коллективная идентичность рассматривается как результат соотнесения социокультурного опыта с системой ценностей через коммуникацию. Она включает в себя формирование границ и производство символов, которые направляют течение идентификации. Культурная и этническая идентичности относятся к интрогенным видам коллективной идентичности, для которых характерна экзистенциальная значимость. Обладая динамической природой, идентификация приводит к формированию устойчивой и определенной культурной или этнической идентичности, стремящейся сохранить свои границы и основания даже в случае трансформации оснований. Связано это с тем, что в основе их формирования лежат процессы intersubjectивной интерпретации, коммуникации и соборности. Так, кинематографическое произведение не просто отражает мир прямо, оно представляет его через языки и дискурсы, являясь отражением и социальным выражением, объективируя аксиосферу. Кино в целом и региональное кино в частности отражает культурные ценности и идентичность, моделируя этническое своеобразие и иллюстрируя точки зрения носителей культуры. Такой способ репрезентации освобождает культурную или этническую идентичность от искажений, характерных для экзотизма и этнографизма, возникающих при описании локальных культур глазами Другого.

Заключение. Коллективная идентичность сегодня возможна только через коммуникативное взаимодействие и основана на осознании общих возможностей участия в формировании идентичности, что предполагает равный вклад как индивидов, так и объективированной системы ценностей и символов через коллективную память.

© Кравченко К. А., Московчук Л. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: ценности, коллективная идентичность, культурная идентичность, этническая идентичность, философия культуры, кино, кинематографическая репрезентация

Для цитирования: Кравченко К. А., Московчук Л. С. Культурфилософский анализ коллективной идентичности и ее репрезентации в кинематографе// ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42.

Original paper

Cultural and Philosophical Analysis of Collective Identity and its Representation in Cinema

Karolina A. Kravchenko¹, Lyubov S. Moskovchuk²

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹*kakravchenko@etu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8692-4840>*

²*lsmoskovchuk@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4189>*

Introduction. The current processes of deglobalization and decolonization in culture pose the task of rethinking and conducting a systematic and holistic analysis of the concept of collective identity from the perspective philosophy of culture. By utilizing cultural-philosophical paradigms, it becomes possible to overcome the limitations imposed by social constructivism and psychodynamic approaches to describing collective identity, and to describe collective identity as a stable objective interpersonal phenomenon. This article distinguishes between introgenic and extragenic types of collective identity, which differ in their sources of formation, significance for individuals and characteristics.

Methodology and sources. This research is based on the methodological foundations of symbolic interactionism, Mikhail Bakhtin's dialogical model of culture, Jürgen Habermas's discursive approach, and the systemic-holistic analysis developed by Moisey Kagan.

Results and discussion. Collective identity is considered as the result of aligning sociocultural experience with a system of values through communication. It involves the establishment of boundaries and the production of symbols that guide the process of identification. Cultural and ethnic identities are considered as introgenic types of collective identity, characterized by existential significance. Being dynamic, an identification leads to the formation of a stable and defined cultural or ethnic identity that seeks to maintain its boundaries and foundations even in the face of transformative influences. This is related to the processes of intersubjective interpretation, communication, and collectivity underlying their formation. Cinematic works do not merely reflect the world directly; they present it through languages and discourses, serving as reflections of reflections and social expressions that objectify the axiosphere. Cinema as a whole, and regional cinema in particular, reflects cultural values and identity, modeling ethnic diversity and illustrating the perspectives of cultural bearers. This way of representation liberates cultural or ethnic identity from distortions typical of exoticism and ethnographism that arise when describing local cultures through the eyes of the Other.

Conclusion. Currently, collective identity is only achievable through communicative interaction and it is based on the awareness of shared opportunities to participate in identity formation. This implies an equal contribution from both individuals and the objectified system of values and symbols through collective memory.

Keywords: values, collective identity, cultural identity, ethnic identity, philosophy of culture, cinema, cinematic representation

For citation: Kravchenko, K.A. and Moskovchuk, L.S. (2024), "Cultural and Philosophical Analysis of Collective Identity and its Representation in Cinema", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-32-42 (Russia).

Введение. Для социогуманитарного знания исследование процессов и механизмов, связанных с самоопределением человека, всегда представляло особый интерес и особенную сложность. Именно идентичность лежит в основе распознавания Своих и Чужих, формируя не только личность человека, но и создавая коллективное тело культуры и общества. Наблюдаемые в режиме настоящего времени геополитические сдвиги и деглобализационные процессы в культуре ставят перед исследователями новые вопросы о сущности коллективной идентичности, ее структуре и механизмах идентификации. Во все более охваченных кризисом центрах мировой системы наблюдается взрывная утрата веры в возможность и необходимость единообразного видения прогресса цивилизации и возрастание интереса к новому традиционализму – стремление к восстановлению культурно-определенной идентичности через возрождение и ревизию этнокультурных традиций.

Идентичность – сложное психосоциальное явление, которое можно определить как результат обретения собственной самости через отождествление и дифференциацию с другими, и, как справедливо указывает М. Б. Хомяков, вопросы личностной (индивидуальной) идентичности напрямую связаны с проблемой групповых взаимоотношений: «идентичности конструируются как большинством <...> так и меньшинствами – во многом через “отталкивание” от культуры большинства» [1, с. 31], и анализ сущности и закономерностей коллективной идентичности необходим в перспективе развития устойчивого и неконфликтного этнокультурного разнообразия.

Существующие в настоящее время исследования коллективной идентичности часто носят узкоспециализированный характер и нуждаются в систематизации и прояснении терминологии. Так, в научной литературе можно встретить упоминания «культурной идентичности», «этнической идентичности», «национальной идентичности», «региональной идентичности» и многих других, однако комплексные и системные исследования, ставившие перед собой цель прояснения вертикальной и горизонтальной структур коллективной идентичности в реалиях современных децентрализирующих социокультурных процессов, представлены слабо. Среди работ следует назвать исследование социальной идентичности В. Ф. Левичевой, С. Л. Диманса [2], целый ряд публикаций В. И. Немчиной [3, 4 и др.], совместную статью И. В. Демичева и Г. Д. Султановой «Идентичность как социокультурный феномен» [5], работы Е. В. Головнёвой «Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура» [6], В. Е. Буденковой и Е. Н. Савельевой «Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы» [7] и др. Тем не менее большинство работ рассматривают коллективные идентичности в социологическом ключе и не формируют в совокупности целостного представления о структуре коллективной идентичности и понимании места культурной идентичности в этой структуре.

Методология и источники. Сложность исследования феномена идентичности заключается в его множественной природе и многофакторности из-за чего необходимо комплексное применение различных методов исследования и теоретических подходов. Наблюдается устой-

чивая тенденция рассматривать коллективную идентичность и ее разновидности в парадигме социального конструктивизма Б. Андерсона и психодинамической модели Э. Эриксона.

Согласно конструктивистскому подходу коллективная идентичность создается в процессе взаимодействия с отличающимися социальными общностями и зависит от множества культурных, социальных, политических и др. процессов. Акцент в данном случае делается на динамику и трансформацию оснований для коллективной идентичности. Как указывает Б. Андерсон, в основе коллективной идентичности лежат представления о «воображаемых сообществах», каковыми они являются, потому что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [8, с. 47]. Сущностные характеристики и границы этих воображаемых сообществ подвижны и постоянно конституируются через культуру, СМИ, идеологии и др. в соответствии с потребностями политических и социальных элит, государственных интересов и т. д. Такой подход обоснован в ситуациях, когда мы рассматриваем коллективные идентичности субъектов, оторванных «от прежнего локализованного культурного образца, грубо говоря, от почвы, территории», подкрепляя символическое преобразование пространства физическим перемещением [8, с. 22–23], но в ситуации, когда мы исследуем культурную идентичность локальных групп, сосуществующих длительное время в условиях многонациональности, такой подход ограничен. Этот подход предполагает принципиальную текучесть и неустойчивость идентичности: «переживаемая, испытываемая идентичность может сохранять свою целостность только при помощи клея фантазии и, возможно, мечтаний» [9, с. 92], где постоянно уточняются границы и идентификационные признаки, что плохо объясняет устойчивость локальных культурных сообществ.

Психодинамическая модель Э. Эриксона, в свою очередь, акцентирует внимание на внутренних сторонах процесса идентификации. В этой концепции идентичность рассматривается как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью, и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» [10, с. 59]. Идентичность предполагает упражнение в саморефлексии, посредством которого человек взвешивает свои способности и потенциальные возможности, осознает, кем он является как личность. Однако поскольку человек не одинок, а живет с другими, самопознание подразумевает признание себя членом группы, что, в свою очередь означает, что он является членом группы. В рамках этого подхода противопоставляются личностный и социальный виды идентичности, что обрекает исследователя на признание потенциальной конфликтности идентификационных процессов.

Более перспективным для анализа коллективной идентичности и ее видов представляется использование символического интеракционизма, диалогической модели культуры М. М. Бахтина, дискурсивного подхода Ю. Хабермаса и аксиологической модели культуры, предложенной М. С. Каганом, на которые и будут опираться авторы в своем анализе.

Результаты и обсуждение. В рамках социального интеракционизма в основе социального мира лежит множество разнообразных символов, которые «придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции – взаимодействия людей друг

с другом в процессе коммуникации» [11, с. 114]. Коллективную идентичность можно рассматривать как результат соотнесения преходящего социокультурного опыта общности людей с системой ценностей в процессе непрерывной коммуникации.

Использование этого подхода, позволяет нам выделить в коллективной идентичности два вектора формирования: формальный, когда субъект разделяет систему ценностей, чтобы чувствовать принадлежность к группе, и сущностный, когда субъект испытывает чувство принадлежности к общности, потому что ему созвучны определенные ценности. Первый случай допускает рассмотрение коллективной идентичности как чего-то внешнего, в определенной степени случайного или выбираемого самим субъектом. К таким формальным видам коллективной идентичности можно отнести национальную (гражданскую) идентичность и региональную идентичность – и их можно назвать экстрагенными. Второй вариант предполагает объективацию ценностей через объединение людей, а потому идентификация протекает через интересубъективную интерпретацию, коммуникацию и соборность, понимаемую как органическое единство. К таким видам коллективной идентичности можно отнести культурную, религиозную, этническую идентичности, которые можно назвать интрогенными.

Признавая процессуальность идентификации, связанную в терминологии М. М. Бахтина с тем, что «человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А» [12, с. 68], следует в то же время подчеркнуть устойчивость и определенность возникающей идентичности. Как указывает Loredana Sciolla, коллективная идентичность включает в себя автономное формирование границ и производство символов, которые, тем не менее взаимодействуют с ожиданиями или проекциями других индивидов, с которыми он также может вступить в конфликт. Этот процесс приводит к неустойчивому равновесию, результатом которого может быть либо модификация индивидуальной идентичности (в крайнем случае выход из группы), либо модификация идентичности самой группы (в крайнем случае разрушение ее коллективной идентичности) [13, с. 59–60]. Именно потенциальная вероятность разрушения коллективной идентичности и подчеркивает внутреннюю потребность индивида или группы в самоидентичности и устойчивости идентичности. Если меняются политические границы, то национальная (гражданственная) идентичность может органично измениться вместе с ними. Если представления о символах и ценностях, формирующих ядро культурной или этнической идентичности, трансформируются под влиянием историко-культурных факторов, то эти виды коллективной идентичности будут стремиться к сохранению самоидентичности и сохранению своих границ.

Юрген Хабермас в «Теории коммуникативного действия» [14, с. 77] различает две фазы интеграции идентичности: символическую и коммуникативную. В символической однородность группы делает возможным преобладание коллективной идентичности над индивидуальной. На этом этапе индивиды оказываются связанными ценностями, образами, мифами, которые составляют нормативную базу группы и, следовательно, выступают спланированными элементами. Коммуникативная интеграция соответствует современным обществам, в которых выраженная специализация влечет за собой разнообразие социальных и культурных пространств современности, а также разрыв убеждений. На этом этапе коллективная идентичность проявляется во все более абстрактной и универсальной форме, так что нормы, образы и ценности больше не могут быть приобретены посредством традиции, а лишь посредством

коммуникативного взаимодействия. В этом смысле необходима активная роль отдельных лиц, от этого зависит, будут ли они идентифицировать себя со своей группой. Коллективная идентичность сегодня возможна только в рефлексивной форме, так что она основана на осознании общих и равных возможностей участия в тех коммуникативных процессах, где формирование идентичности происходит как непрерывный процесс обучения.

Как было указано, культурная и этническая идентичности – результаты intersубъективных переживаний, имеющих экзистенциальное значение для индивида. Опираясь на определение К. Осгуда, согласно которому культура включает в себя совокупность «идей о производстве, поведении и представлениях» человеческого сообщества, полученных из непосредственного созерцания или коммуникации и их осознания [15, с. 58], можно заключить, что в процессе своего социального существования люди постоянно делают преимущественно неосознанный выбор, который определяется применимыми внутрикультурными ценностями. Культурная идентичность относится к созданию и культивированию реальности на основе определенных ценностей, создающих особую символическую реальность, в которой система ценностей и социальная система полностью переплетены и пропитаны деятельностью друг друга.

По поводу тесной взаимосвязи этнической идентичности и культуры С. Рамирес высказывается: «...мы собираемся концептуализировать этническое глобально, включив в понятие этнической идентичности идею принадлежности к культурной группе, ограниченной символическими границами, и идея социально общей культуры присутствует почти во всех определениях этнической принадлежности...» [16, с. 217]. Культура как результат человеческой деятельности порождает общие смыслы и ценности. Но именно в силу своей активной природы культурная идентичность предполагает активную рецепцию ценностей, символов, обычаев, образа жизни и моделей поведения, и это лишь некоторые аспекты в конкретном социальном контексте и историческом моменте. Этническая и культурная идентичности могут рассматриваться как совпадающие в пределах совпадения границ этноса и культуры или взаимодополняющие в случае принятия общей системы ценностей разными этносами.

В настоящее время различные исследования направлены на изучение способов, с помощью которых идентичности, в том числе культурная и этническая, формируются, воображаются, изображаются и передаются через средства массовой информации. Интерес к концептам культурной и этнической идентичности вызван критикой достаточно долго существовавшей культурной, экономической и политической системы, которая претендовала расширить ценностный мир западной культуры на все остальные. Он возникает как критика колониализма, который осуществляли европейские державы в Азии, Африке и Америке и с помощью которого они оправдывали и нормализовали порожденные ими иерархические властные отношения.

Проблема отношения кинематографа к коллективной идентичности, возникающей вокруг культуры, этноса или нации, сложна. С одной стороны, история кино традиционно пишется как истории различных национальных кинотеатров (французского кино, иранского кино и т. д.), и действительно, национальное происхождение фильма продолжает оставаться основным классификационным признаком кинофестивалей. Таким образом, степень, в которой можно сказать, что любое национальное кино «отражает» или выражает определенную национальную культуру, осложняется неравномерным обменом в глобальном потоке

изображений и подменой культурной и этнической идентичностей национальной, т. е. гражданской. Границы нации, будучи зависимыми от политических процессов и событий, подвижны, а потому не могут использоваться в качестве надежного демаркационного принципа, позволяющего проводить кросскультурные исследования кинематографа. Более релевантным для исследований репрезентации коллективной идентичности в искусстве будет обращение к категориям культурной и этнической идентичности, как к более устойчивым и личностно-значимым.

Идентичность и культура являются двумя основными строительными блоками этничности. Следует согласиться с Н. Гашевой, что «обращение современного кино к проблеме этномифологизма представляется нам связанным с поисками новых форм культурной идентичности – процессу, который в 1990–2000-е годы интенсифицируется и имеет во многом противоположную направленность по отношению к модернизации и унификации культурных ценностей в постсовременном глобальном мире» [17, с. 95]. Посредством конструирования идентичности и культуры отдельные лица и группы пытаются решить проблему этнических границ и смысла. Цели производства культуры включают в себя создание коллективного смысла, конструирование сообщества с помощью мифологии и истории и, как следствие, создание символических основ и утверждения ценности этнической мобилизации. Непрерывность и воспроизводимость коллективной идентичности достигается за счет коллективной и индивидуальной памяти, при этом разрыв между индивидуальным и коллективным опытом устраняется за счет коллективной памяти. Утрата коллективной памяти приводит к утрате коллективной идентичности так же, как утрата личных воспоминаний к утрате личности. Один из основных инструментов сохранения коллективной памяти – коммуникация, именно она «заставляет прошлое быть в настоящем или, точнее, наделяет ценностью определенные события прошлого в настоящем» [18, с. 9].

По мнению О. А. Крюковой, в кино находят свое отражение характеристики идентичности, которые при помощи образов моделируют этническое своеобразие и иллюстрируют общность точек зрения носителей культуры на этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки. К этим характеристикам исследовательница относит следующие особенности: «1) противопоставление образа «мы» (позиция носителя культуры) образу «они» («другие», «чужие»), т. е. носителям иной этнокультурной идентичности; 2) образное воплощение «дома»/«малой родины»/«родной земли»; 3) описание/изображение специфики «родной природы», осмысление взаимоотношений человека и природы; 4) осознание этнической принадлежности автором и его героями; 5) обращение к национально-культурным ценностям, константам, символам, архетипическим образам и мотивам, этноконцептам; 6) культивирование исторического прошлого, мифологии, фольклора и традиционной культуры своего народа, поиск этнических корней; 7) художественное исследование проблем ментальности, национального своеобразия характера и психологических особенностей героев; 8) выявление этнически своеобразного типа, идеала личности (включая антропологические особенности); 9) подчеркивание специфики национальной (в том числе языковой) картины мира; 10) образно-смысловое осуществление идеи духовной преемственности и взаимосвязи поколений; 11) использование характерных антропонимов, гидронимов и др.; 12) стиливые черты поэтики произведений» [19, с. 225].

Кинематографическая репрезентация выполняет символическую функцию распространения этно-культурных систем ценностей и мировоззрений. Это творческая площадка, где заново представлены и переосмыслены культурные ценности и идентичность. Следовательно, любая попытка понять кино, отражающее культурную или этническую идентичность, автоматически влечет за собой изучение коллективного исторического сознания этой этно-культурной общности.

М. Бахтин переформулирует идею репрезентации, чтобы избежать наивной веры в «правду» и «реальность», не оставляя в стороне идею о том, что художественные представления безвозвратно социальны. Историческое сознание и художественная практика, объясняет Бахтин, вступают в контакт с «реальным» не напрямую, а через окружающий их идеологический мир: «Объективность (реальность) даны не в природе, не в сознании, а в истории и культуре; объективность и непрерывная объективация в культурной работе» [20, с. 331]. Литература и в более широком смысле кино не отражают и не относятся к миру, а скорее представляют его языки и дискурсы. Художественный дискурс больше, чем прямое отражение или даже преломление реального, представляет собой отражение отражения. Для Бахтина искусство, несомненно, является социальным не потому, что оно представляет реальное, а потому, что оно представляет собой исторически сложившееся «выражение», набор знаков, которые направляют один или несколько социально сформированных субъектов к цели.

На этом этапе необходимо проанализировать важность дискурса в кинематографических представлениях и построении социальной реальности. Для этого необходимо начать с описания того, что понимается как дискурс. Шохат и Стам, продолжая традицию М. Фуко, рассматривают дискурс, как «архив мультиинституциональных и трансиндивидуальных образов и утверждений, которые обеспечивают общий язык, представляющий знания по определенному предмету». Как «режимы истины», дискурсы обличены институциональными структурами, которые исключают конкретные голоса, эстетику и представления [21, с. 36]. Таким образом, кинематограф может рассматриваться как инструмент формирования коллективной идентичности, ее репрезентации и сохранению. В качестве примера можно привести особый феномен в развитии современного кинематографа – региональное кино, представляющее собой обращение к этно- и культурно значимым темам и образам от первого лица, выступающее рефлексией над процессами коллективной этно- или культурной идентификации. Как отмечает М. С. Каган, «ценностное отношение, рассмотренное со стороны субъекта, реализуется двояко – как отнесение к ценности оцениваемого объекта и как его осмысление» [22, с. 51]. В такой же роли выступает региональное кино по отношению к коллективному субъекту, который получает через него свой голос и позволяет сформулировать этнокультурную систему ценностей, отразить ее и перевести коллективную идентичность из состояний существования «в себе» и «для себя» в объективированную аксиосферу. В кинематографическом произведении коллективная идентичность получает свое системно-целостное воплощение через синкретизм познания, преобразования, ценностного сознания и диалогического общения с носителем иной коллективной идентичности. В результате возникает репрезентация культурной или этнической идентичности свободная от этнографичности и экзотизма, характерных для отражения репрезентации коллективной идентичности глазами Другого.

Закключение. Процесс, посредством которого люди идентифицируют себя с определенной группой, известен как коллективная идентификация, и он зависит от множества культурных факторов, включая этническую принадлежность, религию, пол, возраст и т. д., а потому коллективную идентичность следует рассматривать как сложную иерархическую структуру. В отличие от экстрагенных видов коллективной идентичности культурная и этническая идентичности интерперсональны и коммуникативны, объективируя через действия людей и культурные произведения символический мир этноса или локальной культуры. Исследование культурной и этнической идентичности должно строиться на признании дискурсивной значимости высказывания, которое совершается культурой, социумом и индивидом через развитие регионального кинематографа, служащего одновременно проводником в мир коллективной идентичности и ее творца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Ин-т социол. РАН, 2006. С. 30–56.
2. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение, 2023. № 2. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-73-83>.
3. Немчина В. И. Доминирующие стратегии идентификации конструирования коллективностей // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 121–128.
4. Немчина В. И. Фреймы воспроизводства коллективных идентичностей // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 78–83.
5. Демичев И. В., Султанова Г. Д. Идентичность как социокультурный феномен // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.6>.
6. Головнева Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
7. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44. DOI: 10.17223/22220836/21/4.
8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.
9. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. Д. Андреевой и др. М.: Прогресс, 1996.
11. Шульга Е. Н. Символический интеракционизм и рациональность. // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. М.: Альфа, 2012. С. 275–287.
12. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
13. Schlesinger, P. Identidad nacional: Una crítica de lo que se entiende y malentiende sobre este concepto // Estudios sobre las Culturas Contemporáneas. 1989. Vol. II. N° 006. P. 39–98.
14. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Boston, MA: Bacon Press, 1987.
15. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении / пер. В. Г. Николаева // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 57–90.
16. Rodríguez Soriano M. O. Identidad, cultura y etnicidad: una aproximación teórica. Apuntes acerca de la problemática sociocultural e identitaria de los latinos en Estados Unidos // Novedades en Población. 2020. № 16 (32). P. 212–241.

17. Гашева Н. Н. Современное российское кино: культурологический аспект // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 21. С. 90–100.
18. García Mendoza J. Exordio a la memoria colectiva y el olvido social // Athenea Digital. 2005. № 8. Р. 1–26.
19. Крюкова О. А. Кино как маркер культурной идентичности (на материале кинематографа Квебека) // Франкофония: язык, культура и проблемы идентичности. 2020. Т. 11. С. 86–98.
20. Бахтин М. М. Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 326–342.
21. Shohat E., Stam R. Multiculturalismo, cine y medios de comunicación. Crítica del pensamiento eurocéntrico. Barcelona: Paidós. 2002.
22. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.

Информация об авторах.

Московчук Любовь Сергеевна – кандидат философских наук (2006), доцент (2013), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 45 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, кросскультурные исследования, аксиология, этика, философская антропология.

Кравченко Каролина Алексеевна – аспирантка, ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философия кино, философская антропология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.04.2024; принята после рецензирования 07.05.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Khomyakov, M.B. (2006), "Identity, tolerance and the idea of citizenship", *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia], Institute of Sociology RAS, Moscow, RUS, pp. 30–56.
2. Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU BULLETIN. Ser. Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no. 2, pp. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-73-83>.
3. Nemchina, V.I. (2014), "The dominant strategy for the identification and production of collectivities", *Humanities of the South of Russia*, no. 3, pp. 121–128.
4. Nemchina, V.I. (2013), "Reproduction frames of collective identities", *Social and humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 78–83.
5. Demichev, I.V. and Sultanova, G.D. (2017), "Identity as a sociocultural phenomenon", *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.6>.
6. Golovneva, E.V. (2013), "Regional identity as a form of collective identity and its structure", *Labyrinth. J. of Social and Humanitarian Studies*, no. 5, pp. 42–50.
7. Budenkova, V.E. and Savelieva, E.N. (2016), "Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches", *Tomsk State Univ. J. of Cultural Studies and Art History*, no. 1 (21), pp. 31–44. DOI: [10.17223/22220836/21/4](https://doi.org/10.17223/22220836/21/4).
8. Anderson, B. (2016), *Imagined Communities*, Transl. by Nikolaev, V., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
9. Bauman, Z. (2008), *Liquid modernity*, Transl. by Asochakov, Yu.V. (ed.), Piter, SPb., RUS.

10. Erickson, E. (1996), *Identity: youth and crisis*, Transl. by Andreeva, A.D. et al., Progress, Moscow, RUS.
11. Shul'ga, E.N. (2012), "Symbolic interactionism and rationality", *Kommunikativnaya ratsional'nost' i sotsial'nye kommunikatsii* [Communicative rationality and social communications], Alfa, Moscow, RUS, pp. 275–287.
12. Bakhtin, M.M. (1979), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR.
13. Schlesinger, P. (1989), "Identidad nacional: Una crítica de lo que se entiende y malentiende sobre este concepto", *Estudios sobre las Culturas Contemporáneas*, vol. II, no. 006, pp. 39–98.
14. Habermas, J. (1987), *The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Bacon Press, Boston, MA, USA.
15. Bidney, D. (1997), "Theoretical Anthropology", Transl. by Nikolaev, V.G., *Antologiya issledovaniy kul'tury* [Anthology of cultural studies], vol. 1, Universitetskaya kniga, SPb., RUS, pp. 57–90.
16. Rodríguez Soriano, M.O. (2020), "Identidad, cultura y etnicidad: una aproximación teórica. Apuntes acerca de la problemática sociocultural e identitaria de los latinos en Estados Unidos", *Novedades en Población*, no. 16 (32), pp. 212–241.
17. Gasheva, N.N. (2012), "Modern Russian cinematography: cultural aspect", *Bulletin of Kemerovo State Univ. of Culture and Art*, no. 21, pp. 90–100.
18. García Mendoza, J. (2005), "Exordio a la memoria colectiva y el olvido social", *Athenea Digital*, no. 8, pp. 1–26.
19. Kryukova, O.A. (2020) "Le cinéma comme marqueur d'identité (sur l'exemple du cinéma québécois)", *Francophonie: langue, culture et problèmes identitaires*, vol. 11, pp. 86–98.
20. Bakhtin, M.M. (2003), "Lectures and speeches of M. M. Bakhtin 1924–1925 in the notes of L.V. Pumpyansky", *Sobranie sochinenii* [Collected works] in 7 vols., vol. 1, Russkie slovari, Moscow, RUS, pp. 326–342.
21. Shohat, E. and Stam, R. (2002), *Multiculturalismo, cine y medios de comunicación. Crítica del pensamiento eurocéntrico*, Paidós, Barcelona, ESP.
22. Kagan, M.S. (1997), *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value], Petropolis, SPb., RUS.

Information about the authors.

Lyubov S. Moskovchuk – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Docent (2013), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 45 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, cross-cultural studies, axiology, ethics, philosophical anthropology.

Karolina A. Kravchenko – Postgraduate, Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophy of cinema, philosophical anthropology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.04.2024; adopted after review 07.05.2024; published online 24.06.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.4.051.62

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-43-65>

Сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей, менеджеров и журналистов: междисциплинарный подход

**Павел Петрович Дерюгин¹✉, Сергей Дмитриевич Куражев²,
Людмила Павловна Саженкова³, Даниил Александрович Лебединцев⁴**

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

⁴Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ ¹ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>

²serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>

³sazhenkova99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1422-9796>

⁴daniil.al1997@gmail.com

Введение. Сетевые методы диагностики обладают важным достоинством, которое заключается в возможности интегрировать данные различных научных исследований. В частности, актуальна возможность проведения диагностики, нацеленной на выявление связанности социальных и психологических характеристик акцентуаций студентов различных направлений подготовки.

Методология и источники. Использованы концептуальные идеи различных наук, предполагающих построение синтетической методологии исследования. Интегрированы положения социологической науки, социальной психологии и психологии о природе, факторах формирования и особенностях проявления акцентуаций личности, зависящих от самых разнообразных условий, в частности от характера профессионального выбора.

Результаты и обсуждение. Полученные результаты исследования представлены в виде сетей акцентуаций, отражающих некоторые особенности их связанности. Подтвердились основные гипотезы исследования: сети акцентуаций студентов-журналистов выстраиваются вокруг подвижных эмоциональных акцентуаций; сети студентов-менеджеров формируются вокруг стремлений лидировать; сети студентов-программистов складываются в наиболее плотные среды вокруг интеллектуальных свойств, качеств и характеристик учащихся.

Заключение. Построение сетей акцентуаций студентов различных профилей подготовки имеет хорошую перспективу для диагностики и коррекции образовательного процесса. Сетевое моделирование динамики формирования акцентуаций студентов по мере обучения в университете дает надежную основу для оценки и управления учебно-воспитательным процессом.

© Дерюгин П. П., Куражев С. Д., Саженкова Л. П., Лебединцев Д. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: сети, акцентуации, моделирование, студенты, профили подготовки, междисциплинарный подход, сравнительный анализ

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Для цитирования: Сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей, менеджеров и журналистов: междисциплинарный подход / П. П. Дерюгин, С. Д. Куражев, Л. П. Саженкова, Д. А. Лебединцев // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 43–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-43-65.

Original paper

Accentuation Networks of IT Students, Managers and Journalists: an Interdisciplinary Approach in Comparative Analysis

**Pavel P. Deryugin¹✉, Sergei D. Kurazhev², Lyudmila P. Sazhenkova³,
Daniil A. Lebedintsev⁴**

¹*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia*

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

⁴*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

✉¹*ppd1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>*

²*serga-98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8355-8457>*

³*sazhenkova99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1422-9796>*

⁴*daniil.al1997@gmail.com*

Introduction. Network diagnostic methods have an important advantage, which is the ability to integrate data from various scientific studies. In particular, the potential of the possibility of conducting diagnostics aimed at identifying the connectedness of the social and psychological characteristics of the accentuations of students of various fields of study is relevant.

Methodology and sources. The conceptual ideas of various sciences involving the construction of a synthetic research methodology are used. The provisions of sociological science, social psychology and psychology on the nature, factors of formation and features of the manifestation of personality accentuations, as dependent on a wide variety of conditions, are integrated.

Results and discussion. The obtained research results are presented in the form of accentuation networks, reflecting some features of the connectedness of accentuations. The main hypotheses of the study were confirmed, networks of accentuation of student journalists are built around mobile-emotional accentuations; networks of student managers are formed around aspirations to lead; networks of IT students are the most dense among the intellectual qualities and characteristics of students.

Conclusion. Building networks of accentuation of students of various training profiles has a good prospect for the practice of diagnosis and correction of the educational process. Network modeling of the dynamics of the formation of students' accents as they study at the university provides a reliable basis for evaluating and managing the educational process.

Keywords: networks, accentuations, modeling, students, training profiles, interdisciplinary approach, comparative analysis

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 24-18-00261 "The sociostructural model of the transition of Russian society to the mode of augmented modernity").

For citation: Deryugin, P.P., Kurazhev, S.D., Sazhenkova, L.P. and Lebedintsev, D.A. (2024), "Accentuation Networks of IT Students, Managers and Journalists: an Interdisciplinary Approach in Comparative Analysis", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 43–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-43-65 (Russia).

Введение. Разработка технологий сетевой диагностики акцентуаций студентов различных специальностей рассматривается как одно из направлений изучения и анализа деятельности университетов, способствующих повышению роли социального института образования в обеспечении научной и технологической независимости российского общества. Почему анализ акцентуаций студентов способен наиболее выпукло представить и адекватно отразить успешность деятельности университетов по формированию качеств выпускников? Во-первых, акцентуации личности интегрируют всю совокупность психофизиологических, социально-психологических и социальных условий, оказавших влияние на формирование личности студентов [1, 2]. Во-вторых, акцентуации личности, определенные в качестве индикатора успешности социализации, позволяют объяснять особенности участия личности в деятельности и системе межличностных отношений [3]. В-третьих, в публикациях последнего времени акцентуации все чаще рассматриваются индикатором не только успешной социализации, но также профориентации и формирования профессионального выбора школьников [4] и студентов [5]. Акцентуированные или, как писал М. Вебер, «выдающиеся качества» и «отличительные свойства» становятся базовым условием самореализации и целенаправленного влияния на других людей.

Проблемность настоящего исследования заключена в том, что в современном обществе характер профессиональной подготовки студентов различных профилей своеобразно сказывается на формировании социально-психологических характеристик личности – ее акцентуациях. С другой стороны, освоение профессии предполагает наличие некоторых специфических свойств личности, что выражается в повышении роли и значимости тех качеств, которые обеспечивают успешное социальное включение в профессиональную сферу, эмоциональное и интеллектуальное вовлечение в профессию, обеспечивают специфическую коммуникабельность и общительность личности в профессиональной контактной среде. Наряду с этим настоящие грани формирования личности студентов различных профилей подготовки зачастую крайне однообразно и трафаретно учитываются при подготовке учащихся вузов.

Объектом настоящего исследования стали студенты-журналисты, студенты-менеджеры, студенты ИТ-специальностей, профессиональная направленность подготовки которых складывается по-особому: программирование, управление организациями, работа с информацией в СМИ – это весьма своеобразные и непохожие друг на друга виды деятельности, требующие конкретизированного учета специфики формирования профессиональной направленности учащихся и уникальных подходов к ее формированию. Предмет исследования – выявление и характеристика особенностей сетей акцентуаций студентов различных профилей подготовки. Цель исследования – выявление, описание и характеристика сетей акцентуаций студентов различных специальностей, их верификация и изучение на этой основе особенностей и специфики акцентуаций студентов ИТ-специальности, менеджеров и журналистов.

Методология и источники. Междисциплинарный характер исследования предполагал, во-первых, систематизацию концептуальных положений социологии, социальной

психологии и психологии о зависимости профессионального выбора студентов от особенностей акцентуаций личности, позволяющую преодолеть абсолютизацию стилистических, во многом поверхностных черт поведения современного молодого человека как оснований ценностного выбора [6]. Исследование ориентировано на базовые положения К. Леонгарда об акцентуациях, в которых скрываются как социально значимые достижения личности, так и социально отрицательные результаты [1, 2]. Во-вторых, опору на методологические и методические положения об эвристическом потенциале сетевого моделирования социальных явлений и процессов. В частности, использованы положения и концептуальные идеи о построении сетей на основании тематического моделирования [7] и моделей исследований межличностных отношений в образовательном процессе [8]. К наиболее актуальным положениям концептуального подхода следует отнести основные выводы исследований, проведенных отечественными и зарубежными авторами:

- о взаимозависимости профессионального выбора и акцентуаций характера молодых людей [9–12];
- о динамике акцентуаций по мере освоения учебной деятельности и вовлеченности в профессию [13–15];
- о социальной включенности студентов различных профилей подготовки в сетевые связи в зависимости от экстра- и интранаправленного характера сформированных акцентуаций [16, 17];
- о социальной включенности студентов различных профилей подготовки в сетевые связи в зависимости от эмоциональной и интеллектуальной направленности сформированных акцентуаций [18, 19].

Центральными понятиями построения гипотезы исследования являются: 1) представления о социальной включенности-исключенности. Включенность в настоящем случае понимается как мера оптимальных связей между конкретной личностью и конкретной социокультурной профессиональной средой; структура социальной включенности личности, представленная интенциональным, статусным, когнитивным и диспозиционным компонентами, имеющими двойственную природу, выступающими и как личностные диспозиции, и как феномен, источником которого является социокультурная среда [20]; 2) понимание эмоциональной вовлеченности как состояния, при котором человек активно и глубоко переживает и выражает свои эмоции в отношении какого-либо события, объекта или явления, чувствует (или не чувствует) сильную эмоциональную связь с тем, что происходит вокруг него и с ним [21, 22]; 3) понятие интеллектуальной вовлеченности как конструкта личности, относящегося к получению человеком удовольствия (или неприязни) от интеллектуально напряженной деятельности [23, 24].

По результатам проведенного анализа сформированы данные, раскрывающие основные социальные характеристики акцентуаций личности как индикаторов диагностики, важные для осуществления профессиональной деятельности (табл. 1).

Гипотеза эмпирического исследования предполагала подтверждение предположений о наличии особенностей сетей акцентуаций у студентов различных профилей подготовки, раскрывающих (отражающих) специфику их предстоящей профессиональной деятельности: у журналистов сети будут ориентированы на концентрацию качеств подвижности,

ориентированности на социальные контакты и коммуникации; у менеджеров основные особенности сети будут ориентированы на качества, отражающие способность влиять на внешнюю среду; у программистов такой особенностью станет ориентация на качества, обеспечивающие интеллектуальную составляющую деятельности.

Таблица 1. Основные социальные характеристики акцентуаций личности
Table 1. Main social characteristics of personality accentuations

Психологическая характеристика акцентуации	Социальная характеристика поведения	Характерные признаки социального взаимодействия
Параноидальность (Пр) – главный стимул активности – достижение цели [25]; недоверчивость, замкнутость, ожесточенность, одиночество, докзательство правоты, утверждение своего авторитета, возникающие как реакция на невозможность достижения цели	Стратегия самоутверждения (лидерства) в среде окружающих, допускающая любые средства в интересах достижения цели. Лидерство в достижении цели как вектор социальной включенности	• «Хозяин»; • постоянная жажда власти и контроля; • непринятие другой точки зрения; • абсолютизация своих установок и убеждений; • инверсионное мышление по типу «белое» – «черное», «друзья» – «враги»; • манипулирование; • подавление или унижение других; • подозрительность и озлобленность; • поиск «врагов»; • установление тоталитарных режимов; • может эффективно лидировать, опираясь на контроль, возможно, карательную систему [26, 27]
Эпилептоидность (Эп) – склонность к угрюмому, тоскливым настроениям и внутренним раздражениям, упорство и злость выражается в ситуациях нарушения стабильности и системы [28, с. 29]	Стратегия самоутверждения (лидерства) через навязывание своих педантичных, стабильных, незыблемых установок в окружающей среде. Лидерство в формировании системных властных отношений на основе интеллектуальной вовлеченности	• «Отличник»; • навязчивое желание все сделать наилучшим образом; • напряженность, отсутствие легкости, гибкости, маневра; • озабоченность, мелочность, пунктуальность; • догматичность; • болезненная реакция на ошибки [28]. Пример: Е. Т. Гайдар. «Егор Гайдар у многих россиян вызывает эпилептический припадок» [29]
Гипертимность (Гр) – черты характера, проявляющиеся в высокой энергичности, выносливости, активном общении, выразительных жестах и речи, демонстрации превосходства	Стратегия самопроявления (лидерства) посредством активной деятельности и общения, мобилизации окружающих личным примером. Лидерство в активной деятельности и общении как вектор социальной включенности	• Повышенный фон настроения; • неудержимая активность; • стремление к неформальному общению; • высокая самооценка; • организатор группы; • самостоятельность суждений; • идейный вдохновитель группы. Лидером может стать только самостоятельный, активный человек, который своей энергией будет направлять группу в нужном направлении [30, с. 367]. Примеры: Ноздрев и Хлестаков, по Н. В. Гоголю [31]
Истероид (Ис) – особенности характера, проявляющиеся в завышенной самооценке, высоком уровне притязаний, повышенной эмоциональности, неудовлетворенности имеющимся и достигнутым	Стратегия влияния на социальную среду посредством своего эмоционального воздействия, ориентированного на яркое выражение чувств и реакций. Эмоциональное лидерство как основание социальной включенности	• «Артист»; • играет на публику; • склонен к внешним эффектам и демонстрациям; • желание нравиться; • привлекает к себе внимание; • предсказуем; • теряет смыслы в ущерб деятельности; • льстец; • требует одобрение масс; • «стремится возбудить и повести за собой толпу» [32]. Пример: В. Зеленский [33].

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Психологическая характеристика акцентуации	Социальная характеристика поведения	Характерные признаки социального взаимодействия
Шизоидность (Шз) – совокупность качеств, ориентирующих личность на теоретизирования и фантазии, эмоциональная холодность; замкнутость	Стратегия – валяние на социальное окружение посредством новых (авторских) интеллектуальных конструкций. Интеллектуальное лидерство как основание интеллектуальной вовлеченности	• «Одиночка»; • самоизоляция и самоустранение от участия в конкретных событиях; • нежелание присоединяться ни к каким позициям и установкам других; • сторонний наблюдатель за деятельностью других; • нежелание отвечать за других. «В качестве лидера дополняет свой характер чертами параноидального и демонстративного стиля». Синтез этих трех стилей политического руководства явил собой А. Гитлер [34]
Психастения (Пс) – эмотивность, высокая чувствительность и склонность к глубоким реакциям в области «тонких» эмоций [1], пограничное состояние между психопатией и неврозом [2]	Стратегия – уклонение от активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Ведомый, социальная изоляция	• «Соратник»; • тревожность; • пессимизм; • настороженность; • боязливость; • склонность к рассуждательству и самоанализу; • мнительность; • страхи; • подчиненность ритуалам; • слабость, политическое безволие и т. д. Чаще всего это волонтеры, психологи, медицинские сестры
Сенситивность (Сн) – способность ощущать, различать и реагировать на внешние раздражители [35]	Стратегия – уклонение от активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Ведомый, социальная изоляция	• Впечатлительность; • развитое чувство неполноценности; • робость, застенчивость; • доброта; • спокойствие; • взаимопомощь; • важно социальное признание [35]
Гипотимность (Гм) – постоянно пониженное настроение	Стратегия – пассивность, напряженность, уклонение от активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Ведомый, социальная изоляция	• Обидчивость; • ранимость; • ипохондрия; • отсутствие интересов и увлечений; • уныние; • преувеличение негативизма; • совестливость; • добросовестность; • трудолюбие; • аккуратность; • деликатность; • мягкость; • доброта. Часто проявляется как реакция на стрессовую ситуацию с большим эмоциональным напряжением [36, с. 33]
Конформизм (Кн) – подстраивание своего поведения или своих суждений под влияние других людей или мнений	Стратегия – пассивность, напряженность, уклонение от активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Эмпатия, эмоциональная вовлеченность	Социально-психологическая ориентация личности, которая проявляется не в самостоятельном, глубоко продуманном выборе жизненных и социальных ценностей, а лишь в пассивном, приспособительном отношении к существующему порядку вещей [37]

Окончание таблицы 1
End of Table 1

Психологическая характеристика акцентуации	Социальная характеристика поведения	Характерные признаки социального взаимодействия
Неустойчивость (Ну) – чрезмерная подвижность настроения, когда эмоции слишком быстро появляются и сменяются на другие. Человек легко переходит от радости к грусти, от слез к смеху и т. д. [38]. Эмоциональная неустойчивость – одна из характеристик людей с истероидным расстройством личности	Стратегия – пассивность, колебания, уклонение, перепады в активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Ведомый, социальная изоляция	«Рубаха-парень». Неустойчивость может выступать фактором возникновения суицидальных наклонностей, эмоциональных потрясений и фактором индивидуального отношения к социальным нормам, отражающим какие-либо трудности, связанные с общечеловеческой [39]
Астения (Ас) – болезненное состояние, которое проявляется повышенной утомляемостью [40]	Стратегия – пассивность, напряженность, уклонение от активной деятельности, стремление действовать в рамках небольших групп. Ведомый, социальная изоляция	• Крайняя неустойчивость настроения; • ослабленное самообладание, нетерпеливость; • неусидчивость; • нарушение сна; • утрата способности к длительному умственному и физическому напряжению, непереносимость громких звуков, яркого света, резких запахов. Астения – один из наиболее распространенных симптомов многих соматических и психических заболеваний [40]
Лабильность (Лб) – нестабильное эмоциональное состояние, при котором без видимых на то причин часто меняется настроение, ориентация на противоположные настроения [41].	Стратегия – изменчивость, напряженность, стремление к разнообразию, зависимость от ситуации. Эмпатия, эмоциональная вовлеченность	• Чувствительность, ранимость, незащищенность; • врожденная склонность к теплоте и душевности; • немотивированная смена настроения; • неразрешимые внутренние конфликты; • эмоциональное отвержение; • заторможенное развитие; • пониженная самооценка [42]
Циклотимия (Цк) – частая смена лабильных фаз, различная интенсивность перемен эмоционального фона гипертимных и дистимных состояний, сопровождаемая легкими элементами депрессии и приподнятости	Стратегия – интенсивное изменение линии поведения и отношений в зависимости от ситуации. Эмпатия, эмоциональная вовлеченность	• Интенсивность смены состояний; • зависимость от условий окружающей среды; • частые периодические смены настроения и состояний. Радостные события вызывают у циклотимов картины гипертимии и жажду деятельности, возникновение новых идей, печальные – подавленность, замедленность реакции и мышления. Характер и поведение циклотима есть результат влияния сформировавшегося механизма отрицания реальности [43]

Построение и анализ сетей акцентуаций ИТ-специалистов осуществлялись в несколько этапов.

Этап 1. В феврале-марте 2024 г. проведено тестирование студентов университетов Санкт-Петербурга трех специальностей подготовки: студенты ИТ-специальностей (127 чел.), студенты-журналисты (112 чел.), студенты-экономисты и менеджеры (96 чел.).

Этап 2. Опрос (эссе) студентов ИТ-групп на тему, какими личностными качествами должен обладать современный идеальный программист.

Результаты и обсуждение.

Характеристика сети акцентуаций студентов-журналистов (рис. 1).

Сети акцентуаций студентов-журналистов характеризуются как наименее плотные и слабые. Суммарное значение всех связей между акцентуациями у этой группы на 10 % меньше,

чем у студентов ИТ-специальностей и студентов-менеджеров, что в целом может свидетельствовать о том, что на факультеты журналистики поступают абитуриенты с бóльшим разнообразием социально-психологических качеств и характеристик, широким спектром социальных интересов и горизонтов. Размах сети, т. е. максимальные и минимальные значения протестированных акцентуаций, здесь оказался минимальным. Максимальное значение набрали акцентуации циклотимности, т. е. подвижности целей и интересов (+5,85 из 16 возможных), минимальные значения – акцентуация астении – утомляемости (–3,9 баллов из 16 возможных). В целом, такие данные свидетельствуют о том, что студенты-журналисты оценивают свои как положительные, так и отрицательные качества, используя минимальные баллы, можно сказать, осторожно и неуверенно.

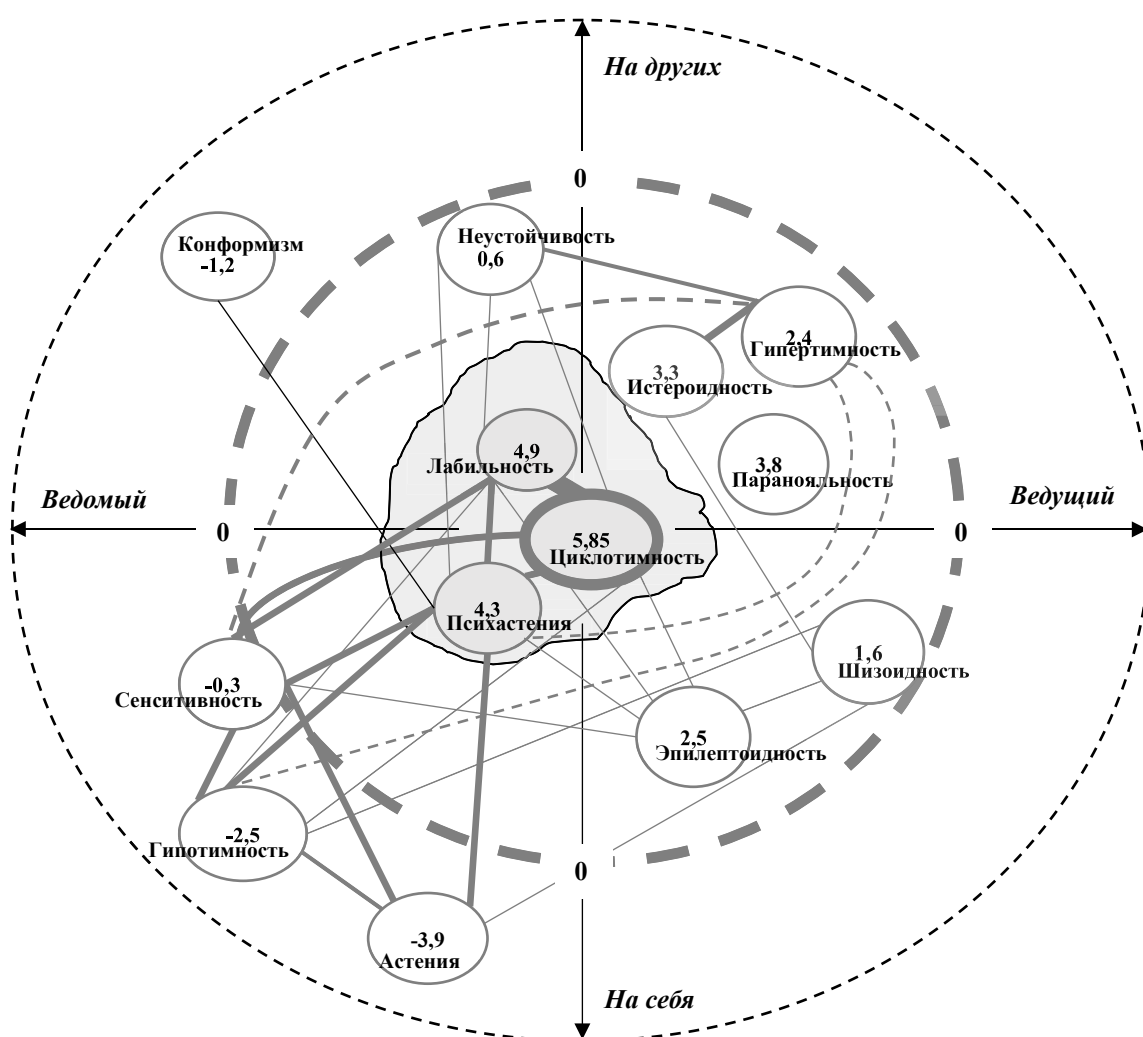

Рис. 1. Сети акцентуаций студентов-журналистов
Fig. 1. Networks of accentuations of student journalists

Ядро сети составляют три акцентуации: циклотимность (+5,85), лабильность (+4,9) и психастения (+4,3). Суммарно вес этих трех акцентуаций высокий, составляет +15,1 балла, что даже более значимо, чем суммарный вес всех других положительно оцениваемых акцен-

туаций (суммарный балл +14,2). Акцентуации, составляющие ядро сети студентов-журналистов, связаны существенными связями в секторе эмоциональной вовлеченности. Так, связь между циклотимностью и лабильностью оценивается корреляцией +0,7, что является высоким показателем; связь между циклотимностью и психастенией – +0,53; связь между психастенией и циклотимностью – +0,49. Все показанные акцентуации относятся к эмоциональным характеристикам личности. Циклотимность характеризует частоту скачков настроения и неустойчивость характера. Люди с такими акцентуациями чаще других занимаются творческой деятельностью, они открыты, откровенны, общительны, что немало важно для деятельности журналиста. Но главная характеристика циклотима заключена в том, что такие люди могут довольно резко меняться в своем настроении, быстро переходить из состояния радости и веселья в состояния уныния и депрессий. Скачки настроений могут происходить через различные промежутки времени, что составляет проблему выстраивания отношений с ними [43]. Циклотимность студентов-журналистов дополнена лабильностью, с которой фиксируется существенная связь. Лабильность также характеризует изменчивость, но не частоту эмоциональных изменений, а сам характер и смыслы этих изменений – мысли, эмоции, поведение или отношения, которые могут меняться на противоположные. В совокупности циклотимности и лабильности как ядра сети акцентуаций студентов-журналистов складывается понимание того, что на такую профессиональную деятельность ориентированы выпускники школ, для которых важны переключения, яркая и разнонаправленная деятельность [44]. Третьей акцентуацией ядра сети студентов-журналистов является психастения. Психастения отличается высокой степенью тревожности и нерешительности, навязчивые состояния, часто нетерпеливость, возможно, высокий педантизм и безаппеляционность [45].

Такое ядро сети показывает, что профессиональная деятельность современного молодого журналиста крайне сложна, изменчива и подвижна. Увеличение объемов информации, информированность населения, высокая технологичность цифрового пространства, доступность информации существенно изменяют требования к личностным качествам журналиста, и, как показали дальнейшие исследования (эссе), студенты данного профиля подготовки хорошо это осознают [46].

Одновременно в сети студентов-журналистов есть связанные акцентуации, набирающие определенный вес и влияющие на активное освоение социального пространства – это гипертимность (+2,4) и истероидность (+3,3), которые связаны между собой коэффициентом +0,56. С этой парой сетевых центров связаны шизоидность (+1,6), эпилептоидность (+2,6), а также неустойчивость (+0,6).

Характеристика сети акцентуаций студентов-менеджеров (рис. 2).

Сети акцентуаций студентов-менеджеров характеризуются наибольшим размахом и более сильными связями, чем это было зафиксировано у студентов-журналистов. Размах сети самый значимый по всей выборке, он измеряется от +8,2 у акцентуации гипертимность до –10,2 у акцентуации гипотимность. Эти данные свидетельствуют, что для студентов-менеджеров акцентуации, связанные с общительностью и активной деятельностью, наиболее характерны [47]. Учитывая, что в настоящем исследовании в качестве респондентов выступали будущие менеджеры организации, такая ситуация может оцениваться как закономерная.

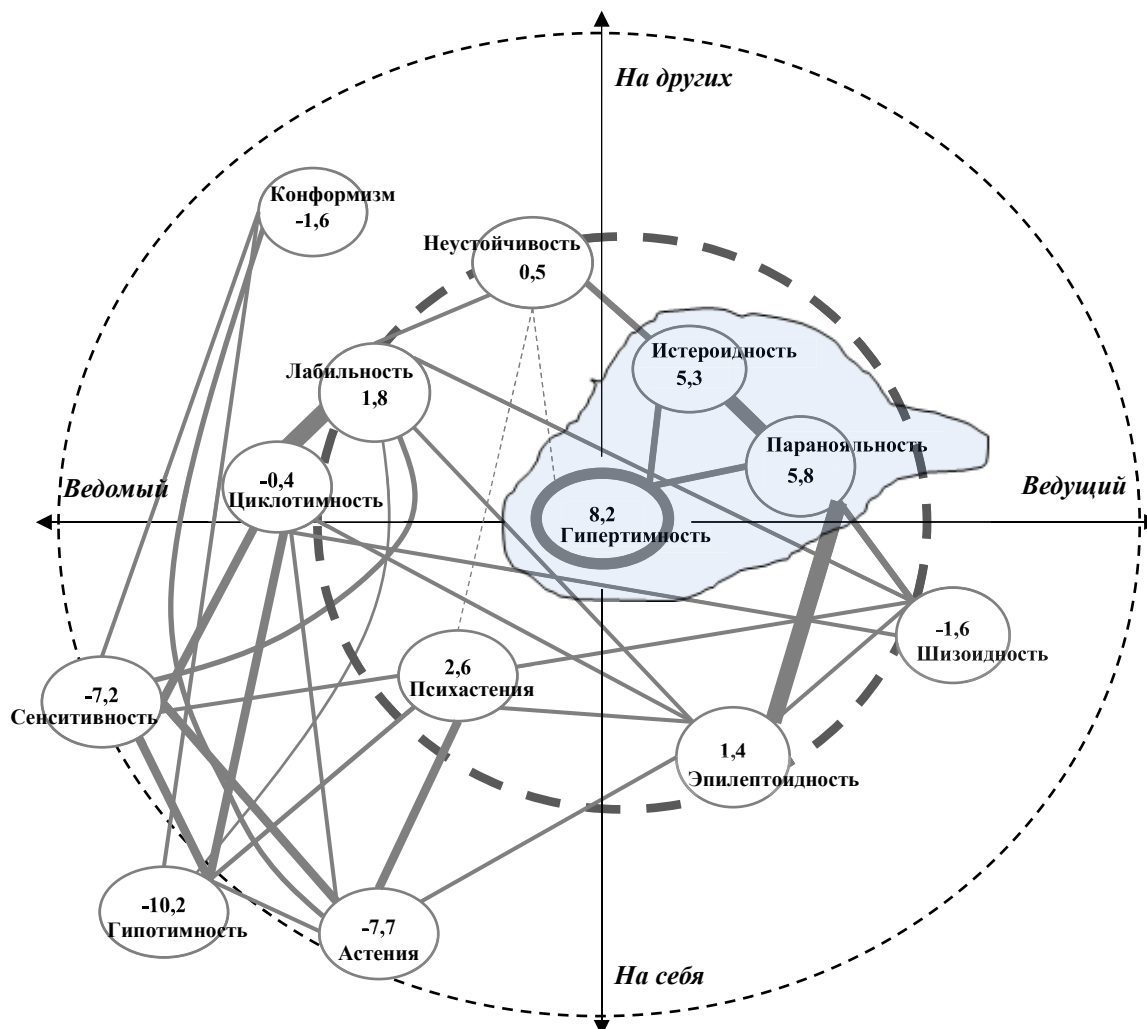

Рис. 2. Сети акцентуаций студентов-менеджеров
Fig. 2. Networks of accentuations of management students

Ядро сети составляют три акцентуации: уже упомянутая гипертимность (+8,2), а также паранояльность (+5,8) и истероидность (+5,3). Эти акцентуации в целом раскрывают направленность личности на активное освоение социального пространства и деятельности – социальную включенность, например активное участие в проектной деятельности или социальном предпринимательстве [48]. У менеджеров вес ядра акцентуаций в три раза выше, чем вес всех иных узлов сети, набравших положительное значение (+19,2 – ядро и +6,1 – сумма всех других положительных акцентуаций). Особенно важно, что центральная акцентуация – гипертимность, характеризуется как значимая для проявления лидерских позиций [49]. В частности, характеризуя гипертимность, нередко подчеркивается, что это сверхактивный тип акцентуации, он выражается в оптимистичном настроении и позитивном жизненном тоне, неудержимой активности и жажде общения. Такие люди стремятся к работе в коллективе, скучают в однообразной обстановке, им тягостна однотипная и монотонная деятельность, они преимущественно оптимисты: «Люди с наличием гипертимного радикала скорее будут оценивать качество своей жизни как высокое, а свой образ жизни – как здоровый» [50]. Гипертимные характеристики студентов-менеджеров коррелируют с акцентуацией паранояльности, главная особенность людей с такими акцентуациями выражается в стремлении дости-

гать результата любыми средствами: цель – главный стимул, сам человек самостоятельный и целеустремленный, направлен на командный и личный результат. Он настоящий лидер коллектива, устремленный к победе [34]. «Доминирующая характеристика паранойяльного психотипа – целеустремленность. Это человек, вся жизнь которого подчинена достижению определенной цели или ряда целей» [51]. Следует подчеркнуть, что паранойяльная акцентуация у студентов-менеджеров связана значимыми связями не только с истероидностью (0,30), но и с эпилептоидностью (+0,5). Эпилептоидность характеризуется стремлением человека к системности, властности и порядку, стабильности: «Порядок вещей во всем, ничего лишнего», – так описывают эту акцентуацию специалисты. «В общении с людьми эпилептоид бывает вездичивым и дотошным»; «его интересуют все мелочи, за которые он цепляется, и ни одну из них не упускает из виду. В беседе складывается впечатление, будто он пытается что-то выведать» [52].

Акцентуации гипертимности и паранойяльности в ядре сети акцентуаций менеджеров дополнены истероидностью, которую можно охарактеризовать как стремление к эмоциональному взаимовлиянию с окружающими людьми, яркое выражение своих эмоций и эгоцентризм. Внешне это может выражаться как стремление ко всеобщему вниманию, желание находиться в центре восхищения, почитания, иногда даже негодования, но только не безразличия. Нередко у таких людей чувства весьма поверхностны, допустимы приукрашивания своей персоны и своих достижений, фантазирование по поводу своих успехов. Специалисты утверждают, что наиболее часто употребляемое слово у ярко выраженных истероидов – местоимение «Я» и производные от этого местоимения слова, для них нехарактерны искренние чувства при большой экспрессии эмоций, театральности, склонности к рисовке и позерству. Нетрудно заметить, что ядро сети акцентуаций менеджеров составляют акцентуации, которые ориентированы на освоение внешней среды. Напротив, акцентуации, которые раскрывают преимущественно пассивную личность, здесь оказались минимальными. Сенситивность (повышенная чувствительность и тревожность, боязнь новых ситуаций, людей, всякого рода испытаний и т. п. [53]), астения (повышенная утомляемость, крайняя неустойчивость настроения, ослабление самообладания, нетерпеливость, неусидчивость, нарушение сна, утрата способности к длительному умственному и физическому напряжению [54]) и гипотимность (стойкое снижение настроения, которое сопровождается уменьшением интенсивности эмоциональной, психической и иногда моторной активности [55]) оцениваются максимально отрицательными показателями: сенситивность (–7,2), гипотимность (–10,2), астения (–7,7).

Как можно видеть, в ядро сети менеджеров входят акцентуации, нацеленные на освоение и проникновение во внешнюю среду. Прежде всего, это высокая степень общительности, целенаправленность действий, стремление выражать свои эмоции и влиять на настроения окружающих, выстраивание властных отношений.

Характеристика сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей (рис. 3).

Размах сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей больше, чем у студентов-журналистов, но меньше, чем у студентов-менеджеров, у которых он измеряется показателями от +3,5 (паранойяльность) до –4,6 (гипотимность). Такие данные свидетельствуют о несущественной (минимальной) разнице между максимальным и минимальным значениями изучаемых качеств, чем это было у студентов-менеджеров или студентов-журналистов. В свою

очередь такие данные показывают, что оценивание своих акцентуированных характеристик у студентов ИТ-специальностей раскрывает оценку возможных конфигураций и количественных характеристик (количественных оценок) своих качеств на самом минимальном уровне самооценки и анализа своих характеристик. Полученные данные свидетельствуют, что комбинация из качеств паранояльности (способность к целеполаганию и упорство в достижении целей, не оглядываясь на трудности, ограничения и препятствия), циклотимности (неотчетливые депрессии и гипертимность, эпизодическая приподнятость настроений), а также психастения (тревожно-мнительные состояния, сомнения и склонность к навязчивостям) составляют ядро сети акцентуаций.

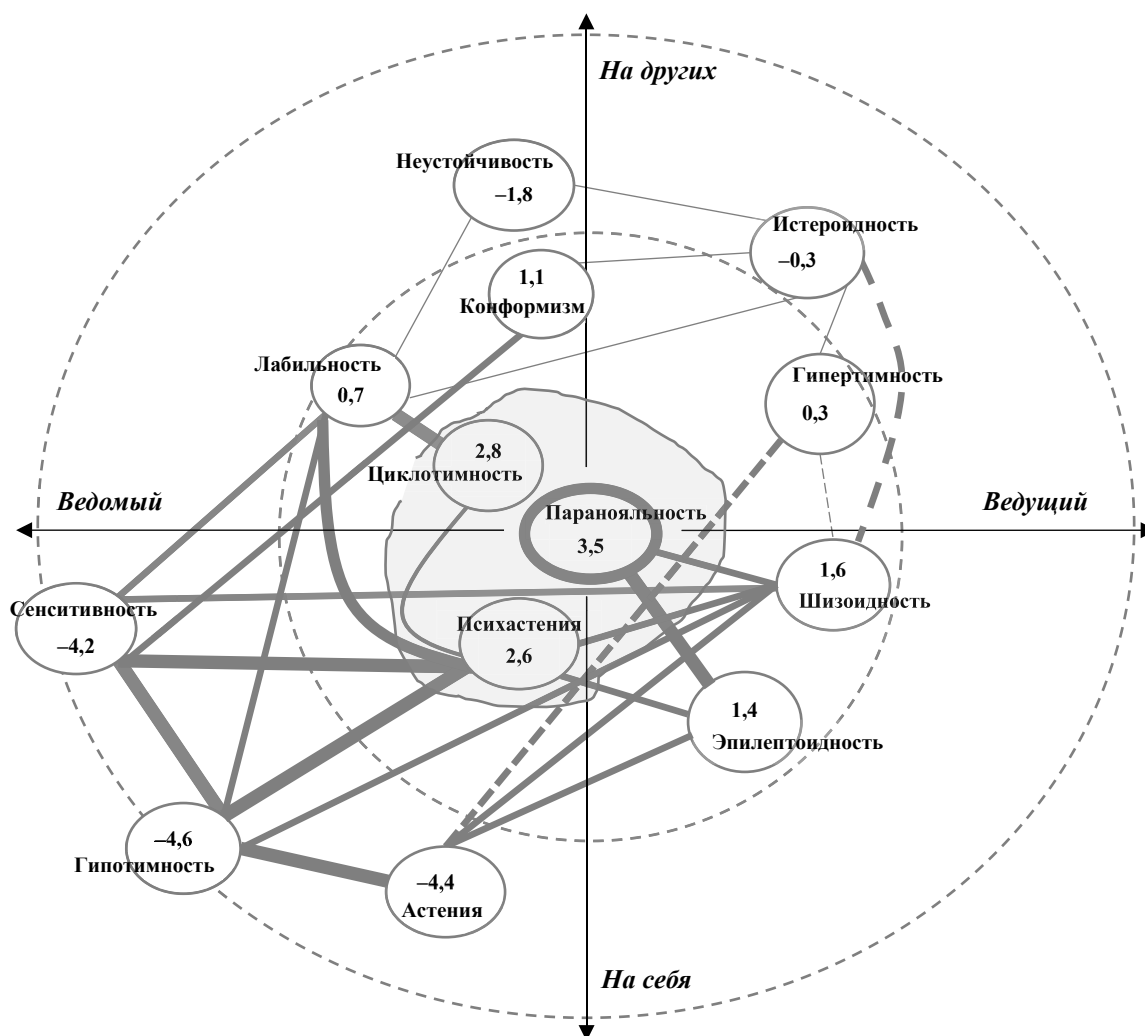

Рис. 3. Сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей
Fig. 3. Networks of accentuations of IT students

Ядро сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей весьма своеобразно. Во-первых, его основные акцентуации – паранояльность, циклотимность и психастения – не связаны с другими акцентуациями, которые важны для включения личности в социальную (внешнюю) среду, ни с истероидностью, ни с гипертимностью и ориентируют личность на своеобразные взаимодействия с другими людьми. Психастения в настоящем случае примерно

соответствует уровню этого параметра среди студентов-менеджеров (+2,6) и примерно в два раза ниже, чем у студентов-журналистов (+4,3). Роль психастении значимая, она чаще всего развивается в ситуации когнитивного диссонанса [56]. В частности, психастения как важная акцентуация в сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей способствует эмоциональному выгоранию программистов, развитию чувства вины, тревожности, замкнутости, формирует противоречия между или внутри компонентов отношений, приводящих к субъективной недостаточности осуществления данного отношения, что нарушает реализацию личностных аспектов в процессе профессиональной деятельности [57]. Из этого следует, что характеристики и ценности внешней среды для ИТ-специалистов только косвенно могут представлять некоторый интерес и служить элементом субъективной ориентации.

Во-вторых, ядро сети не связано значимыми связями внутри и между собой. Другими словами, ядро сети студентов ИТ-специальностей составляют разобщенные акцентуации, не обладающие системными признаками (общими связями), поскольку характер внутри-системных связей в конечном счете и определяет тип самой системы, обеспечивает ее целостность [58].

В-третьих, ядро сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей формируется как совокупность акцентуаций, представляющих три различные подсистемы:

1. Подсистему социальной включенности (единственным элементом ее выступает паранояльность – +3,5; немаловажно, что это максимальное значение всей сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей).
2. Подсистему эмоциональной вовлеченности (циклотимность – +2,8).
3. Подсистему социальной изоляции (психастения – +2,6).

В-четвертых, несомненно, важной особенностью ядра сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей выступает роль акцентуаций интеллектуальной подсистемы – шизоидности и эпилептоидности, которые не входят в число акцентуаций со значимыми весовыми характеристиками, но которые связаны с ядром сети самыми существенными положительными связями (общий потенциал связей шизоидности и эпилептоидности с ядром сети составляет 0,44 пункта – это значимый показатель). Шизоидность в настоящем случае примерно соответствует этому показателю у студентов-журналистов, но выше, чем у студентов-менеджеров, где она минимальна, даже с отрицательным значением (–1,6). Связь паранояльности как способности к постановке целей и эпилептоидности как системного стремления властного достижения целей [59] составляет +0,51. Среди других показателей связанности акцентуаций с положительным значением по всей матрице данных студентов ИТ-специальностей это самый высокий показатель, т. е. в данном случае мы видим наиболее важную пару акцентуаций в формировании сетевых параметров настоящей сети. Таким образом, системность в достижении сформулированной цели для студентов ИТ-специальностей выступает одним из самых значимых элементов акцентуаций: «Выявлять причинно-следственные связи, систематизировать, осуществлять целеполагание, планирование, самооценку и т. д.», – считают важными функциями деятельности программистов авторы специального исследования, посвященного изучению особенностей формирования исследовательских умений у студентов при освоении информационных технологий [60].

Мы видели, что центром ядра сети акцентуаций студентов ИТ-специальностей выступает паранояльность. Этот параметр по величине примерно равен паранояльности студентов-журналистов (у ИТ-студентов +3,5, у студентов-журналистов +3,8). У студентов-менеджеров паранояльность составляет больше всего – +5,8. Но если у студентов-журналистов сетевые связи паранояльности минимальны, точнее сказать, они здесь не выявлены вовсе, то у студентов ИТ-специальностей она более всего связывается с подсистемой интеллектуальной вовлеченности – акцентуациями эпилептоидности и шизоидности.

Обобщенные характеристики сетей акцентуаций студентов различных профилей подготовки представлены в табл. 2 и на рис. 4.

Таблица 2. Данные о сетях акцентуаций студентов различных профилей подготовки
Table 2. Data on networks of accentuations of students of various training profiles

Индикаторы	1-й квадрант	2-й квадрант	3-й квадрант	4-й квадрант
	Социальная включенность	Эмоциональная включенность	Социальная исключенность	Интеллектуальная включенность
Студенты-журналисты				
Вес	3,2	2,6	–0,6	2,1
Связи	0,08	0,2	0,42	0,01
ЦПС	0,26	0,52	–0,25	0,02
Студенты-менеджеры				
Вес	6,4	0,03	–18,5	–0,1
Связи	0,29	0,21	0,21	0,21
ЦПС	0,64	0,06	–3,9	–0,03
Студенты ИТ-специальностей				
Вес	1,2	0,9	–2,7	1,5
Связи	0,07	0,19	0,25	0,17
ЦПС	0,08	0,17	–0,69	0,26
Ср. зн. ЦПС	0,33	0,25	–1,61	0,08

ЦПС – ценностный потенциал сети, равен весу измеряемых параметров, умноженных на количество и качество связей.

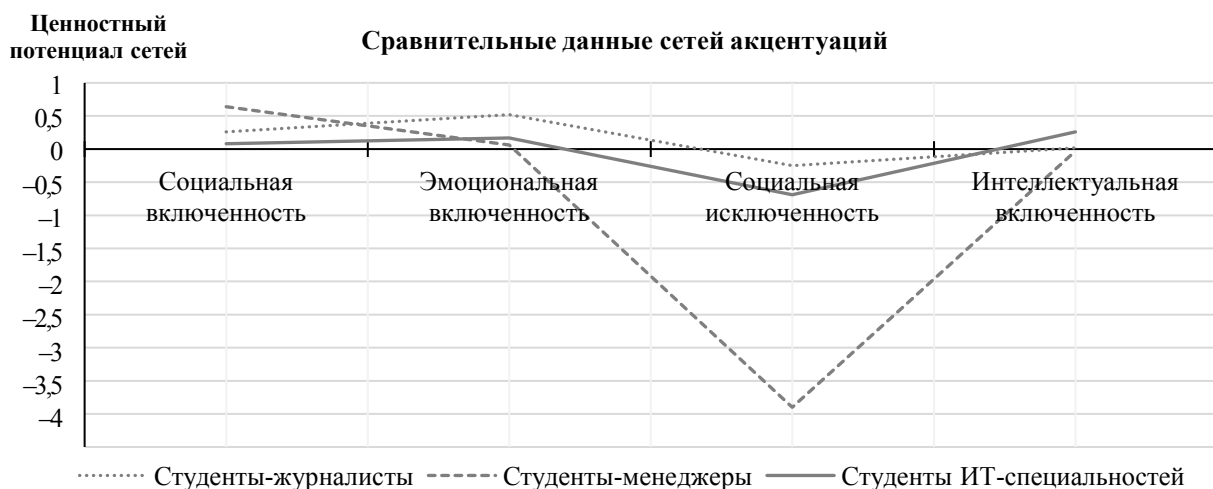

Рис. 4. Ценностный потенциал сетей акцентуаций студентов различных профилей подготовки
Fig. 4. Value potential of networks of accentuations of students of various training profiles

Для студентов-журналистов наиболее характерна эмоциональная включенность во внешнюю среду, т. е. наличие таких социально-психологических качеств, которые проявляются в виде эмоциональной подвижности, изменчивости, открытости. Эти качества дополняются качествами, ориентирующими студентов-журналистов на взаимодействие с внешней средой. Однако эти подсистемы сетей между собой существуют как малосвязанные. Что касается качеств подсистемы интеллектуальной включенности, сети этих акцентуаций также присуща некоторая обособленность и отстраненность от других подсистем. Наибольшее значение связей в сети акцентуаций студентов-журналистов выявлено в подсистеме, которая складывается между психастенией и сенситивностью, гипотимностью и астенией, что в целом характеризует процесс профессионального становления этих учащихся как эмоционально напряженный.

Сети акцентуаций студентов-менеджеров в наибольшей степени складываются как значимые корреляционные связи, ориентированные на формирование социальной включенности на основе активного общения, целеполагания и эмоциональной вовлеченности. Связанность этой сети акцентуаций с акцентуациями социальной включенности, эмоциональной и интеллектуальной вовлеченности наиболее выраженная. Здесь наименьший вес набирают акцентуации психастении и другие акцентуации, характерные для социальной изоляции и тревожности.

Сети студентов ИТ-специальностей формируются весьма противоречиво. Главная особенность этого противоречия выражается в дифференцированности всех подсистем сети. В отличие от сетей акцентуаций студентов-менеджеров и студентов-журналистов, ценностный потенциал интеллектуальной вовлеченности студентов-программистов оказался самым высоким, что показывает решающую роль интеллектуальной напряженности в формировании всей сети акцентуаций.

Заключение. Результаты проведенного исследования показали, что сетевая диагностика акцентуаций студентов различных профилей подготовки на основе междисциплинарного подхода может быть охарактеризована как технология, обладающая значимым практическим потенциалом. В частности, результаты диагностики целесообразно использовать в работе по формированию профессиональных компетенций студентов различных специальностей. Естественно, что в каждом конкретном случае рекомендации по работе со студентами-журналистами, менеджерами или программистами могут отражать специфику конкретной ситуации, конкретного университета. Важно использование сетевых методов, наглядно раскрывающих характер сетевых связей, отражающих успешность формирования системы профессиональных характеристик студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонгард К. Акцентуированные личности / пер. с нем. В. Лещинского. М.: ЭКСМО-пресс, 2002.
2. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2013.
3. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: дис. ... д-ра социол. наук / СПбГТИ (ТУ). СПб., 2001.
4. Резапкина Г. В. Акцентуация и выбор профессии // Школьные технологии. 2011. № 1. С. 170–179.

5. Дегтярев В. П., Поздняков С. С. Акцентуации личности у студентов // Здоровье и образование в XXI веке: сб. науч. тр. 2006. № 12. С. 608.
6. Эфендиев А. Г., Чермошенцева Е. С. Трудовое поведение работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 40–73. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.2.
7. Юдина Д. И., Дудина В. И. Семантическая сеть на биграммах как метод валидации результатов тематического моделирования в социологическом исследовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4. С. 71–83.
8. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / СПбГТИ (ТУ). СПб., 2001.
9. Субботина М. С. Связь акцентуаций характера с профессиональной направленностью в юношеском возрасте // Форум молодых ученых. 2016. № 4. С. 915–918.
10. Мыхлюк Э. И. Влияние акцентуаций характера на выбор профессий спасателя // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. II. Воронеж, 20 сент. 2012 г. / Воронеж. ин-т Гос. противопож. службы МЧС России. Воронеж, 2012. С. 110–112.
11. Фантина С. Г. Развитие профессиональных акцентуаций личности в сфере государственной службы // Акмеология. 2002. № 3. С. 55–62.
12. Бурмак А. Г. Связь акцентуации характера с профессиональным выбором старших школьников // Вестн. МАСИ. 2018. № 3. С. 68–72.
13. Исследование акцентуаций характера у студентов / Д. Б. Бочкова, А. А. Калашникова, В. А. Ксенофонтова, Е. Н. Усова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 600–601.
14. Усачева И. А. Экспериментальное изучение профессионально обусловленных акцентуаций личности как проявления профессиональных деструкций (на примере педагогов) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 38–40.
15. Бойко В. В. Трудные характеры подростков: развитие, выявление, помощь. СПб.: Союз, 2002.
16. Волоскова Н. Н., Филимонова Е. В. Общение акцентуированных подростков после карантинных мероприятий // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–4. С. 345–348.
17. Головнёва И. В. Психологические особенности личности, влияющие на успешность в профессиях «человек – человек» // Вестн. Омского ун-та. Сер. Психология. 2018. № 1. С. 42–55. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.1.42-55.
18. Ройзман И. В. Индивидуально-типологические особенности и их взаимосвязь с адаптивностью студентов к стрессу в процессе обучения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 38. С. 7–11.
19. Ершова-Бабенко И. В. Человек как макроцелостность, выраженная концептом “brain-psyche (mind/consciousness...)” // Человек как открытая целостность. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 111–129. DOI: 10.24412/cl-36976-2022-1-111-129.
20. Смирнов А. В. Социальная включенность личности и ее связь с уровнем проявлений профессионально важных качеств руководителя // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 124–131. DOI: 10.26170/po18-11-17.
21. Эмоциональная вовлеченность // 4brain. URL: <https://4brain.ru/vocabulary.php?word=2960> (дата обращения: 17.03.2024).
22. Черненко Д. Эмоциональная вовлеченность в межличностном общении // Сайт психолога Дмитрия Черненко. URL: <https://direct-psy.ru/rabota-s-jemocionalnym-sostojaniem/> (дата обращения: 17.03.2024).
23. Goff M., Ackerman P. L. Personality-intelligence relations: assessment of typical intellectual engagement // J. of Educational Psychology. 1992. Vol. 84, iss. 4. P. 537–552. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.84.4.537>.

24. Ackerman P. L., Goff M. Typical intellectual engagement and personality: Reply to Rocklin // J. of Educational Psychology. 1994. Vol. 86, iss. 1. P. 150–153. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.86.1.150>.
25. Уткин И. В. Индивидуально-типологические особенности человека: теория и практика преподавания // Образовательные технологии. 2010. № 2. С. 105–114.
26. Политическое лидерство. Понятие и концепции // NewReferat. URL: <http://www.newreferat.com/ref-20472-3.html> (дата обращения: 17.03.2024).
27. Почему Бехтерев назвал Сталина «сухорукий параноик» // Рамблер. 12.01.2021. URL: https://weekend.rambler.ru/read/45588448/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 17.03.2024).
28. Спасенников Б. А. Расстройства личности у осужденных в уголовно-исполнительной практике // Вестн. Кузбасского ин-та. 2015. № 1. С. 25–32.
29. Маяк Коуза. Невыученные уроки. Почему стоит прочитать «Гибель империи» Егора Гайдара? // Дзен. 26.09.2022. URL: https://dzen.ru/a/YzFS_HfGdhjeXx_6 (дата обращения: 17.03.2024).
30. Сперанская А. В., Яблокова Л. А. Характерологические особенности формальных и неформальных лидеров в учебных группах // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-1. С. 365–368.
31. Кто такой гипертим? // Help psy. URL: <https://help-psy.com/statii/202> (дата обращения: 17.03.2024).
32. Дрожжина Н. Б. Специфика психосемантики нравственного сознания у юношей и девушек с различными психотипологическими особенностями личности // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 9. С. 210–215.
33. Превращение Зеленского глазами психологов: был самозванцем – стал шантажистом // Московский Комсомолец. 11.08.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/08/11/prevrashhenie-zelenskogo-glazami-psikhologov-byl-samozvancem-stal-shantazhistom.html> (дата обращения: 17.03.2024).
34. Зверева А. О. Паранойяльный психотип (акцентуация) // Сайт психологов В17.ru. 04.09.2023. URL: <https://www.b17.ru/article/460249/> (дата обращения: 17.03.2024).
35. Логашенко Ю. А. Социокультурные факторы межкультурной сенситивности студентов вузов // Вестн. БФУ им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2015. № 5. С. 92–103.
36. Воеводин И. В. Роль психотравмы в формировании аддиктивных и аффективных расстройств у студентов // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. 2011. Т. 18, № 4. С. 31–33.
37. Матутите К. П. Феномен конформизма // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 185–188.
38. Неустойчивость // Академик. URL: https://military_psychology.academic.ru/ (дата обращения: 17.03.2024).
39. Личностные детерминанты суицидального риска у студентов / Д. А. Хабибулин, Е. А. Овсянникова, Г. В. Тугулева, Д. В. Плохотнюк // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 271–281. DOI: 10.32744/pse.2020.1.19.
40. Шакирова И. Н., Дюкова Г. М. Астения – междисциплинарная проблема // Трудный пациент. 2012. Т. 10, № 5. С. 14–16.
41. Солтанбекова Б. А. Эмоционально-лабильные подростки как объект психопрофилактического и психокоррекционного воздействия // Наука и современность. 2010. № 1–2. С. 50–53.
42. Гребнева В. В. Мониторинг индивидуально-психологических особенностей студентов вуза как группового субъекта здоровья // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 14. С. 180–190.
43. Караваева Е. В. Социологическое исследование особенностей, степени выраженности тревоги и депрессии у лиц, перенесших стресс // Известия ТПУ. 2010. № 6. С. 193–196.
44. Шарова Е. Н. Молодежь и современный рынок труда: социологический анализ основных противоречий // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 3, ч. 1. С. 111–121.

45. Солтанбекова Б. А. Особенности профилактической и коррекционной работы с подростками психастенического типа // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-1. С. 160–163.
46. Павлушкина Н. А. Динамика изменений профессиональных идеалов молодых журналистов в условиях повышения медиаграмотности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 1 (23). С. 124–132.
47. Кустова В. В. Изучение психологических особенностей будущих инженеров железнодорожного транспорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2. С. 73–76. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10888.
48. Социальное предпринимательство и инвестирование: от теории к практике / Е. Б. Архипова, О. И. Бородкина, П. П. Дерюгин и др. СПб.: Скифия-принт, 2020.
49. Чибисов В. В. Двухпараметрическое представление акцентуаций // Евразийский Союз ученых. 2016. № 3-5 (24). С. 27–31.
50. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В., Чуганская А. А. Влияние характера и агрессивности на оценку качества жизни // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2019. № 3. С. 129–142. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-968.
51. Доминирующие характеристики психотипов в логике психотипа. Паранойяльный психотип // StudFile. URL: <https://studfile.net/preview/3001112/page:18/> (дата обращения: 17.03.2024).
52. Савинков С. Н. Эпилептоидный тип личности // Сайт психологов B17.ru. 07.03.2022. URL: <https://www.b17.ru/article/epilept/> (дата обращения: 17.03.2024).
53. Санд И. Близко к сердцу: как жить, если вы слишком чувствительный человек / пер. А. Наумовой, Н. Фитисова. М.: Альпина Паблишер, 2016.
54. Соловьева С. Л. Психологическое консультирование: справочник практического психолога. М.: АСТ; СПб.: Полиграфиздат, 2010.
55. Бронин С. Я. Малая психиатрия большого города, 2018. // ФГБНУ НЦПЗ. URL: <https://psychiatry.ru/lib/1/book/4/chapter/25> (дата обращения: 17.03.2024).
56. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. А. Анистратенко, И. В. Знаешевой. М.: Эксмо, 2018.
57. Забара И. В. Предикторы эмоционального выгорания у программистов с ценностным отношением к профессиональной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 325–326.
58. Петрухин Г. М. Философский уровень методологии в образовании // Endless Light in Science. 2022. № 7–7. С. 7–11. DOI: 10.24412/2709-1201-2022-7-11.
59. Бахтигареева Э. Н. К вопросу об акцентуации потребности во власти // Скиф. 2019. № 8 (36). С. 65–69.
60. Гончарук Н. П., Таренко Л. Б. Особенности формирования исследовательских умений у студентов при освоении информационных технологий // Вестн. КазанТУ. 2010. № 12. С. 112–118.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), ассоциированный член, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, 190005, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Куражнев Сергей Дмитриевич – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: ИТ-специалисты, студенчество, человеческий капитал.

Саженкова Людмила Павловна – аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: акцентуации личности, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии.

Лебединцев Даниил Александрович – магистрант (2-й курс) Высшей школы инновационного бизнеса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: мобильность, социальная диагностика, сетевой подход в социологии.

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Куражнев Сергей Дмитриевич – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Саженкова Людмила Павловна – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

Лебединцев Даниил Александрович – сбор эмпирического материала, обработка, анализ и интерпретация данных.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.03.2024; принята после рецензирования 12.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Leonhard, K. (2002), *Akzentuierte persönlichkeiten*, Transl. by Leshchinsky, V., EKSMO-press, Moscow, RUS.
2. Lichko, A.E. (2013), *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathy and character accentuations in adolescents], Rech', SPb., RUS.
3. Deryugin, P.P. (2001), "Theoretical and methodological analysis of social diagnostics of interpersonal relationships", Dr. Sci. (Sociology) Thesis, SPbGTI (TU), SPb., RUS.
4. Rezapkina, G.V. (2011), "Accentuation and choice of profession", *J. of School Technology*, no. 1, pp. 170–179.
5. Degtyarev, V.P. and Pozdnyakov, S.S. (2006), "Personality accentuations among students", *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke* [Health and education in the 21st century], no. 12, p. 608.
6. Efendiev, A.G. and Chermoshentseva, E.S. (2020), "Labor behavior of modern working youth: values and practices", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 23, no. 4, pp. 40–73. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.2.
7. Iudina, D.I. and Dudina, V.I. (2016), "Semantic network on bigrams as a method for validation of topic modelling results in the sociological research", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no. 4, pp. 71–83.
8. Deryugin, P.P. (2001), "Theoretical and methodological analysis of social diagnostics of interpersonal relationships", Abstract of Dr. Sci. (Sociology) dissertation, SPbGTI (TU), SPb., RUS.

9. Subbotina, M.S. (2016), "Relationship between character accentuations and professional orientation in adolescence", *Forum molodykh uchenykh* [Forum of young scientists], no. 4, pp. 915–918.
10. Mykhlyuk, Eh.I. (2012), "The influence of character accentuations on the choice of rescuer professions", *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy* [Fire safety: problems and prospects], Voronezh, RUS, Sep. 20, 2012, pp. 110–112.
11. Fantina, S.G. (2002), "Development of professional accentuations of the individual in the sphere of public service", *Acmeology*, no. 3, pp. 55–62.
12. Burmak, A.G. (2018), "The connection between character accentuation and the professional choice of senior schoolchildren", *Herald of the MACI*, no. 3, pp. 68–72.
13. Bochkova, D.B., Kalashnikova, A.A., Ksenofontova, V.A. and Usova, E.N. (2016), "Study of character accentuations among students", *Bulletin of Medical Internet Conferences*, vol. 6, no. 5, pp. 600–601.
14. Usachyova, I.A. (2014), "An experimental study of professionally-based accentuation of a personality as manifestation of professional destructions (with the reference to teachers)", *The world of science, culture and education*, no. 3 (46), pp. 38–40.
15. Boiko, V.V. (2002), *Trudnye kharaktery podrostkov: razvitie, vyavlenie, pomoshch'* [Difficult characters of teenagers: development, identification, help], Soyuz, SPb., RUS.
16. Voloskova, N.N. and Filimonova, E.V. (2021), "Communication of accentuated teenagers after quarantine measures", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], no. 71-4, pp. 345–348.
17. Golovneva, I.V. (2018), "The psychological features of the personality that influence success "the person – the person" in professions", *Herald of Omsk Univ. Ser. Psychology*, no. 1, pp. 42–55. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.1.42–55.
18. Roizman, I.V. (2014), "Individual typological characteristics and their relationship with students' adaptability to stress during the learning process", *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application], no. 38, pp. 7–11.
19. Ershova-Babenko, I.V. (2022), "Man as a macro-integrity, expressed by the concept "brain-psyche (mind/consciousness...)""", *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an open integrity], Akademizdat, Novosibirsk, RUS, pp. 111–129. DOI: 10.24412/cl-36976-2022-1-111-129.
20. Smirnov, A.V. (2018), "Social inclusion of personality and its connection with the level of manifestation of professionally significant properties of the leader", *Pedagogical education in Russia*, no. 11, pp. 124–131. DOI: 10.26170/po18-11-17.
21. "Emotional involvement", *4brain*, available at: <https://4brain.ru/vocabulary.php?word=2960> (accessed 17.03.2024).
22. Chernenko, D. "Emotional involvement in interpersonal communication", *Website of psychologist Dmitry Chernenko*, available at: <https://direct-psy.ru/rabota-s-jemocionalnym-sostojaniem/> (accessed 17.03.2024).
23. Goff, M. and Ackerman, P.L. (1992), "Personality-intelligence relations: Assessment of typical intellectual engagement", *J. of Educational Psychology*, vol. 84, iss. 4, pp. 537–552. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.84.4.537>.
24. Ackerman, P.L. and Goff, M. (1994), "Typical intellectual engagement and personality: Reply to Rocklin", *J. of Educational Psychology*, vol. 86, iss. 1, pp. 150–153. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.86.1.150>.
25. Utkin, I.V. (2010), "Individual typological characteristics of a person: theory and practice of teaching", *Obrazovatel'nye tekhnologii (g. Moskva)* [Educational technologies (Moscow)], no. 2, pp. 105–114.
26. "Political leadership. Concept and concepts", *NewReferat*, available at: <http://www.newreferat.com/ref-20472-3.html> (accessed 17.03.2024).
27. "Why Bekhterev called Stalin "withered-armed paranoid"" (2021), *Rambler*, 12.01.2021, available at: https://weekend.rambler.ru/read/45588448/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 17.03.2024).

28. Spasennikov, B.A. (2015), "Personality disorder convicted in penal practice", *Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 1, pp. 25–32.
29. "Cowes Lighthouse. Lessons unlearned. Why is it worth reading "The Death of an Empire" by Yegor Gaidar?" (2022), *DZen*, 26.09.2022, available at: https://dzen.ru/a/YzFS_HfGdhjeXx_6 (accessed 17.03.2024).
30. Speranskaya, A.V. and Yablokova, L.A. (2022), "Characterological features of formal and informal leaders in study groups", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], no. 74-1, pp. 365–368.
31. "Who is hypertim?", *Help psy*, available at: <https://help-psy.com/statii/202> (accessed 17.03.2024).
32. Drozhzhina, N.B. (2012), "Specificity psychosemantics moral consciousness in youngsters with psycho different personality", *Social and humanitarian knowledge*, no. 9, pp. 210–215.
33. "The transformation of Zelensky through the eyes of psychologists: he was an impostor - he became a blackmailer" (2022), *Moskovskii Komsomolets*, 11.08.2022, available at: <https://www.mk.ru/politics/2022/08/11/prevrashhenie-zelenskogo-glazami-psikhologov-byl-samozvancem-stal-shantazhi-stom.html> (accessed 17.03.2024).
34. Zvereva, A.O. (2023), "Paranoid psychotype (accentuation)", *Website of psychologists B17.ru*, 04.09.2023, available at: <https://www.b17.ru/article/460249/> (accessed 17.03.2024).
35. Logashenko, Yu.A. (2015), "Sociocultural factors of intercultural sensitivity of university students", *Vestnik of IKBFU. Ser. Philology, pedagogy, psychology*, no. 5, pp. 92–103.
36. Voevodin, I.V. (2011), "The role of psychotraumas in formation of addictive and affective disorders among students", *The Scientific Notes of the Pavlov Univ.*, vol. 18, no. 4, pp. 31–33.
37. Matutite, K.P. (2006), "The phenomenon of conformism", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 185–188.
38. "Instability", *Akademik*, available at: <https://military-psychology.academic.ru/> (accessed 17.03.2024).
39. Khabibulin, D.A., Ovsyannikova, E.A., Tuguleva, G.V., Plohotnyuk, D.V. (2020), "Personal determinants of suicide risk in students", *Perspectives of science and education*, no. 1 (43), pp. 271–281. DOI: 10.32744/pse.2020.1.19.
40. Shakirova, I.N. and Dyukova, G.M. (2012), "Asthenia – an interdisciplinary problem", *Trudnyi patsient*, vol. 10, no. 5, pp. 14–16.
41. Soltanbekova, B.A. (2010), "Emotionally labile adolescents as an object of psychoprophylactic and psychocorrective influence", *Nauka i sovremennost'*, no. 1–2, pp. 50–53.
42. Grebneva, V.V. (2017), "Monitoring individual-psychological features of students of higher education as a group health subject", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Ser. Humanities*, no. 14, pp. 180–190.
43. Karavaeva, E.V. (2010), "Sociological study of the characteristics, severity of anxiety and depression in people who have suffered stress", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic Univ.*, no. 6, pp. 193–196.
44. Sharova, E.N. (2009), "Youth and modern labour market: sociological analysis of main contradictions", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Ser. 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, no. 3-1, pp. 111–121.
45. Soltanbekova, B.A. (2010), "Features of preventive and correctional work with adolescents of the psychasthenic type", *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, no. 11-1, pp. 160–163.
46. Pavlushkina, N.A. (2017), "Dynamics changes of professional ideals young journalists in conditions of increased media literacy", *Sign: problem field of mediaeducation*, no. 1 (23), pp. 124–132.
47. Kustova, V.V. (2020), "Study of psychological features the future of railway transport engineers", *International J. of Humanities and Natural Sciences*, no. 7-2, pp. 73–76. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10888.
48. Arkhipova, E.B., Borodkina, O.I., Deryugin, P.P. et al. (2020), *Sotsial'noe predprinimatel'stvo i investirovanie: ot teorii k praktike* [Social entrepreneurship and investment: from theory to practice], Skifia-print, SPb., RUSS.

49. Chibisov, V.V. (2016), "Two-parameter representation of accentuations", *Eurasian Union Scientists*, no. 3-5 (24), pp. 27–31.
50. Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. and Chuganskaya, A.A. (2019), "The impact of personality traits and aggressiveness on the quality of life", *Bulletin of Moscow Region State Univ.*, no. 3, pp. 129–142. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-968.
51. "Dominant characteristics of psychotypes in the logic of psychotypes. Paranoid psychotype", *StudFile*, available at: <https://studfile.net/preview/3001112/page:18/> (accessed 17.03.2024).
52. Savinkov, S.N. (2022), "Epileptoid personality type", *Website of psychologists B17.ru*, 07.03.2022, available at: <https://www.b17.ru/article/epilept/> (accessed 17.03.2024).
53. Sand, I. (2016), *Elsk dig selv*, Transl. by Naumova, A. and Fitsov, N., Alpina Publisher, Moscow, RUS.
54. Solovyova, S.L. (2010), *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: spravochnik prakticheskogo psikhologa* [Psychological counseling: reference book for a practical psychologist], AST, Poligrafizdat, Moscow, SPb., RUS.
55. Bronin, S.Ya. (2018), *Malaya psikhiatriya bol'shogo goroda* [Small psychiatry of the big city], *FGBNU NTSPZ*, available at: <https://psychiatry.ru/lib/1/book/4/chapter/25> (accessed 17.03.2024).
56. Festinger, L. (2020), *Theory of cognitive dissonance*, Transl by Anistratenko, A.A. and Znaeshevoi, I.V., Ehksmo, Moscow, RUS.
57. Zabara, I.V. (2018), "Predictors of emotional burnout at programmers with a value attitude to professional activity", *The world of science, culture and education*, no. 4 (71), pp. 325–326.
58. Petrukhin, G.M. (2022), "Philosophical level of methodology in education", *Endless Light in Science*, no. 7-7, pp. 7–11. DOI: 10.24412/2709-1201-2022-7-11.
59. Bakhtigareeva, E.N. (2019), "On the issue of accentuation of the desire for power", *Skif*, no. 8 (36), pp. 65–69.
60. Goncharuk, N.P. and Tarenko, L.B. (2010), "Features of the formation of research skills among students when mastering information technologies", *Bulletin of the Kazan Technological Univ.*, no. 12, pp. 112–118.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology, 2002), Associate Member, Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 200 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology.

Sergey D. Kurazhev – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: IT specialists, students, human capital.

Lyudmila P. Sazhenkova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: personality accentuations, values and value orientations, network approach in sociology.

Daniil A. Lebedintsev – Master's student (2nd year), Higher School of Innovative Business, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia. The

author of 3 scientific publications. Area of expertise: mobility, social diagnostics, network approach in sociology.

Author's contribution.

Pavel P. Deriugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Sergey D. Kurazhev – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Lyudmila P. Sazhenkova – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

Daniil A. Lebedintsev – collection of empirical material, processing, analysis and interpretation of data.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.03.2024; adopted after review 12.04.2024; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.5

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-66-74>

Значимость человеческого капитала в жизни корпорации: влияние руководителей на динамику социальной среды

Елена Александровна Камышина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
kamyshina.elena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0673-1344>*

Введение. Цель статьи состоит в анализе влияния руководителей и их человеческого капитала на социальную среду корпорации, предлагается инструментарий для такого анализа, изучаются факторы формирования человеческого капитала. Актуальность работы обусловлена практическим применением сетевых методов исследования с использованием метода глубинного интервью. Результатом применения таких методов является анализ качеств руководителей, влияющих на выстраивание наиболее положительных социально-структурных отношений в корпорации и способствующих развитию ее человеческого капитала, что имеет важное значение для общества.

Методология и источники. При разработке методологии использовались работы социологов, посвященные ценностям (М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Теннис, П. Бурдье, В. А. Ядов) и теории сетевого человеческого капитала (П. П. Дерюгин, С. А. Кравченко, С. А. Дятлов). Были применены результаты исследований Н. Е. Тихоновой, С. А. Солнцева, М. Гольцмана и других ученых, касающиеся роли руководителей в российском обществе. Кроме метода глубинного интервью, методология исследования базировалась на концепции «решетка менеджмента», выявляющей стиль работы руководителя через его самооценку.

Результаты и обсуждение. Данная статья – это прикладное исследование, раскрывающее роль человеческого капитала руководителей в жизни корпорации и его влияние на социальную среду. Оно подтверждает ключевую значимость человеческого капитала и социального института корпораций для формирования общественной структуры и экономического развития, а также предлагает практические рекомендации для управления корпорациями с акцентом на развитие человеческого капитала.

Заключение. Человеческий капитал руководителей существенно влияет на взаимодействие внутри и вовне корпорации и на социальную динамику общества в целом. Развитие компетенций, навыков и ценностей руководителей играет ключевую роль для успеха корпораций и общества. Социальная составляющая жизнедеятельности корпораций ориентирована на производство посредством удовлетворения социальных потребностей, что подчеркивает центральное значение человеческого капитала и его влияние на социальную структуру общества.

Ключевые слова: ценности, социальный институт корпорации, корпорация, человеческий капитал, руководители, социально-структурные отношения, социальная динамика

Для цитирования: Камышина Е. А. Значимость человеческого капитала в жизни корпорации: влияние руководителей на динамику социальной среды // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 66–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-66-74.

© Камышина Е. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Importance of Human Capital in the Life of a Corporation: the Influence of Managers on the Dynamics of the Social Environment

Elena A. Kamyshina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
kamyshina.elena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0673-1344>*

Introduction. The purpose of the article is to analyze the influence of managers and their human capital on the corporate social environment, offering tools for such analysis and studying the factors of human capital formation. The relevance of the work is determined by the practical application of network research methods using the in-depth interview method. The result of using such methods is the analysis of the qualities of managers that influence the building of the most positive socio-structural relations in the corporation and contribute to the development of the human capital of the corporation, which is important for society.

Methodology and sources. In developing the methodology there were used the works of sociologists devoted to values (M. Weber, T. Parsons, F. Tennis, P. Bourdieu, V.A. Yadov) and the theory of network human capital (P.P. Deryugin, S.A. Kravchenko, S.A. Dyatlov) were used. The results of research by N.E. Tikhonova, S.A. Solntsev, M. Goltzman and others on the role of leaders in Russian society were used. In addition to the in-depth interview method, the research methodology was based on the concept of "Management Grid", which reveals the work style of a manager through his self-assessment.

Results and discussion. This article is an applied research that reveals the role of human capital of managers in the life of a corporation and its impact on the social environment. It confirms the key importance of human capital and the social institution of corporations for the formation of social structure and economic development, and offers practical recommendations for corporate management with an emphasis on the development of human capital.

Conclusion. The human capital of managers significantly affects the interaction inside and outside the corporation and the social dynamics of society as a whole. The development of leadership competencies, skills and values plays a key role for the success of corporations and society as a whole. The social component of the life activity of corporations is focused on production by meeting social needs, which emphasizes the central importance of human capital and its impact on the social structure of society.

Keywords: values, social institution of a corporation, corporation, human capital, managers, socio-structural relations, social dynamics

For citation: Kamyshina, E.A. (2024), "The Importance of Human Capital in the Life of a Corporation: the Influence of Managers on the Dynamics of the Social Environment", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 66–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-66-74 (Russia).

Введение. Статья является продолжением исследования человеческого капитала руководителей корпораций. Автор рассматривает эту социологическую категорию как «совокупность ценностных установок, знаний, навыков и умений руководителя, обеспечивающих удовлетворение социальных потребностей внешней среды посредством создания клиенто-ориентированной внутренней среды корпорации на основе такого социального взаимодействия, которое приносит корпорации ренту, доход и прибыль и обеспечивает интеграцию корпорации с внешней средой и дальнейшее развитие социума. А также интегрирует, мобилизует, мотивирует, формирует солидарность сотрудников корпорации в процессе этой дея-

Значимость человеческого капитала в жизни корпорации: влияние руководителей на динамику социальной среды 67
The Importance of Human Capital in the Life of a Corporation: the Influence of Managers on the Dynamics of the...

тельности» [1, с. 18]. По классическому подходу Т. Шульца, человеческий капитал формируется как на природной основе, так и в результате целенаправленного развития: «Все человеческие способности являются врожденными или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющих его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом» [2, р. 13]. Цель статьи состоит в анализе и выводах о влиянии руководителей и их человеческого капитала на внутреннюю и внешнюю социальную среду корпорации. Научная новизна заключается в предложении инструментария для анализа влияния человеческого капитала руководителей корпорации на социальную среду и в изучении факторов, влияющих на формирование человеческого капитала руководителей корпорации. Актуальность статьи в практическом применении сетевых методов исследования человеческого капитала при использовании метода глубинного интервью и контент-анализа. Результатом применения таких методов является анализ качеств руководителей, влияющих на выстраивание наиболее положительных социально-структурных отношений в корпорации. Также подтверждается значимость и влияние человеческого капитала руководителей корпорации на динамику социальной среды. Роль человеческого капитала руководителя в корпорации рассматривается как «пусковой механизм», центральный элемент формирования и развития человеческого капитала экономических организаций корпораций, которым в свою очередь отводится ключевое место в экономике [3], где они выступают в качестве ведущих акторов развития человеческого капитала страны в целом [4]. Корпорация, благодаря своим определенным свойствам, обуславливает развитие человека, включенного в систему корпоративных отношений, что позволяет рассматривать ее в качестве одного из факторов социализации [5]. Наконец, социальный институт корпораций играет важную роль в обществе, и понимание роли человеческого капитала и человеческого капитала руководителей в управлении корпорацией имеет широкое общественное значение.

Методология и источники. Для разработки методологии основного исследования автор обращался к фундаментальным социологическим теориям относительно ценностей (М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Теннис, П. Бурдье, В. А. Ядов), а также к теоретическим положениям подхода к сетевому человеческому капиталу (П. П. Дерюгин, С. А. Кравченко, С. А. Дятлов). Основные идеи о роли и влиянии руководителей на социальную структуру современного российского общества опираются на исследования Н. Е. Тихоновой, С. А. Солнцева, М. Гольцмана и др. Также было уделено внимание пониманию социального взаимодействия внутри корпорации (Е. С. Силова, Д. С. Ощепкова, Т. А. Даниловских и др.). В основном в исследовании корпорация понималась в историческом контексте как группа лиц, объединенных общностью профессиональных или сословных интересов [4] и (как представлено в Гражданском кодексе Российской Федерации) как юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с п. 1 ст. 65.3 Гражданского кодекса [6].

Методологическое основание методики исследования строилось на идее Блейка–Мойтона, определяемое как «решетка менеджмента», где стиль работы выявляется на основе опроса самого руководителя. В отличие от этой идеи, в настоящем случае осуществлено попарное сравнение данных руководителей организации с различным первичным образова-

нием и респондентами-сотрудниками как носителями различного образования, т. е. применялся корреляционный анализ двух групп качеств – деловых и коллективистских. Таким образом, появлялась возможность анализа сетей отношений. Помимо этого, контент-анализ результатов глубинных интервью позволил выявить неочевидные человеческие характеристики, принципы деятельности и глубинные ценности руководителей корпораций.

Результаты и обсуждение. Данная статья представляет собой прикладное практическое исследование, которое раскрывает значимость человеческого капитала руководителей в контексте жизни корпорации и его влияние на динамику социальной среды под воздействием руководителей. Исследование подтверждает ключевую роль человеческого капитала руководителей и социального института корпораций в формировании общественной структуры и экономического развития.

По мере развития корпораций как общественного института роль корпоративных лидеров также меняется и обновляется в сторону увеличения важности и значимости их социального влияния – способности воздействовать на социальную структуру и отношения внутри корпорации. Руководители корпораций, можно сказать, развивают свой человеческий капитал через свою практическую деятельность, что является одним из основных факторов создания и развития корпораций как отдельного общественного института. В связи с этим необходимо уделить внимание развитию таких навыков и умений руководителей, как лидерство, управление изменениями, коммуникация, корпоративное управление и социальная ответственность. Именно эти навыки востребованы в современном обществе.

По результатам исследования Е. А. Свердlikовой [7], показательными данными для характеристики современной российской деловой культуры и характеристики лояльности персонала организации стали такие ценности, как трудолюбие и преобладание моральных форм мотивации над материальными. В результате анализа 15 глубинных интервью с руководителями частных корпораций Санкт-Петербурга удалось выявить основные ценности, которые чаще всего упоминались ими. На рисунке представлено процентное соотношение среди наиболее часто называемых. Также были указаны такие ценности, как любовь, дружба, верность, искренность, доброта, взаимовыручка, общий результат, качество, удовольствие от работы, ценность имеющегося, надежность, люди, порядочность, мир во всем мире, гармония, понимание своих желаний, интерес к жизни, открытость, предприимчивость, смелость. Но эти ценности имеют незначительный процент, поэтому не включены в итоговую диаграмму.

В ходе глубинного интервью были обсуждены несколько тем, а именно семья, уровень образования и отношение к образованию, социальные факторы, которые повлияли или влияют на руководителя, личностные качества и ценностные ориентиры. Затем был проведен контент-анализ, благодаря которому удалось сформулировать качества, помогающие руководителю корпорации быть не просто руководителем, а лидером; выделить ключевые задачи современного руководителя; выделить персональные качества, которые помогают руководителю эффективно действовать на своей должности. Исследование человеческого капитала предполагает не только изучение деловых качеств личности руководителя, но и его коммуникативные, коллективистские, личностные и другие качества и характеристики [8]. В ходе анализа было выделено 9 респондентов (таблица), чьи ответы наиболее полно раскрывают поставленные цели.

Информация о респондентах
Information about respondents

Респондент	Должность	Отрасль	Образование
Респондент 1	Директор направления	Образование	Высшее гуманитарное, управленческое
Респондент 2	Руководитель инженерной службы	Энергетика	Неполное высшее техническое
Респондент 3	Руководитель направления	Образование	Высшее гуманитарное
Респондент 4	Генеральный директор	Полиграфия	Высшее техническое
Респондент 5	Генеральный директор	Строительство	Высшее управленческое
Респондент 6	Руководитель отдела	Информационные технологии	Высшее техническое
Респондент 7	Генеральный директор	Группа компаний	Высшее военное, управленческое
Респондент 8	Генеральный директор	Логистика	Высшее военное, управленческое
Респондент 9	Генеральный директор	Образование	Высшее гуманитарное, управленческое

Качества, помогающие быть лидером. Среди ответов респондентов можно выделить тренды на вдохновляющее лидерство, команду и доверие, целеустремленность.

Респондент 1: «Воля и трудолюбие помогли мне быть лидером»; «Целеполагание обязательно присутствует в моей жизни»; «Важное качество руководителя – терпение».

Респондент 2: «Если люди мне доверяют, то я им могу доверять так же. Потому что они знают, что я делаю для них все. Это будет зеркально. И на любые запросы мне ответят добром и никогда не подведут»; «Коллектив – это люди, которые доверяют мне и которым доверяю я. Для меня это родные люди».

Респондент 3: «Я – человек, который не руководит, а, скорее, вдохновляет».

Респондент 6: «Ты чувствуешь, что помогаешь людям развиваться, если даешь достаточно сложные, но не слишком сложные задачи, если даешь много, но не слишком много ответственности»; «Здорово быть тем, кто делает жизнь других комфортнее и осмысленнее»; «Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов. Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану».

Респондент 7: «Для меня важно готовить команду, быть личным примером, взаимодействовать в команде, помочь. Важно уважать друг друга, как в семейной жизни. Не бывает идеальной модели, но надо ценить друг друга и недостатки».

Респондент 8: «Ценность дружбы, ценность взаимоотношения с людьми, преданность, доверие. Это помогло нам развиваться. Основой нашей компании является как раз вот эта дружба».

Респондент 9: «Уделять достаточно времени каждому подчиненному. Я считаю, что это важно и для развития, достижения целей, вдохновения и мотивации»; «При грамотной команде в подчиненных всегда есть опора, всегда есть уверенность, что озвученная задача подхватится и будет реализована».

Можно сделать вывод, что руководители частных корпоративных организаций готовы инвестировать в своих подчиненных, в свою команду. Готовы развивать человеческий капитал, реализуя свой человеческий капитал руководителя. Также поддерживается тренд на вдохновляющий стиль мотивации, что способствует развитию человеческого капитала всей корпорации и социума в целом.

Задачи современного руководителя. При проведении интервью в том числе обсуждались вопросы реализации управленческих компетенций. В частности то, какие цели и задачи стоят перед современным руководителем. Можно выделить несколько важных задач, которые отмечали респонденты: достижение целей, развитие команды и персональное развитие сотрудников, организация процесса.

Респондент 1: «Для меня всегда была очень важна команда»; «Задача первая даже в менеджменте – это воспитать личность, а уже потом профессиональные знания».

Респондент 2: «Как руководитель я должен обеспечить все возможное для того, чтобы мой коллектив работал в нормальных условиях, с получением всех своих льгот, оплат, медицинским обслуживанием».

Респондент 4: «Неважно, что и как ты делаешь, главное, чтобы цели были достигнуты».

Респондент 5: «Грамотно организованный рабочий процесс – залог слаженной работы всей команды и, как следствие, бодрое руководство, располагающее достаточным временем для развития своей компании».

Респондент 7: «Не идти на сделку со своей совестью, не наступать своей совестью на горло. Те базовые ценности, которые у нас заложены: бизнес не ради денег, а ради общего дела. Это наша идеальная цель, задача главная»; «Чтобы человек шел с радостью на работу, член команды (сотрудник) бежал на работу, а потом с радостью шел домой, что дома у него все хорошо, чтобы он делился, как у него на работе»; «Для нас самое главное – не обмануть своих клиентов, тех людей, которые нам верят».

Респондент 8: «Хочется, чтобы они (сотрудники) были профессиональнее, были умнее меня. Сейчас я уже больше работаю над собой как над коучем, над человеком, который что-то дает этим людям. Я считаю, что это другой уровень взаимоотношения с людьми».

Респондент 9: «При любом взаимодействии в команде есть ощущение собственной значимости, экспертности с подчиненными, которые стремятся развиваться. Для меня лично, мне нравится видеть, как мои подчиненные растут, и я считаю, что в этом есть моя заслуга»; «Нужно убедиться, что ты сам можешь это делать. Тот вопрос, с которым я живу: “Все ли ты сам сделал для того, чтобы был другой результат?”».

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие и достижение целей – это залог успешности команды и корпорации в целом. Снова подтверждается мысль о том, что руководители готовы реализовывать свой человеческий капитал и развивать человеческий капитал корпорации.

Персональные качества. В процессе бесед обсуждались и вопросы персональных навыков, качеств, ценностных установок, которые сформировали личность руководителя. Человеческий капитал в жизни корпорации: влияние руководителей на динамику социальной среды 71
The Importance of Human Capital in the Life of a Corporation: the Influence of Managers on the Dynamics of the...

ский капитал – это особая форма отношений человека с окружающей действительностью, отношений, направленных на использование всех своих потенциалов – совокупности свойств, способностей и характеристик личности, основанных на знаниях, навыках и умениях в интересах производства и воспроизводства чего-либо [9]. Помимо ценностей, которые были перечислены, можно выделить еще ряд личных качеств, способствующих реализации человеческого капитала руководителей: ответственность, лояльность, готовность вовлекаться и развиваться.

Респондент 3: «Относительно работы у меня всегда очень ответственное отношение к своему делу. Если я за что-то берусь, то надо сделать это максимально хорошо и качественно»; «Работа – это трудолюбие, не трудоголизм. Для меня работой всегда была моя жизнь».

Респондент 5: «Я несу ответственность за своих людей и персонал. Я прекрасно для себя осознаю всю полноту ответственности по отношению к персоналу. Не имеет значения, находимся мы на работе или отправились на корпоратив. По итогу любого мероприятия я буду спокоен только в том случае, если буду точно знать, что все благополучно добрались до дома, не испытывают никаких проблем/трудностей».

Респондент 7: «Мне нравится быстрая усваиваемость, лояльность, мобильность во всем. Та искренность, которая есть, она чувствуется».

Респондент 8: «Нужен подход к каждому сотруднику, требуется какое-то убеждение, коммуникация»; «Мне нравится вдохновлять людей и своими какими-то действиями, советами приносить пользу обществу. Я в этом ловлю кайф, драйв и исходя из этого действую»; «У меня не просто цель пользоваться сотрудником как ресурсом. Мне хочется, чтобы он чего-то добился в компании и чтобы его жизнь удовлетворяла. Если я вижу, что кто-то ходит и вроде бы хорошо все делает, но у него плохое настроение, то я хочу разобраться. Я пытаюсь это исправить, дать толчок, направление»; «Жизненная позиция – постоянно с самим собой соревноваться. Мне нравится постоянно чего-то добиваться в жизни. Благодаря этому я живу. Мне хочется, чтобы я дал семье максимум, бизнесу максимум. Я хочу, чтобы я был эффективен для самого себя. Все, что от меня зависит лично, я хочу это по максимуму использовать».

Итак, невозможно быть руководителем без участия в развитии, решения проблем и взаимоотношений внутри корпорации и вовне. Признание роли, места и целей реализации человеческого капитала в развитии социума становится одним из важных индикаторов не только по его значимости и успешности, но и как показатель перспективности и устойчивости корпорации, социума [10]. И высказывания респондентов это подтверждают. Именно такие персональные ориентиры способствуют созданию социально ориентированной, эффективной, работоспособной среды в корпорации и за ее пределами.

Заключение. Статья является прикладным практическим исследованием, раскрывающим значимость человеческого капитала руководителей в контексте жизни корпорации и его влияние на динамику социальной среды под воздействием руководителей. Основываясь на систематическом анализе современной литературы, научных статей и эмпирических данных, были исследованы два аспекта: роль человеческого капитала руководителей и роль социального института корпораций в формировании общественных отношений, социальных структур и экономического развития в современном обществе. Анализируя исследования в этой области, было обращено особое внимание на руководителей, которые выступают ключевыми фигурами в сфере социальной ответственности, формирования ценностей и установления партнерских отношений сразу в двух сферах взаимодействия: внутренней и внешней среде корпорации.

В исследовании отмечается важность обладания высоким уровнем человеческого капитала руководителями, что способствует укреплению единства ценностей внутри организации и созданию благоприятной среды для ее деятельности, развития ее человеческого капитала. В итоге данное исследование подтверждает ключевую роль человеческого капитала руководителей корпорации в формировании общественной структуры и экономического развития. Полученные результаты предлагают практические рекомендации для управления корпорациями, ориентированными на развитие человеческого капитала, а именно использование методов вдохновляющей мотивации сотрудников, развитие их человеческого капитала, формирование устойчивого результата деятельности за счет командной работы и взаимопомощи.

Данное исследование имеет научную значимость и актуальность, поскольку способствует развитию теории и практики в области социологии, а также обеспечивает основу для дальнейших исследований в области социальной динамики, социальных институтов и процессов с применением методов сетевого анализа, глубинного интервью и контент-анализа.

Человеческий капитал руководителей и социальный институт корпорации являются взаимосвязанными и взаимообусловленными конструктами. Развитие компетенций, навыков и ценностных ориентаций руководителей имеет критическое значение для успешного функционирования и эволюции корпораций, а также для общества в целом. Социальная составляющая жизнедеятельности корпораций ориентирована на производство посредством удовлетворения социальных потребностей, что подчеркивает центральное значение человеческого капитала и его влияние на социальную структуру общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камышина Е. А. Социодинамика человеческого капитала руководителей корпораций и его роль в формировании социально-структурных отношений (на примере корпораций Санкт-Петербурга): дис. ... канд. социол. наук / СПбГУ. СПб., 2022.
2. Schultz T. W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. NY: The Free Press, 1971.
3. Сидорова Л. Е., Сидоров С. В., Шарафутдинов Р. Я. О системном анализе динамики человеческого капитала национальной экономики // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXIII Междунар. науч.-практич. конф., ч. 3, СПб., 10–11 июня 2019 г. / СПбПУ. СПб., 2019. С. 34–44.
4. Худобко Е. В. Особенности формирования и свойства человеческого капитала // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 206–211.
5. Патутина Н. А. Корпорация как фактор социализации сотрудников // Науковедение: интернет-журнал. 2016. Т. 8, № 6: 118EVN616.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/28916ee0bbdf24214da0c780cd7ad21d728f37a4/ (дата обращения: 12.02.2024).
7. Сverdlikova E. A. Традиции российского бизнеса и корпоративный патриотизм // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 2. С. 116–136.
8. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 15–25.
9. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 10–25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.
10. Гришанова Е. М. Корпоративная культура современного предпринимательства // Инновации и инвестиции. 2014. № 11. С. 123–126.

Информация об авторе.

Камышина Елена Александровна – кандидат социологических наук (2023), ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 44 научных публикаций. Сфера научных интересов: человеческий капитал, руководители, сетевой анализ, ценности, социальные институты, социальные процессы, социальные группы и общности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.03.2024; принята после рецензирования 12.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Kamyshina, E.A. (2022), "Socio dynamics of human capital of corporate managers and its role in the formation of social and structural relations (On the example of Saint-Petersburg corporations)", Can. Sci. (Sociology) Thesis, SPbSU, SPb., RUS.
2. Schultz, T.W. (1971), *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*, The Free Press, NY, USA.
3. Sidorova, L.E., Sidorov, S.V. and Sharafutdinov, R.Ya. (2019), "About system analysis of the best practices of managing human capital and investment opportunities of the financial system", *System analysis in design and management*, SPb., RUS, June 10–11, 2019, pp. 34–44.
4. Khudobko, E.V. (2011), "Features of the formation and properties of human capital", *The Bryansk State Univ. Herald*, no. 3, pp. 206–211.
5. Patutina, N.A. (2016), "Corporation as a factor of employee socialization", *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Internet J. "Science Studies"], vol. 8, no. 6: 118EVN616.
6. "Civil Code of the Russian Federation (part one) dated Nov. 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023)", *Consultant Plus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed 12.02.2024).
7. Sverdlikova, E.A. (2017), "Traditions of Russian business and corporate patriotism", *Moscow State Univ. Bulletin. Ser.18. Sociology and Political Science*, vol. 23, no. 2, pp. 116–136.
8. Kravchenko, S.A. (2010), "Formation of network human capital: methodological outlines of the concept", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (15), pp. 15–25.
9. Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A., Yarmak, O.V. and Travin, R.A. (2020), "Values and human capital of the employees of the corporation: experience in network troubleshooting", *Research Result. Sociology and management*, vol. 6, no. 4, pp. 10–25. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1.
10. Grishanova, E.M. (2014), "Corporate culture of modern entrepreneurship", *Innovation and investment*, no. 11, pp. 123–126.

Information about the author.

Elena A. Kamyshina – Can. Sci. (Sociology, 2023), Assistant Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 44 scientific publications. Area of expertise: human capital, managers, network analysis, values, social institutions, social processes, social groups and communities.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.03.2024; adopted after review 12.04.2024; published online 24.06.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.334.3

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-75-85>

К вопросу о методологических основах изучения «четвертой ветви власти» как института политической системы современного общества

Владимир Петрович Милецкий¹, Ярослав Александрович Емелин^{2✉}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>

^{2✉}emelinyaroslav@yandex.ru

Введение. Целью настоящей статьи является рассмотрение методологических аспектов изучения средств массовой информации как «четвертой ветви власти» и института политической системы современного общества. Авторы предприняли попытку достичь поставленной цели с позиций мультипарадигмального методологического подхода, предусматривающего сложение объясняющих потенциалов структурно-функционального, институционального и других эвристических концептов. С теоретической точки зрения СМИ привлекают внимание как политологов, так и социологов, философов, историков, журналистов и специалистов по связям с общественностью. Исследования в данном направлении, несомненно, требуют именно такого подхода, поскольку он позволяет решить поставленную задачу.

Методология и источники. В рамках указанных методологических позиций (мультипарадигмального методологического подхода) «четвертая ветвь власти» предстает в различных аспектах, что позволяет также исследовать ее главным образом как институт политической системы общества, в структуре которой СМИ не только являются индикатором развитости институтов гражданского общества, но и свидетельствуют о степени открытости политической элиты и всего правящего политического класса. В качестве методологических источников в настоящей статье использованы труды таких основоположников концепции «четвертой ветви власти», как Дж. С. Милл, И. Бентам, Ю. Хабермас, Ф. Сиберт, Т. Петерсон, У. Шрамм и др.

Результаты и обсуждение. Исследуются возможности применения основных положений теоретических и специализированных подходов к изучению концепции «четвертой ветви власти» в современных политико-социологических и политологических исследованиях. Авторы предприняли попытку эвристической интерпретации базовых категорий и выделения их понятийных аналогов в современной науке.

Заключение. Результаты проведенной работы свидетельствуют о том, что средства массовой информации («четвертая ветвь власти») определенно играют постоянно возрастающую роль в плане контроля за публичной властью и являются одним из институтов гражданско-политического общества. Хотя известно, что использование термина «четвертая ветвь власти» для обозначения политической роли и статуса СМИ как института политической системы общества может вызывать возражения и быть поводом для дискуссии.

© Милецкий В. П., Емелин Я. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: «четвертая ветвь власти», средства массовой информации, политическая система, гражданское общество, государственная власть

Для цитирования: Милецкий В. П., Емелин Я. А. К вопросу о методологических основах изучения «четвертой ветви власти» как института политической системы современного общества // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 75–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-75-85.

Original paper

Towards a Methodological Basis the Study of the «Fourth Power» as an Institution of the Political System within Modern Society

Vladimir P. Miletskiy¹, Yaroslav A. Emelin²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>*

²*emelinyaroslav@yandex.ru*

Introduction. This article considers the mass media as the «Fourth Power» in the political system of modern society with the aim of illuminating the place of mass media in the latter. The authors had attempted to achieve this goal in terms of structural-functional, institutional and other explanatory concepts. From a theoretical point of view, the media attract the attention of both political scientists and sociologists, philosophers, historians, journalists and public relations specialists. Research in this direction requires a multi-paradigm methodological approach, since all theoretical and empirical resources for such analysis are available in modern science.

Methodology and sources. In the framework of these methodological positions (multi-paradigm methodological approach) “The Fourth Power” appears in various aspects, which also allows to study the latter as an institution of the political system of society, in which the media are not only an indicator of the development of civil society, but also indicate the degree of openness of the political elite and the ruling political class. As methodological sources, this article uses the works of such founders of the concept of “Fourth Power” as J. S. Mill, J. Bentam, J. Habermas, F. Siebert, T. Peterson, W. Schram, etc.

Results and discussion. The article studies the possibilities of applying the basic provisions of general scientific and specialized approaches to the study of the concept of «Fourth Branch of Power» as an explanatory methodological approach in modern political and sociological researches. The authors made an attempt to theoretical interpretation of the basic categories and to highlight their conceptual analogues in modern science.

Conclusion. The results of the work show that the mass media (“The Fourth Power”) definitely play an ever-increasing role in terms of control over public power and are one of the institutions of civil-political society. Although it is known that the use of the term “The Fourth Power” to denote this political role of the media may cause objections and be a reason for discussion.

Keywords: “Fourth power”, mass media, political system, civil society, state power

For citation: Miletskiy, V.P. and Emelin, Ya.A. (2024), “Towards a Methodological Basis the Study of the Fourth Power as an Institution of the Political System within Modern Society”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 75–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-75-85 (Russia).

Введение. Концепция так называемой «четвертой ветви власти» зародилась и стала развиваться примерно в одно и то же время с теорией «гражданского общества». Периодизация охватывает отрезок времени с XVII по XVIII в., в это время в Англии и США увлеченно заговорили о публичной сфере, а либеральные идеи становились все более популярными. Свобода слова и печати были предметом активной дискуссии в просвещенном обществе, публичное мнение бросило вызов недемократическим политическим системам этих стран. Полученный ныне средствами массовой информации доступ к принятию политических решений свидетельствует о высоком уровне развития общества, в котором справедливому правовому закону отводится исключительное место. Категории свободы, справедливости, верховенства права легли в основу концепции разделения властей Дж. Локка, который предложил с функциональной точки зрения различать три ветви государственной власти: исполнительную, законодательную и союзную (федеративную) [1]. В современном виде третья ветвь в качестве судебной власти получила окончательное закрепление в трактате Шарля Луи Монтескье «О духе законов» (1748).

Дело в том, что автономия данных ветвей власти была необходима для успешной реализации государственной политики при демократических режимах, поскольку позволяла сдерживать и уравнивать их влияние в обществе. Современный российский политолог А. И. Черных убеждена, что именно развитие свободной прессы спровоцировало «оттепель» в закрытых и консервативных системах, что ускорило процесс становления демократии в разных странах [2].

В либерализации политической, экономической, социальной, культурной, духовной сфер жизни общества немаловажную роль сыграла публикация специфичных форм коммуникации между обособленными властными структурами и частным, приватным сектором общественных отношений. В концепции гражданского общества Ю. Хабермаса в этом отношении постулируется, что частные интересы претендуют на право быть признанными официальными, общественный дискурс противопоставляется государственному, большинство желает быть услышанным меньшинством, масса бросает вызов властвующей элите, а структурная трансформация публичной сферы при этом протекает в духе критицизма. Сам немецкий социолог, коммуникативист и основоположник франкфуртской школы критической социологии, под публичной сферой понимал «область нашей социальной жизни, где нечто похожее на общественное мнение может быть сформировано» [3, с. 10].

Наиболее остро публичное противопоставляется элитарному именно на почве либерализации прессы, поскольку свобода слова и печати становится не просто утопией, а действительной общественной силой. Либеральные ожидания в этих условиях зашли настолько далеко, что темой широкой дискуссии стала проблема реального воздействия масс-медиа на власть. Классической в этом отношении признана работа американских социологов Ф. Сиберта и Т. Петерсона, в которой выделяется четыре модели СМИ, характеризующие разную степень влияния прессы на власть. Рычагами и инструментами давления на «самовольное правительство» обладают СМИ в русле либертарианской теории и теории социальной ответственности, но не авторитарной и советской концепций [4]. Наряду с теорией «четвертой ветви власти» существует концепт о журналистике как «сторожевом псе», который дополняет первую. С точки зрения содержания и наполнения этих категорий С. С. Бодрунова

в качестве функций свободной и независимой прессы признает адвокатирование общественных интересов, наполненное их политической пристрастностью, включая «арбитраж» публичной сферы [5].

Таким образом, методологический базис изучения «четвертой ветви власти» может иметь функциональные, институциональные и исторические основания. В этом отношении уместно утверждать, что исследования в данном направлении требуют мультипарадигмального подхода, тем более, что все теоретические и эмпирические ресурсы для подобного анализа в современной науке имеются.

Методология и источники. Некоторые исследователи отводят институту средств массовой информации главенствующую, определяющую и надзорную роли, превосходное положение по отношению к традиционным формальным ветвям власти: «Средства массовой информации устанавливают систему ценностей, позволяющую индивидам вырабатывать собственную оценку приемлемости или неприемлемости формальных правил, лежащую в основе макросоциальной идентичности, отсылающей к вопросам духовно-нравственного развития» [6, с. 63].

Впервые о СМИ как о «четвертой ветви власти» заговорил в 1840 г. О. де Бальзак, который считал, что политика особенно нуждается в специфических механизмах информационного обмена. Средства массовой информации в процессе эволюционного совершенствования приобрели статус одного из важнейших институтов сопровождения и обеспечения политических процессов. Являясь полноценным институциональным компонентом политической системы общества, средства массовой информации консолидируют общественное мнение, выполняют важную функцию представительства интересов всех основных социальных субъектов политического процесса, включая гражданско-политические институты, и входящих в их состав социально-профессиональных групп. Р. В. Короткевич замечает в этой связи, что, «являясь посредником между властью и обществом, СМИ не только критикуют недостатки в политике и обществе, но и выполняют конструктивную функцию артикуляции различных общественных интересов» [7, с. 192].

В разные годы и эпохи имело место множество кейсов функционирования СМИ в качестве так называемого «четвертого сословия». Пожалуй, впервые либеральная печать громко заявила о себе в разгар Великой французской революции, когда справедливой критике подвергались все общественные институты, а просвещенный абсолютизм представал политическим идеалом и апогеем философской мысли того времени. Спекулируя, казалось бы, прописными истинами о свободе личности и естественных неотчуждаемых правах, журналисты приобретали славу лидеров мнения. Сложно не согласиться с тем, что со взятием Бастилии не только европейская, но и мировая история встала на другие рельсы. К слову, трансформировалась и развивалась и сама пресса, приобретая черты народной, свободной и имеющей значительный политический вес.

Неподдельный общественный резонанс в свое время вызвала и кампания Мартина Лютера Кинга, целью которой было решение проблемы расового неравенства в США. Невозможно оспорить тот факт, что информационная работа, проводимая журналистами, сыграла свою роль: пристрастное освещение данной темы подтолкнуло правительство к пересмотру действующего на тот момент законодательства в части признания и закрепления прав и сво-

бод меньшинства по национальному признаку. Уместным здесь представляется и современный локальный пример из нормотворческой практики Законодательного собрания Санкт-Петербурга, издавшего несколько лет назад закон о комплексном развитии городских территорий. Благодаря СМИ возник широкий общественный резонанс. Опасаясь уплотнительной застройки и переселения из черты мегаполиса в ближайший пригород, заинтересованная общественность выступила за пересмотр законопроекта. Широкая огласка и всесторонняя информационная поддержка этой проблемы в СМИ способствовали созданию специального общественного штаба, результатом работы которого стали дополнительная юридическая экспертиза и подготовка качественной нормативной базы, что легло в основу нового федерального закона о комплексном развитии территорий, вступившего в силу в декабре 2020 г.

Однако в истории были примеры не только того, как СМИ вступали в открытую конфронтацию с политической элитой и набирались смелости открыто транслировать альтернативное властям общественное мнение. Наоборот, зачастую СМИ оказывают мощную поддержку правящему классу, манипулируя общественным сознанием и спекулируя достоверными фактами. Вот почему, с другой стороны, термин «четвертая ветвь власти» некоторыми авторами трактуется в качестве околонучной метафоры, функционально противоречащей всестороннему взаимодействию средств массовой информации с социальными акторами и институтами политической власти. Особенно это касается их взаимоотношений с правоохранительными органами. По мнению этих авторов, если допустить, что СМИ способны реально влиять на них, то, оказавшись в политическом, правовом, институциональном и информационном подчинении у средств массовой информации, исполнительная, законодательная и судебная власть перестанут в полной мере выполнять свои основополагающие функции и решать задачи государственной важности. В этом отношении выражение «четвертая ветвь власти» обычно используется для обозначения роли политических институтов гражданского общества и общественно-политических организаций в вопросах осуществления контроля за властями, поскольку именно СМИ являются институтом, с помощью которого граждане получают информацию о действиях властей, имеют возможность выражать свои оценки о них и формировать заинтересованные позиции, а также оказывать сильное влияние на власти с тем, чтобы они прислушивались к общественному мнению и учитывали его при выработке и исполнении управленческих решений по всем проблемам, интересующим современное гражданское общество.

Сказанное о плюрализме мнений по рассматриваемым вопросам не отменяет актуальности и необходимости изучения «четвертой ветви власти». Являясь социальным институтом гражданско-политического общества, средства массовой информации выступают также компонентом политической системы, статус которого в этой системе представляется возможным раскрыть с позиций структурно-функционального и институционального подходов [8]. Речь о том, что СМИ, как и все другие социальные институты, в настоящее время являются естественно-исторически сформировавшимися устойчивыми структурами и паттернами стандартизированных социальных действий и практик людей, обеспечивающими на нормативной основе официальных законов и неофициальных установлений (норм живого и социального права) удовлетворение их базисных потребностей в получении всесторонней и объективной информации о происходящих в конкретных странах и мире в целом событиях,

проблемах, глобальных и региональных трендах их эволюции. Благодаря этому обеспечивается учет общественного мнения, консолидация людей в сплоченные сообщества, укрепляется стабильность, устойчивость социума и его жизнеспособность, включая минимизацию транзакционных издержек [9]. Поэтому масс-медиа исполняют не только универсальные для всех социальных институтов функции (контрольно-регулятивную, интегративную, статусно-ролевую, консолидирующую и др.), но и свои собственные профильные функции, которые отличают их в функциональном отношении от всех других институтов. Речь идет о таких функциях СМИ, как информационная, агитационно-пропагандистская, мировоззренческая, воспитательная и др.

Таким образом, перечисленные подходы позволяют решить методологическую задачу, связанную с выявлением места и роли СМИ в политической системе общества, которая представляет собой целостную совокупность социальных субъектов, институтов и учреждений государственной, муниципальной и партийно-корпоративной власти, политических процессов, практик и духовно-политических компонентов, консолидированных главным образом государственной властью для представительства ключевых интересов основных групп населения на основе их артикулирования и агрегирования, легитимации власти в обществе и исполнения других функциональных ролей. При этом стоит отметить, что политико-социологический анализ предполагает раскрытие внутренней структуры политической системы, в которой свободные или несвободные масс-медиа предстают в качестве ее специфического гражданско-политического института наряду с другими институтами этой системы. Гомеостазис политической системы во многом достигается благодаря функционированию прессы, которая консолидирует интересы общественности, объединяет различные общественные организации, мобилизует общественное мнение.

Перечисленные факты являются безусловным показателем демократизма этой модели политической системы [2]. В этом отношении стоит напомнить о возрастающем влиянии на последнюю так называемой мягкой силы, растущим ресурсом которой являются средства массовой информации, включая социальные сети и Интернет. Другими словами, средства массовой коммуникации выполняют посредническую функцию, осуществляют обратную связь между различными общественными акторами на правах полноценного социального института. Более того, СМИ являются не только индикатором общественного мнения, но и институтом формирования заинтересованно-оценочной позиции народного большинства по актуальным для него, информационно доступным, неоднозначным, но затрагивающим интерес этого большинства социальным проблемам, событиям, деятелям и др. Поэтому масс-медиа как социальный институт наделены определенным престижным статусом. Данное обстоятельство объясняется тем, что в современном обществе журналистам принято доверять, а такое доверие дорогого стоит.

Вместе с тем институциональный анализ СМИ в рамках гносеологической плоскости более сложен, поскольку моделирует их взаимодействие с внешним окружением политической системы. В зависимости от стиля государственного управления масс-медиа могут испытывать функциональные ограничения, нередко они ощущают давление со стороны самых разных политических акторов. По этой причине при методологическом обосновании необходимости изучения «четвертой ветви власти» нужно учитывать политическую конъюнктуру в обществе, коммуникационные процессы которого являются предметной областью

того или иного социологического исследования. Чтобы политическая система перманентно пребывала в стабильном состоянии, необходимы относительная устойчивость ее институциональных и процессуальных параметров, соответствующий уровень легитимности и эффективности власти, которые обеспечивают последовательное развитие этой системы.

Средства массовой информации за счет мобилизации социального капитала имеют возможность лоббировать интересы тех или иных участников политического процесса, латентно проводить собственную политику от лица заинтересованных социальных субъектов, которыми они ангажированы, оказывать влияние на принятие и реализацию управленческих решений. Парадокс «четвертой ветви власти» состоит в известном конфликтном столкновении таких концептуальных моделей СМИ, как информативная и пропагандистская (агитпроп), организационная и др. Рассуждая об институциональном предназначении СМИ, Д. Шмыгин приходит к выводу, что средства массовой информации вполне обладают признаками самостоятельного института общественно-политической власти, невзирая на то, что, например, российская журналистика исторически нередко (особенно при советской власти) формировалась под сильнейшим государственным воздействием и функционировала под его контролем. Поэтому, с одной стороны, СМИ в СССР были довольно-таки ангажированными гражданско-политическими институтами, а, с другой, в настоящее время они завоевали известный политический вес и влияние [10].

Во исполнение требований гносеологического принципа историзма принято рассматривать зарождение, существование и трансформационные процессы «четвертой ветви власти» параллельно с позитивными демократическими изменениями в обществе, которыми они детерминированы [6]. Это обосновано тем, что СМИ продолжают активно выстраивать современные коммуникации в паре «Общество–Власть», вследствие чего они начинают играть возрастающую роль и приобретать более весомое значение в политических процессах, включая влияние на электоральные процессы и формирование общественного мнения.

При этом либеральные идеи Дж. Мильтона и других ученых не преданы забвению, но продолжают развиваться. Как известно, о свободе прессы размышлял также И. Бентам, для которого либерализация печати и ее участие в развитии непосредственной демократии, формировании общественного мнения, демократизации политической системы являлись неоспоримыми факторами функционирования демократического правительства, становления правового государства, в условиях которого главенствует верховенство права. Кроме того, данные постулаты концептуально неразделимы с положением о приоритете естественных и неотчуждаемых прав человека, уважения и обеспеченности которых постоянно добивается в современном обществе гражданско-политический институт СМИ.

СМИ занимают центральное место в формировании образа государственной власти в целом и государственных служащих в частности. Журналисты не только передают информацию потребителю контента, но и способствуют созданию субъективной оценки государственного сектора в его сознании. И это не разовая акция, а целенаправленная работа по укреплению имиджа бюрократического аппарата: положительный образ, психологический портрет, кейс эффективной работы. «Уровень доверия к чиновникам несколько вырос после вхождения Крыма в состав России, впоследствии рейтинги власти, все, кроме президентского, откатились на прежний уровень, однако продолжают доминировать положительные

оценки. Тем не менее для властей важен, в первую очередь, уровень удовлетворенности граждан положением дел в стране, а не доверие к чиновникам. <...> Претензий по этому поводу достаточно много, однако они не достигли высокого уровня» [11].

Формирование информационной повестки зависит от многих факторов, например влияния власти. Иерархическая структура информационного ландшафта может меняться от региона к региону, но в общем тематическом портфеле первые три позиции занимают информационные поводы, связанные с политикой, экономикой и сферой жилищно-коммунального хозяйства. А. А. Новак выделяет модель сконструированной или потребностной модели СМИ: «Она представляет собой специфическое, зависящее от внутренних и внешних сил влияния, содержание мегатекстов СМИ. Редакции с трудом стремятся соблюсти баланс между информацией, удовлетворяющей интересы акторов влияния, и тем, что необходимо знать аудитории данного медиа» [12, с. 142].

Согласно структурно-функциональному подходу элементы политической системы подвижны, и они не могут находиться в закреплённом состоянии. Все подсистемы взаимосвязаны, любые колебания в одной влекут за собой череду метаморфоз в другой. Однако все компоненты стремятся к балансу, потому как «нормально функционирующее общество – это постоянно нарушаемое и восстанавливаемое равновесие» [13, с. 133]. При этом обеспечение гомеостазиса системы возможно благодаря двум механизмам. «Первый – иерархическое централизованное управление, гарантирующее системную целостность и быстроту принятия решений по “оперативным” вопросам. Второй – механизм самоорганизации, который даёт системе внутренние импульсы для развития, выполняет функцию балансировки различных социальных подсистем через взаимодействие разносторонних социальных групп и организаций» [14, с. 241].

По мысли Э. Э. Шульца, социальный протест может представлять серьёзную опасность для политической системы. Сам по себе конфликт в обществе не является угрозой, но до тех пор, пока он не приобретает крупные масштабы и не заражает объединяющей идеей значительный процент общественности. «Важность и опасность объединяющей идеи, – по его мнению, – заключается в том, что она находит отклик у всех слоёв населения и несёт ежедневное постоянное давление на все общество» [15, с. 113].

В контексте политической культуры, лишённой конфликтов, гармонично сочетаются такие элементы политической культуры, как традиции, ценности и нормы. Логично, что столкновение этих компонентов и провоцирует такое явление, как конфликт, которому не стоит отводить роль аномалии или дисфункции. Под дисфункцией политической системы Е. Н. Максимова и Л. Н. Гарас понимают «такое состояние, когда структурный элемент системы прекращает выполнять действия, соответствующие его изначальному назначению, что находит проявление в вырождении функции, ее символизации и персонализации» [16, с. 79]. С точки зрения структурно-функционального баланса способность элементов политической системы адаптироваться к внешним факторам отражается в ее эффективности.

Поскольку средства массовой информации неразрывно связаны с политикой, буквально вплетены в структуру политической системы общества, постольку возникает вопрос о социальной ответственности СМИ и доверии к ним. Ведь медиаэффект может быть не положительным, а нередко даже негативным. О последнем случае принято говорить в контексте

освещения средствами массовой информации чрезвычайных ситуаций, манипулирования общественным мнением и пропаганды. Однако в широком смысле СМИ должны поддерживать социальное согласие ценностных ориентаций, обеспечивать взаимодействие социальных институтов, формировать достаточный уровень не только общей, но и политико-правовой культуры у граждан.

Результаты и обсуждение. Обобщая изложенное, следует признать существование теоретической и методологической проблем, которые заключаются в сложности однозначного определения места и роли средств массовой информации в качестве института политической системы современного общества, включая Россию. Если в структуре демократических ценностей значение свободной прессы идеализировано, а теоретическое обоснование представляется более точным и лишенным критики, то на практике применение приведенных концепций не может быть безусловным. Ограничения, в первую очередь связанные с разнообразием политических систем в современном мире, страноведческими особенностями их становления, функционирования и развития, различиями политических режимов, создают дополнительные сложности в их концептуализации. Дело в том, что многие из них невозможно безоговорочно признать авторитарными или демократическими, поскольку зачастую они являются смешанными (гибридными), обладающими признаками и характеристиками первых и вторых. При этом либеральные идеи Дж. Локка, Дж. С. Милля, Дж. Милтона, И. Бентама, Ю. Хабермаса, Ф. Сиберта и других исследователей, которые в разное время разрабатывали концепции свободной прессы и СМИ в целом, представляется возможным обобщить в рамках политико-социологической теории «четвертой ветви власти». Тем самым допускается возможность рассматривать концепции названных ученых в качестве методологических оснований изучения института «четвертой ветви власти».

Заключение. Средства массовой информации определенно играют важную роль в системе контроля за публичной властью и являются одним из влиятельных институтов современного гражданско-политического общества. Вместе с тем использование термина «четвертая ветвь власти» для обозначения статуса и роли СМИ в качестве института в политических системах современного общества является поводом для научной дискуссии. Проведенный анализ свидетельствует о степени разработанности данной темы и актуальности изучения проблематики масс-медиа как института политической системы современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум, 2022.
2. Черных А. И. Реальность «четвертой власти» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 100–125.
3. Семенов А. В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. 2009. № 4. С. 9–13.
4. Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы / пер. с англ. М. Полевой. М.: Нац. ин-т прессы: Вагриус, 1998.
5. Бодрунова С. С. Парадигмы «адвокатирования» и «арбитража» в западной журналистской этике и их ценностно-нормативное наполнение // Социология и Право. 2014. № 1 (23). С. 16–23.
6. Устинова О. В. Средства массовой информации как «четвертая власть» // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 4. С. 62–64.

7. Короткевич Р. В. Средства массовой информации – элемент политической системы общества // Лесной вестник. 2002. № 3. С. 191–196.
8. Маслова И. А. Политология: учеб. пособ. Оренбург: ОГУ, 2010.
9. Губайдуллин А. Р. Понятие и особенности взаимодействия политической и правовой систем // Вестн. ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 91–100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.091-100.
10. Шмыгин Д. Парадоксы «четвертой власти» // Медиасреда. 2006. № 1. С. 98–101.
11. Опрос: россияне не доверяют чиновникам // Версия. 12.08.2016. URL: <https://versia.ru/opros-rossiyane-ne-doverayut-chinovnikam> (дата обращения: 12.03.2024).
12. Новак А. А. Особенности формирования повестки дня // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 1. С. 129–144. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).129-144.
13. Виноградов В. Д., Головин Н. А. Политическая социология: учеб. пособ. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997.
14. Негрова М. С., Савин С. Д. О понятии политических факторов стабильности изменяющегося общества // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. Вып. 2. С. 238–246.
15. Шульц Э. Э. Социальный протест как фактор дестабилизации политической системы современной России // ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13, № 4. С. 110–117.
16. Максимова Е. Н., Гарас Л. Н. Дисфункции политической системы как факторы политической нестабильности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 76–83. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_76.

Информация об авторах.

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики и права, теория российской модернизации.

Емелин Ярослав Александрович – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: прикладные политологические и социологические исследования, современная коммуникативистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.03.2024; принята после рецензирования 12.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Lokk, J. (2022), *Two Treatises of Government*, Transl. by Lagutin, E.S. and Semenov, Yu.V., Socium, Moscow, Chelyabinsk, RUS.
2. Chernykh, A.I. (2008), "Reality of the "fourth power"", *Sociological J.*, no. 1, pp. 100–125.
3. Semenov, A.V. (2009), "Rethinking civil society: J. Habermas normative conception of the public sphere", *Society and power*, no. 4, pp. 9–13.
4. Siebert, F., Schram, W. and Peterson, T. (1998), *Four Theories of the Press*, Transl. by Polevaya, M., Nats. in-t pressy, Vagrius, Moscow, RUS.

5. Bodrunova, S.S. (2014), "Paradigms of "advocacy" and "arbitration" in the western journalistic ethics and their normative content", *Sociology and Law*, no. 1 (23), pp. 16–23.
6. Ustinova, O.V. (2014), "Mass media as "the fourth power"", *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, no. 4, pp. 62–64.
7. Korotkevich, R.V. (2002), "Mass media – an element of the political system of society", *Forest Bulletin*, no. 3, pp. 191–196.
8. Maslova, I.A. (2010), *Politologiya* [Political Science], OSU, Orenburg, RUS.
9. Gubaidullin, A.R. (2019), "The concept and peculiarities of the interaction of political and legal systems", *Courier of the Kutafin Moscow State Law Univ. (MSAL)*, no. 4, pp. 91–100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.091-100.
10. Shmygin, D. (2006), "Paradoxes of "fourth power"", *Mediasreda*, no. 1, p. 98–101.
11. "Poll: Russians do not trust officials" (2016), *Versiya*, 12.08.2016, available at: <https://versia.ru/opros-rossiyane-ne-doverayut-chinovnikam> (accessed 12.03.2024).
12. Novak, A.A. (2018), "Specifics of agenda-setting in regional mass media", *Theoretical and practical issues of journalism*, vol. 7, no. 1, pp. 129–144. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).129-144.
13. Vinogradov, V.D. and Golovin, N.A. (1997), *Politicheskaya sotsiologiya* [Political sociology], Izd-vo SPbU, SPb., RUS.
14. Negrova, M.S. and Savin, S.D. (2012), "On the concept of political factors of stability in social shifts", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Ser. Psychology. Sociology. Pedagogy*, iss. 2, pp. 238–246.
15. Shults, E.E. (2017), "Social protest as a factor of destabilization of the political system in modern Russia", *Political Expertise: POLITEX*, vol. 13, no. 4, pp. 110–117.
16. Maksimova, E.N. and Garas, L.N. (2022), "Dysfunctions of the political system as factors of political instability", *The Caspian region: politics, economics, culture*, no. 1 (70), pp. 76–83. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_76.

Information about the authors.

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Politics, 1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 80 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics and law, theory of Russian modernization.

Yaroslav A. Emelin – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: applied political and sociological science research, modern communication studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.03.2024; adopted after review 12.04.2024; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99>

Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию

Наталья Валентиновна Степанова^{1✉}, Екатерина Владимировна Курганская²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>

Введение. В статье представлены результаты обзора научных трудов по теории дискурса, отражающих этапы эволюции медиаполитического дискурса в отечественной лингвистике. Цель статьи – обобщение, систематизация и анализ подходов к исследованию медиаполитического дискурса и концепций его осмысления. Рассматриваются такие понятия, как медиадискурс, медиатекст, медиалингвистика, политический дискурс. Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике медиаполитический дискурс как раздел теории дискурса исследуется недостаточно комплексно и системно. Существует необходимость определения более четких границ медиаполитического дискурса, его функций и жанров.

Методология и источники. Статья подготовлена в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, функционального подхода к анализу дискурса, медиалингвистики. В соответствии с постулатами критического дискурс-анализа, медиаполитический дискурс рассматривается как конститутив социальной практики. Основным исследовательским методом является аналитический научный обзор трудов по теории дискурса.

Результаты и обсуждение. В ходе обзора работ по медиа- и политическому дискурсу приводятся основные подходы к пониманию и исследованию медиаполитического дискурса. Обозначаются границы данного типа дискурса как одного из разделов современной теории дискурса. Выявляются концепции научного познания, обусловившие формирование медиаполитического дискурса. Дается обзор трудов по смежным типам дискурса на предшествующих этапах развития научной мысли. Рассматриваются актуальные направления его исследований. Интернет-дискурс трактуется как альтернативный источник политической информации, как медиадискурс второго порядка. Акцентируется экспликация в медиаполитическом дискурсе элементов дискурса вражды и оппозиции «свой – чужой», а также идеологизация данного типа дискурса в целом.

Заключение. Выявлена тенденция к слиянию медиадискурса и политического дискурса в рамках медиаполитического дискурса в современной лингвистике. Среди ключевых подходов к исследованию медиаполитического дискурса обозначены кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический, при анализе блогосферы – критический дискурс-анализ, структурно-функциональный и компаративный

© Степанова Н. В., Курганская Е. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

подходы. К наиболее перспективным направлениям исследования можно отнести выявление сущностных характеристик медиаполитического дискурса и разработку жанровой стратификации данного типа дискурса.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, медиадискурс, медиатекст, политический дискурс, медиалингвистика, политическая лингвистика

Для цитирования: Степанова Н. В., Курганская Е. В. Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.

Original paper

Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework

Nataliia V. Stepanova^{1✉}, Ekaterina V. Kurganskaia²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

²*katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>*

Introduction. The article presents the results of the review of scientific works on discourse theory, reflecting the stages of evolution of media-political discourse in Russian linguistics. The aim of the article is to summarize, systematize and analyze approaches to the study of media-political discourse and concepts of its comprehension. Such concepts as media discourse, media text, media linguistics, and political discourse are considered.

Methodology and sources. The article is prepared in the context of the cognitive-discursive paradigm, functional approach to discourse analysis, and media linguistics. In accordance with the postulates of critical discourse analysis, media-political discourse is considered as a constitutive of social practice. The main research method is an analytical scientific review of works on discourse theory.

Results and discussion. In the course of the review of works on media and political discourse the main approaches to the understanding and research of media-political discourse are highlighted. The boundaries of this type of discourse as one of the areas of modern discourse theory are outlined. The concepts of scientific cognition that conditioned the formation of media-political discourse are identified. A review of works on related types of discourse at the previous stages of scientific thought is given. Internet discourse is viewed as an alternative source of political information. The article emphasizes the elements of language of enmity and the binary opposition “us/them” in the media-political discourse.

Conclusion. The paper reveals a tendency to merge media discourse and political discourse within the framework of media-political discourse in modern linguistics. Among the key approaches to the study of media-political discourse the following approaches are identified: cratological, structural-communicative and media-technological ones; when analyzing the blogosphere it is advisable to refer to critical discourse analysis, structural-functional and comparative approaches. The most promising areas of the research include the identification of the essential characteristics of media-political discourse, and the development of genre stratification of this type of discourse.

Keywords: media political discourse, media discourse, media text, political discourse, medialogistics, political linguistics

For citation: Stepanova, N.V. and Kurganskaia, E.V. (2024), “Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99 (Russia).

Введение. Цель статьи – обобщение, систематизация и анализ подходов к исследованию медиаполитического дискурса и концепций его осмысления. Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике медиаполитический дискурс как раздел теории дискурса исследуется недостаточно комплексно и системно. Существует необходимость определения более четких его границ, функций и жанров. При этом очевидна тенденция к слиянию, сближению, объединению медийного и политического дискурсов. Также востребованность исследования медиаполитического дискурса на современном этапе развития науки определяется необходимостью распознавания и анализа манипулирования, дезинформирования и других проявлений «нелегитимного использования дискурса» и нанесения вреда обществу при помощи публичного дискурса.

Прежде чем перейти к рассмотрению медиаполитического дискурса, необходимо разграничить ряд смежных понятий, сосуществующих в современной лингвистике, в числе которых «политический дискурс», «медиадискурс» и «медiateкст».

Основной задачей лингвистического анализа политического дискурса с точки зрения критического дискурс-анализа представляется выявление механизмов взаимодействия и взаимовлияния дискурса, знания и общества [1–4]. Границы политического дискурса неочевидны. В узком смысле он формируется и рассматривается исключительно в контексте политических институтов, в широком смысле к политическому дискурсу относится любая коммуникация, направленная на борьбу за власть. По мнению Е. И. Шейгал, политический дискурс представляет собой «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [5, с. 9]. При характеристике политического дискурса исследовательница отмечает его фундаментальную аргументативность, массовость адресата, театральность, динамичность, эзотеричность, эмоциональность и манипулятивность [5, с. 9]. Центральной функцией политического дискурса является формирование общественного мнения и реализация власти, к периферийным функциям можно отнести социальный контроль, легитимизацию власти, а также убеждение адресата в необходимости «политически правильных» действий и оценок. К перечисленным функциям можно добавить также функцию информирования общества по политическим вопросам. Сообщения такого характера могут быть реализованы в различных жанрах, например политическое интервью или пресс-конференция. Композиция политического дискурса разнородна, поскольку ей свойственны черты различных типов дискурса, что способствует применению определенного набора дискурсивных тактик.

Термин «медиадискурс» происходит из общей концепции дискурса и трактуется как любой вид дискурса, осуществляемый в пространстве массовой коммуникации. Конституентами медиадискурса являются медiateксты, которые выступают одновременно в качестве результата и инструмента медийной дискурсивной практики. Осуществление анализа медиадискурса, по мнению Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина, правомерно лишь на материале медiateкста, позволяющего интерпретировать намерения, цели, использование язы-

ковых средств, жанровые характеристики дискурса и некоторые его концептуальные признаки [6]. С точки зрения Т. Г. Добросклонской, медиатексты представляют собой дискретные единицы медиадискурса, позволяющие упорядочить и структурировать распространение информации. Медиадискурс – это совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. Медиатекст – базовый компонент медиадискурса, который представляет собой последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, в зависимости от конкретного канала массовой информации. Важное свойство медиатекста заключается в том, чтобы упорядочить и систематизировать движение медиапотока в условиях информационного общества. Согласно российским и зарубежным функционально-жанровым классификациям, его можно разделить на четыре основных типа: новости, информационная аналитика и комментарий, публицистика или авторские тематические материалы и реклама [7, с. 108].

Методология и источники. В качестве методологической базы исследования использовались труды отечественных и зарубежных ученых в области медиадискурса, медиалингвистики, политического дискурса и политической лингвистики: Е. И. Шейгал [5, 8], Г. Я. Солганика [9–15], В. Е. Чернявской [16–18], А. П. Чудинова [19], Е. А. Кожемякина [6, 20, 21], Т. Г. Добросклонской [7, 22], В. И. Карасика [23, 24], М. Р. Желтухиной [25], О. Ф. Русаковой [26–28], С. Л. Кушнерук [29], Т. ван Дейка [3], Р. Водак [4, 30], Н. Фэркло [1, 2] и др.

На первом этапе аналитического обзора были рассмотрены труды ведущих лингвистов в области медиадискурса и медиалингвистики, политического дискурса и политической лингвистики. Далее на основании работ отечественных ученых постулируется и мотивируется необходимость объединения политического и медиадискурса в рамках единого более крупного образования – медиаполитического дискурса. На следующем этапе осуществляется обзор существующих материалов по медиаполитическому дискурсу, определяется сущность данного феномена, некоторые его характеристики, а также выявляются фундаментальные подходы к исследованию медиаполитического дискурса в современной лингвистике.

Политический дискурс и политическая лингвистика. Медиалингвистика. У истоков политического и в дальнейшем медиаполитического дискурса во многом стоят научные труды Г. Я. Солганика – как стилистически ориентированные, так и словарные работы [9–11]. Идеи исследователя, несомненно, в значительной степени предвосхитили последующие этапы развития медиа- и политического дискурса, особенно с точки зрения стилистического анализа языковой личности журналиста, транслирующего определенным образом интерпретированную информацию и свою собственную оценку ситуации [13]. Особый интерес вызывает коллективная монография под ред. Г. Я. Солганика «Язык СМИ и политика» [14], которая любопытна в том числе в контексте когнитивного осмысления формирования общественного мнения посредством соответствующих стратегий, тактик и политических метафор, а также с позиций критического дискурс-анализа, поскольку в работе затрагивается проблема соотношения власть–общество–СМИ. Современная трактовка дискурсивной личности в определенной степени опирается на понимание автором языковой личности журналиста/политика и характера ее взаимодействия с массовой аудиторией. В сборнике 2007 г. «Язык массовой и межличностной коммуникации» [15] Г. Я. Солганик задает границы языка СМИ и уточняет перспективы его развития, а также характеризует современный язык медиа в его

сопоставлении с языком предшествующего периода. Нельзя не отметить вклад Г. Я. Солганика как автора и научного редактора в подготовку изданий «Язык массовой и межличностной коммуникации» [15], «Язык СМИ и политика» [14].

Осуществляя обзор подходов к политическому дискурсу и дискурсу вообще, необходимо обратиться к трудам В. Е. Чернявской в области методологии анализа текста и дискурса, интертекстуальности, проблем речевого воздействия, и в том числе дискурса власти и власти дискурса, методологии исследований научного дискурса, стилистики научной речи. С точки зрения анализа политического дискурса и медиадискурса отдельное внимание следует обратить на монографию В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыхенко «История в дискурсе политики. Лингвистический образ “своих” и “чужих”» 2018 г. [18]. В данной работе акцентируется роль языка как способа создания реальности с выявлением типичных тактик и средств репрезентации «своих» и «чужих» в политическом дискурсе.

Исследования Е. А. Кожемякина в области теории политического дискурса, медиадискурса и собственно медиаполитического дискурса охватывают такие тематические области, как дискурсивное конструирование национальной идентичности, формирование медиа-реальности, медиарепрезентация политиков, явление мультимодальности. По мнению Е. А. Кожемякина, в соответствии с постулатами социального конструкционизма, медийная реальность не просто отражает объективную действительность, а является самостоятельной реальностью, достаточно автономной по отношению к «объективному миру» [20, с. 58]. По мнению Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина, политический дискурс можно толковать как «произведенную в определенных исторических и социальных рамках институционально организованную и тематически сфокусированную последовательность высказываний, рецепция которых способна поддерживать и изменять отношения доминирования и подчинения в обществе» [6, с. 74]. При этом авторы отмечают, что в настоящее время осуществляется переход от классической интерпретации политического дискурса, при котором центральным аспектом исследования являются отношения доминирования и подчинения, к семиотико-языковым и прагматическим аспектам предмета исследования. Политика и политические отношения трактуются как конструкты, созданные на основе «молчаливого согласия» людей. «Проговаривание власти» трактуется в теории дискурса как ее реализация [6, с. 74]. Среди базовых характеристик языка политики авторы выделяют семантическую неопределенность, идеологическую полисемию, структурно-семантическую латентность, направленность на эмоциональное воздействие, фидеистичность, агональность и псевдиалогичность, а также прагматическую ориентированность на достижение результатов, связанных с борьбой за власть. К фундаментальным функциям политического дискурса исследователи относят информирующую, инструментальную, нормирующую, легитимирующую и прогнозирующую функции, утверждая при этом, что политический дискурс представляет собой «основное средство манипулирования в политической среде» [6, с. 77–78]. Одной из главных задач научной теории дискурса является построение его многопараметральной модели, поскольку дискурс представляет собой многоуровневое и многофакторное явление, одновременно языковое, речевое, психическое, когнитивное и социальное [6, с. 76].

А. П. Чудинов рассматривает основные этапы становления и направления развития российской политической лингвистики. Исследователь обозначает в том числе характери-

стики, релевантные для анализа медиаполитического дискурса: поуровневый анализ языка с учетом коммуникативных стратегий и тактик и проявления речевой агрессии; изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов – исследование общих признаков политического языка; изучение идиостилей отдельных политических лидеров, направлений и партий; использование методов психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и других дисциплин; анализ отечественной политической речи и др. [19, с. 27].

Среди трудов в области медиалингвистики и медиадискурса особую роль играют работы Т. Г. Добросклонской, в которых рассматриваются предпосылки зарождения медиалингвистики в конце XX в., акцентируется ее актуальность как интегрированного подхода к изучению речевых медиапрактик, позволяющих раскрыть внутренние механизмы их порождения, распространения и воздействия на массовую аудиторию. Несомненный интерес представляет анализ лингвомедийных свойств и социокультурных характеристик различных типов медиатекстов. К методам изучения медиатекстов автор относит контент-анализ, структурно-тематический анализ, дискурсивный анализ и когнитивный подход, лингвокультурологический анализ, разнообразные лингвостилистические методы, а также критический анализ новостного дискурса [7, с. 7–8]. В фокусе внимания Т. Г. Добросклонской также оказываются экстралингвистические компоненты медиадискурса, включая производство, распространение и восприятие медиатекстов, социокультурный и идеологический контекст, интерпретационные свойства медиаречи, лингвомедийные технологии воздействия на индивидуальное и массовое сознание (лингвистические аспекты актуализации пропаганды и манипуляции) [7, с. 25]. К перспективным направлениям изучения медиаречи Т. Г. Добросклонская причисляет также медиастилистику, медиариторику, медиа-дискурсологию, сопоставительную медиалингвистику, медиатекстологию [7, с. 107].

Е. Н. Пескова полагает, что взаимопроникновение и взаимозависимость медиакommunikации и медиадискурса приводят к компиляции их функций, в числе которых можно обозначить следующие: информационная, воздействующая, просветительская, развлекательная, призывающая/направляющая, контролирующая, социализации [31, с. 29].

Результаты и обсуждение.

Медиаполитический дискурс. Направления исследований. Очевидно, что средства массовой информации играют доминантную роль в формировании политических предпочтений. Многие исследователи трактуют политический дискурс, опосредованный медиа-технологиями, как самостоятельный властный ресурс [27, с. 65]. С. Л. Кушнерук отмечает, что «в условиях перехода на цифровые технологии усиливается роль СМИ как “четвертой власти”, контролирующей информационные потоки и процессы конструирования представлений о действительности, которые воздействуют на глубинные пласты человеческого восприятия мира и его отдельных фрагментов» [29, с. 26].

Ведущая роль СМИ в реализации и распространении политического дискурса не вызывает сомнений. Именно благодаря масс-медиа политический дискурс становится публичным, адресованным максимально широкой аудитории. В связи с этим существует тенденция характеризовать взаимоотношения между медиа- и политическим дискурсом как отношения тождественности или как отношения подчиненности, при которых медиадискурс пред-

ставляет собой часть политического дискурса. В настоящее время популярность приобретает термин «медиаполитический дискурс», который, на наш взгляд, является удачным, поскольку с его помощью происходит объединение двух смежных, сосуществующих и, по сути, немыслимых друг без друга типов дискурса. Отметим, что ряд исследователей отдает предпочтение термину «политический медиадискурс». Так, О. Ф. Русакова относит концепт «политический медиадискурс» к обширной группе медиационных концептов политической коммуникативистики [26, с. 151]. Вопрос объединения политического дискурса с медиадискурсом поднимается исследователями в течение двух последних десятилетий, в частности, данная проблема затронута в фундаментальной монографии Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» 2000 г.: «Особую роль в существовании политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом масс-медиа» [5, с. 385]. Логика объединения медиа- и политического дискурса достаточно очевидна, поскольку общественное мнение о текущей политической повестке формируется у широкой массовой аудитории на основании информации, опосредованной СМИ [5, с. 317]. Таким образом, к числу системообразующих характеристик политического дискурса относится в том числе опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа [5, с. 10]. В. А. Марьянчик исследует аксиологическую структуру медиаполитического текста и справедливо, на наш взгляд, полагает, что на сегодняшний день можно говорить о «сращивании политического дискурса с дискурсом масс-медиа, о медиатизации политики и политизации журналистики» [32, с. 1].

Согласно определению О. В. Сулиной, медиаполитический дискурс (МПД) представляет собой «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [33, с. 221]. Под МПД мы, вслед за Т. Д. Подъяковой, понимаем «продукт СМИ, направленный на освещение и интерпретацию политической информации» [34, с. 103]. В соответствии с постулатами критического дискурс-анализа, а также функционального подхода к анализу дискурса в целом медиаполитический дискурс рассматривается как конститутив социальной практики. Медиаполитический текст (МПТ), в свою очередь, это «структурно и системно организованная, коммуникативная, знаковая единица, представляющая собой целостное и завершенное сообщение, функционирующее в сфере массовой коммуникации, отражающее политическую тематику» [32, с. 16].

В статье «Лингвистические исследования политического медиадискурса» В. И. Коньков дает обзор основных направлений изучения российского МПД. Ученый выделяет три этапа эволюции политической медиалингвистики в России и уточняет, что первые два этапа развивались в русле функциональной стилистики [35, с. 138]. В. И. Коньков отмечает, что лингвистические исследования политического медиадискурса выделяются в отдельное направление в конце XX – начале XXI в. В качестве одного из фундаментальных трудов по МПД автор обозначает уже упомянутую ранее коллективную монографию «Язык СМИ и политика», подготовленную известными российскими лингвистами в 2012 г. В основе монографии лежит идея о центральной роли политики в выявлении специфики медиадискурса [35, с. 145–146].

Необходимость исследования МПД объясняется теми же причинами, по которым целесообразно изучать политический дискурс. МПД является эффективным инструментом воздействия на общественное сознание. В связи с этим важно, с одной стороны, проследить, каким образом эту задачу решают журналисты и политики, с другой – проанализировать восприятие текстов МПД аудиторией с точки зрения распознавания манипулирования, дезинформирования и других «нелегитимных» (по Т. ван Дейку) проявлений дискурса и их разграничения от истинных интенций автора [5, с. 6].

В настоящее время отдельные исследователи и целые научные школы уделяют особое внимание теоретико-методологическим подходам к анализу МПД, его видам, формам и функциям. Подобные исследования интенсивно проводят в рамках политической лингвистики, в частности, ученые-дискурсологи Уральской школы. Оформление исследований МПД в качестве отдельного направления началось сравнительно недавно. Ранее МПД (политический медиадискурс) рассматривался в контексте более широкой проблематики теории дискурса, дискурс-анализа, теории политического дискурса [28].

О. Ф. Русакова дает исчерпывающую характеристику подходов к исследованию МПД на данном этапе развития науки и выделяет три основных подхода: кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический [28]. Также исследование современного состояния и эволюционирования МПД предполагает обращение к постмодернистской концепции медиадискурса и критическому дискурс-анализу, поскольку эти подходы позволяют акцентировать идеологический характер МПД [26, с. 154–155].

С точки зрения кратологического подхода МПД представляет собой «властный ресурс», функционирующий в политической среде. Концептуальной основой кратологической модели МПД выступает оппозиция «свой – чужой», реализуемая посредством героизации «своих» (стратегия положительной самопрезентации) и дискредитации «чужих», что в условиях информационной войны может привести к конструированию образа «врага». В этом случае МПД трансформируется в дискурс вражды [28].

Отметим, что понятие информационной войны было введено в науку для экспликации представления о том, что информация является ресурсом власти. Данное понятие сосредоточено на описании технологий информационного и, в частности, речевого воздействия. Актуальность самого термина «информационная война» обусловлена общим нарастанием атмосферы напряженности в мире политики, выражающемся в постоянном нагнетании конфликтов. Информационные войны представляют собой лишь один из аспектов так называемого медиаполитического дискурса вражды. В последние десятилетия возникают такие понятия, как «образ врага», «дискурс ингрупп и аутгрупп». Появляется все больше работ, посвященных исследованию оппозиции «свой – чужой», объединяющей эти понятия.

При рассмотрении МПД целесообразно задействовать критический дискурс-анализ, который позволяет определить доминирующие ингруппы и «требуется судить с позиции меньшинства» [36]. Критический анализ МПД ориентирован на исследование способов, с помощью которых власть осуществляет свое господство в обществе, на изучение способов воспроизводства социального неравенства и языкового сопротивления. В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному и этническому неравенству, случаям злоупотребления властью в различных сферах

общественной жизни. Критические исследования нередко представляют этнические меньшинства как угнетенную социальную группу, высвечивают коммуникативные проблемы, возникающие в результате угнетенного положения этих групп. Основная черта критического анализа МПД, в отличие от дескриптивного подхода, заключается не столько в стремлении описать социальные явления, сколько в том, чтобы проследить роль СМИ в воспроизводстве социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Согласно данному подходу, ученый не может занимать позицию безучастного наблюдателя, а должен вскрывать и критиковать дискурсивные механизмы, которые позволяют воспроизводить неравенство с помощью СМИ. Исследователи выявляют, каким образом МПД формирует выгодные в текущей политической ситуации образы меньшинств, изучают дискурсивные проявления ксенофобии по отношению к мигрантам, а также рассматривают расистский и националистический дискурсы, в которых открыто культивируется «язык ненависти» (hate speech) по отношению к мигрантам.

В. А. Марьянчик отмечает, что функциональные семантико-стилистические категории МПТ объединены вокруг оценочности. Оценочность МПТ, в свою очередь, также построена на концептуальной оппозиции «свой – чужой» [32, с. 6]. По мнению Р. Водак, риторика исключения воплощает дискурс о «чужих», которые находятся внутри и за пределами «тела» (body), т. е. государства. Речь идет, например, о религиозных и этнических меньшинствах, при этом «Мы» (Запад и христианская Европа) обязаны защищаться от «Них» (Востока: евреев, мусульман и т. д.). Правые популистские партии традиционно отрицают сложный характер общественного устройства, называя себя «спасателями Запада», миссия которых – оберегать местных жителей от «варваров», не желающих интегрироваться в культуру и адаптироваться к ней, создающих конкуренцию на рынке труда [30].

При структурно-коммуникативном подходе МПД рассматривается как система структурно оформленных коммуникативных планов, среди которых интенциональный, актуальный и ряд других [28, с. 36]. К интенциональному плану МПД относятся идеи, замыслы, мотивы; элементы стратегического планирования; элементы моделирования адресной аудитории и барьеров публичной коммуникации. Актуальный план МПД представляет собой процессуальный коммуникативный акт, дискурсивную практику, включающую использование вербальных и невербальных форм коммуникации. В рамках данного плана происходит актуализации властных функций МПД: привлечение внимания аудитории; вовлечение адресата в коммуникацию; эмоциональное воздействие; убеждение, внушение, идеологическая обработка аудитории и др. Актуальный план предполагает реализацию следующих коммуникативных стратегий: коммуникативно-вовлекающая, информирующая, соблазняющая, убеждающая, эмоционально-возбуждающая, воодушевляющая, развлекающая, ментально-преобразующая, имиджирующая, мобилизующая.

При медиатехнологическом подходе к анализу МПД исследуются медиатехнологии и медиатехники как наиболее эффективный инструмент конструирования политической картины мира [28]. Особый интерес с точки зрения исследования МПД представляет коллективная монография под ред. М. Р. Желтухиной «Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик», написанная в русле антропоориентированной исследовательской парадигмы. В работе рассматриваются проблемы эффективизации коммуникации при помощи дискурсивных практик в условиях современной цифровой среды [25].

Блогосфера МПД. Не вызывает сомнений роль интернет-дискурса, блогосферы как альтернативного источника политической информации. Блогеры выступают в качестве СМИ, во многом определяя политическое мировоззрение своей аудитории [26, с. 156–158]. В. И. Коньков справедливо замечает, что в сфере МПД формируется самостоятельное направление, ориентированное на исследование поликодового (креолизованного) текста, что приобретает особую актуальность с развитием и повсеместным распространением интернет-технологий. Таким образом, можно говорить о визуализации информационного потока [35, с. 151]. По мнению Т. Г. Добросклонской, медиатексты, создаваемые и распространяемые блогерами, это медиатексты «второго порядка» [7, с. 42]. О. Ф. Русакова отмечает, что исследования политической блогосферы осуществляются в рамках нескольких методологических подходов: 1) критический дискурс-анализ, позволяющий исследовать дискурс блогов и рассмотреть его роль в воспроизводстве неравенства, в утверждении символической власти «элит»; 2) структурно-функциональный подход дает возможность рассматривать дискурс политических блогов как структурный элемент политической коммуникации в целом, выполняющий определенные функции; 3) компаративный подход, при котором осуществляется сопоставление дискурсов блогов различных политических деятелей [26, с. 156–158].

Заключение. В результате аналитического обзора трудов по теории дискурса выявлена тенденция к слиянию медиадискурса и политического дискурса в рамках медиаполитического дискурса в современной лингвистике. Среди ключевых подходов к исследованию медиаполитического дискурса обозначены кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический подходы. Акцентирована экспликация в медиаполитическом дискурсе элементов дискурса вражды и оппозиции «свой – чужой», выступающая в роли идеологической концептуальной основы кратологического подхода к исследованию МПД. С повсеместным распространением интернет-технологий можно говорить о визуализации информационного потока. Интернет-дискурс выступает как альтернативный источник политической информации и как медиадискурс второго порядка. При изучении политической блогосферы целесообразно задействовать критический дискурс-анализ, структурно-функциональный и компаративный подходы. К перспективным направлениям исследования МПД можно отнести выявление его сущностных характеристик, разработку жанровой стратификации МПД, анализ дискурсивной личности журналиста/политика в МПД, а также изучение лингвистического инструментария данного типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003.
2. Fairclough N. *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 1995.
3. Van Dijk Teun A. Discourse and Manipulation // *Discourse Society*. 2006. No 17. P. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
4. Wodak R. *The Discourse of Politics In Action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.
6. Переверзев Е. В., Кожемякин Е. А. Политический дискурс: многопараметральная модель // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 2. С. 74–79.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения: 20.12.2023.)

8. Шейгал Е. И., Иванова Ю. М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // *Respectus Philologicus*. 2004. № 5 (10). С. 29–41.
9. Солганик Г. Я. Стиль репортажа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
10. Стилистика газетных жанров / Г. Я. Солганик, М. К. Милых, В. П. Вомперский и др.; под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Изд-во МГУ, 1981.
11. Солганик Г. Я. Стилистический словарь публицистики: около 6000 слов и выражений. М.: Русские словари, 1999.
12. Солганик Г. Я. Толковый словарь русского языка. Язык газет, радио и телевидения: около 6000 слов и выражений. М.: АСТ: Астрель, 2002.
13. Александрова И. Б., Славкин В. В. Григорий Яковлевич Солганик: «Русский язык – это моя Родина» // *Стилистика завтрашнего дня: сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика*. М.: МедиаМир, 2012. С. 5–10.
14. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.
15. Язык массовой и межличностной коммуникации / Я. Н. Засурский, Н. И. Клушина, В. В. Славкин и др. М.: МедиаМир, 2007.
16. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
17. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. С. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
18. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: URSS, 2018.
19. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 1. С. 19–31.
20. Кожемякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности // *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ I междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 1–4 апр. 2014 г.* / БелГУ. Белгород, 2014. С. 57–62.
21. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2008. № 15 (55), вып. 2. С. 5–12.
22. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2014. № 13 (184), вып. 22. С. 181–187.
23. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
24. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2007. Вып. 7. С. 78–86.
25. Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик / В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова и др. / отв. ред. М. Р. Желтухина. М.: Волгоград: ООО «ПринТЕРРА-дизайн», 2020.
26. Русакова О. Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «Политическая коммуникативистика» // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2013. № 27 (170), вып. 20. С. 150–160.
27. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // *Антиномии*. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.
28. Русакова О. Ф., Курильченко С. С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // *Дискурс-Пи*. 2019. № 4 (37). С. 28–48. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10402.

29. Кушнерук С. Л. Миромоделирующий потенциал дискурса политического события // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 15, № 3. С. 26–31. DOI: 10.14529/ling180304.
30. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: Sage, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073.
31. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 26–31.
32. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Северный (Арктический) фед. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013.
33. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217–222.
34. Подьякова Т. Д. Номинации лиц в медиаполитическом дискурсе: к проблеме классификации // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10. С. 103–106.
35. Коньков В. И. Лингвистические исследования политического медиадискурса // Медиа-лингвистика. 2018. № 5 (2). С. 138–161. DOI: 10.21638/spbu22.2018.201.
36. Фурсов К. К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 46–56.

Информация об авторах.

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

Курганская Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, дискурсивный анализ.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.11.2023; принята после рецензирования 26.12.2023; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*, Routledge, London, UK.
2. Fairclough, N. (1995), *Media Discourse*, Edward Arnold, London, UK.
3. Dijk, van T.A. (2006), "Discourse and Manipulation", *Discourse Society*, no. 17, pp. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
4. Wodak, R. (2011), *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*, Palgrave Macmillan, Houndmills, UK.
5. Sheigal, E.I. (2000), "Semiotics of political discourse", Dr. Sci. (Philology) Thesis, VSPU, Volgograd, RUS.
6. Pereverzev E.V. and Kozhemyakin E.A. (2008), "Political discourse: unitary multi-parametric model translation and translation theory", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 74–79.
7. Dobrosklonskaya, T.G. (2020), *Medialingvistika: teoriya, metody* [Medialinguistics: theory, methods, directions], available at: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (accessed 20.12.2023).

8. Shejgal, E.I. and Ivanova, Ju.M. (2004), "Pre-election television debates as a genre of strategic communication", *Respectus Philologicus*, no. 5 (10), pp. 29–41.
9. Solganik, G.Ya. (1970), *Stil' reportazha* [Reporting style], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
10. Solganik, G.Ya., Milykh, M.K., Vomperskii, V.P. et al. (1981), *Stilistika gazetnykh zhanrov* [Stylistics of newspaper genres], in Rozental, D.Eh. (ed.), Izd-vo MGU, Moscow, USSR.
11. Solganik, G.Ya. (1999), *Stilisticheskii slovar' publitsistiki: ok. 6000 slov i vyrazhenii* [Stylistic dictionary of journalism: approx. 6000 words and expressions], Russkie slovari, Moscow, RUS.
12. Solganik, G.Ya. (2002), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Yazyk gazet, radio i televideniya: okolo 6000 slov i vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language. Language of newspapers, radio and television: about 6000 words and expressions], Ast: Astrel, Moscow, RUS.
13. Aleksandrova, I.B. and Slavkin, V.V. (2012), ""Grigory Yakovlevich Solganik: "The Russian language is my Motherland", *Stilistika zavtrashnego dnya: sb. st. k 80-letiyu prof. G.Ya. Solganika* [Stylistics of tomorrow: Sat. Art. to the 80th anniversary of prof. G.Ya. Solganika], MediaMir, Moscow, RUS, pp. 5–10.
14. Solganik, G.Ya. (2012), *Yazyk SMI i politika* [Media language and politics], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RUS.
15. Zasurskii, Ya.N., Klushina, N.I., Slavkin, V.V. et al. (2007), *Yazyk massovoi i mezhlchnostnoi kommunikatsii* [Language of mass and interpersonal communication], MediaMir, Moscow, RUS.
16. Chernyavskaya, V.E. (2017), "Operationalization of Context in Discourse Analysis", *Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 9, iss. 4, pp. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
17. Chernyavskaya, V.E. (2018), "Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 2, pp. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
18. Chernyavskaya, V.E. and Molodychenko, E.N. (2018), *Istoriya v diskurse politiki. Lingvisticheskii obraz "svoikh" i "chuzhikh"* [History in political discourse. Linguistic image of "us" and "strangers"], URSS, Moscow, RUS.
19. Chudinov, A.P. (2003), "Russian political linguistics: formation stages and basic tendencies", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 19–31.
20. Kozhemyakin, E.A. (2014), "Modern media discourses: specificity and the problem of coherence", *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education, 1st International Scientific-Practical Conf.*, April 1–4, 2014, Belgorod, RUS, pp. 57–62.
21. Kozhemyakin, E.A. (2008), "Discourse-analysis as a Cross-disciplinary Methodology: Historical Aspect", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, № 15 (55), iss. 2, pp. 5–12.
22. Dobrosklonskaya, T.G. (2014), "Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, № 13 (184), iss. 22, pp. 181–187.
23. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnosis, Moscow, RUS.
24. Karasik, V.I. (2007), "Discursive personology", *Language, communication and social environment*, iss. 7, pp. 78–86.
25. Karasik, V.I., Krasnykh, V.V., Maslova, V.A. et al. (2020), *Person and his Discourse – 6: Digitalisation of Communicative Practices*, Zheltukhina, M.R. (ed.), PrinTerra-Design, Moscow, Volgograd, RUS.
26. Rusakova, O.F. (2013), "Media discourse as the concept of the discipline "political communicativistics"", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, no. 27 (170), iss. 20, pp. 150–160.
27. Rusakova, O.F. and Gribov, E.G. (2014), "Political Media Discourse and Mediatization of Politics as Concept of Political Communicativistics", *Antinomies*, vol. 14, iss. 4, pp. 65–77.
28. Rusakova, O.F. and Kurilchenko, S.S. (2019), "Political Media Discourse: Issues of Theoretic-Methodological and Regional Analysis", *Discourse-P*, no. 4 (37), pp. 28–48. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10402.

29. Kushneruk, S.L. (2018), "World-modelling potential of the discourse of a political event", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 15, no. 3, pp. 26–31. DOI: 10.14529/ling180304.
30. Wodak, R. (2015), *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073.
31. Peskova, E.N. (2015), "Media communication and media discourse: approaches to the definition, structure and function", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (16), pp. 26–31.
32. Mar'yanchik, V.A. (2013), "Axiological structure of media-political text (linguostylistic aspect)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Northern (Arctic) Federal Univ. Named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, RUS.
33. Sulina, O.V. (2014), "Political mediadiskurs as an element of the discursive space", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Philology. Journalism*, no. 1, pp. 217–222.
34. Podiakova, T.D. (2013), "Nominations of persons in media political discourse: to the problem of classification", *Vestnik Novosibirsk State University. Ser. History and Philology*, vol. 12, iss. 10, pp. 103–106.
35. Kon'kov, V.I. (2018), "Linguistic studies of political media discourse", *Media Linguistics*, no. 5 (2), pp. 138–161. DOI: 10.21638/spbu22.2018.201.
36. Fursov, K.K. (2018), "Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure", *Society and Power*, no. 5 (73), pp. 46–56.

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

Ekaterina V. Kurganskaia – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 10 scientific publications. Area of expertise: computational linguistics, discourse analysis.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.11.2023; adopted after review 26.12.2023; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81'33

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-100-111>

Репрезентация медицинского контента в сетевом дискурсе

Ирина Ивановна Торубарова

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Воронеж, Россия,
torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>*

Введение. В статье обсуждаются вопросы репрезентации медицинской информации в сетевых сообществах. Большое внимание уделяется современным направлениям исследований сетевого дискурса. Особый акцент делается на работы, посвященные проблемам терминологического аппарата данной сферы. В этой связи в статье приводятся различные точки зрения относительно типологии и классификации текстов в интернет-опосредованной коммуникации. Сферой интереса в рамках данного исследования является медицинский контент, представленный в интернет-опосредованной коммуникации. В работе уточняется понятие «медицинский контент»; формулируется цель – проанализировать особенности представления медицинской информации в англоязычном сетевом дискурсе.

Методология и источники. В соответствии с целью формируется корпус исследования, определяются методы анализа. Анализ корпуса исследования проводится по следующим критериям: прагматические, медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры. В корпус исследования включаются тексты, опубликованные на английском языке, представленные на сайте Reddit в рамках сообществ, обсуждающих проблемы здоровья, здравоохранения, патологических состояний.

Результаты и обсуждение. Опираясь на прагматические параметры (тип адресата/тип адресанта) и тематику опубликованной информации, материал исследования можно условно распределить на несколько групп, описание которых дано в работе. Полученные результаты позволяют говорить о том, что медицинский контент в рамках сетевого сообщества ориентирован на две основные популяционные группы – работники здравоохранения и непрофессионалы, проявляющие интерес к вопросам, связанным с медицинской сферой. Подача медицинской информации организована по прагматическому и тематическому принципам. Основные функции репрезентации медицинской информации в прагматическом аспекте – информирующая, констатирующая, фатическая, экспрессивная.

Заключение. Контент корпуса исследования представляет собой вербальные тексты с разной степенью креолизации – нулевой, частичной, полной. Им свойственны все особенности устно-письменного языка интернет-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: сетевой дискурс, медицинский контент, прагматические параметры, медийные параметры, структурно-семантические параметры, стилистико-языковые параметры

Для цитирования: Торубарова И. И. Репрезентация медицинского контента в сетевом дискурсе // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 100–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-100-111.

© Торубарова И. И., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Representation of Medical Content in Online Discourse

Irina I. Torubarova

*N. N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia,
torubarova69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6712-1865>*

Introduction. The article discusses issues of representing medical information in online communities. Much attention is paid to modern areas of research on network discourse. Particular emphasis is paid to studies related to the problems of the terminology of the area. In this regard, the article presents different points of view on the typology and classification of texts in Internet-mediated communication. The area of interest for this study is medical content presented in Internet-mediated communication. The work specifies the concept of “medical content”.

Methodology and sources. A study corpus is formed in accordance with the aim – to analyse the features of presenting medical information in English-language online discourse; methods of analysis are determined depending on the aim. The following criteria are used to analyse the study corpus material: pragmatic, media, structural-semantic and stylistic-linguistic parameters. The research corpus includes texts published in English, presented on the Reddit website within communities discussing issues of healthy lifestyle, health care, and pathological conditions.

Results and discussion. Based on pragmatic parameters (type of addressee/type of addresser) and the topic of published information, the research material can be conditionally divided into several groups, the description of each group is given in the paper. The results obtained allow suggesting that medical content within the online community is aimed at two main population groups - healthcare professionals and lay people who are interested in issues related to the medical area. The medical information is presented based on a pragmatic and thematic principle. In terms of pragmatics, the main functions of presenting medical information are informative, ascertaining, phatic, expressive.

Conclusion. The content of the research corpus consists of verbal texts with varying degrees of creolization – zero, partial, complete. They are characterised by all the features of the oral and written language typical of Internet-mediated communication.

Keywords: network discourse, medical content, pragmatic parameters, media parameters, structural and semantic parameters, stylistic and linguistic parameters

For citation: Torubarova, I.I. (2024), “Representation of Medical Content in Online Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 100–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-100-111 (Russia).

Введение. С начала появления глобальной Сети и до настоящего момента актуальными являются работы, изучающие различные аспекты интернет-опосредованной коммуникации. В сравнительном исследовании на материале трех языков А. Г. Аврамова выявляет интралингвистические особенности электронного дискурса [1]. С. В. Бондаренко разрабатывает теоретическую модель социальной структуры виртуальных сетевых сообществ, делая акцент на социокультурных характеристиках участников сетевой коммуникации [2]. А. О. Стеблецова с соавторами анализируют особенности языка здорового образа жизни в текстах, представленных на официальных сайтах национальных систем здравоохранения [3–5]. Многочисленные работы посвящены описанию лингвокультурных особенностей интернет-коммуникации на современном этапе и перспективным направлениям дальнейших

исследований интернет-дискурса [6–11]. При этом не существует единой точки зрения относительно понятийного аппарата данной сферы.

П. Е. Кондрашов, характеризуя компьютерный дискурс, использует термин «речеповеденческая система», которая, по его мнению, обладает специфическими дискурсивными особенностями: динамичностью, процессуальностью, коммуникативностью, персонифицированностью, ситуативной обусловленностью, коннотативностью, социальной и культурологической маркированностью [12]. S. C. Herring отмечает, что компьютерно-опосредованная коммуникация – это взаимодействие людей с помощью компьютера или мобильного телефона, которое осуществляется главным образом на основе текста [13]. Л. Ю. Щипицина предлагает термин «дигитальный жанр», определяя его как любое общение посредством цифровых технологий, дифференцируя при этом понятия «дигитальные жанры» и «жанры компьютерно-опосредованной коммуникации» [14]. Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова, обсуждая проблему определения интернет-жанра, обращаются к таким его ключевым понятиям, как «устойчивые типы текста» и «типическая ситуация коммуникации в сети Интернет» [15].

Говоря о текстах в интернет-опосредованной коммуникации, следует отметить, что также не существует единого мнения относительно типологии и классификации данных структурных элементов. Исследователи отмечают одновременное сосуществование традиционных «бумажных жанров», «дигитальных», или «сетевых» жанров, «гибридных», «конвергентных», «мутированных» [15]. Предлагая классификацию жанров в рамках интернет-опосредованной коммуникации, Л. Ю. Щипицина, как и Горошко и Полякова, берет за основу понятие устойчивого типа текста и представляет модель, включающую прагматические, медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры [16].

Сферой нашего интереса в рамках данного исследования является медицинский контент, представленный в интернет-опосредованной коммуникации. Для уточнения термина «медицинский контент» обратимся к определению понятий, составляющих данный термин. В Большом толковом словаре русского языка находим следующее определение: КОНТЕНТ [англ. *content* – содержимое] – содержание книги, статьи, пьесы [17]. Однако, по мнению М. В. Климовой и соавторов, в русском языке понятия «содержание» и «контент» неравнозначны, так как имеют разную сочетаемость [18, с. 94]. В словаре-справочнике «Новые слова и значения» находим уточненный вариант определения: КОНТЕНТ – информационное наполнение сайта, содержащее тексты, видео, графическую, звуковую информацию и пр.; информационные ресурсы Интернета [19, с. 225]. Медицинский – значит «связанный с медициной, с лечебной деятельностью» [20, с. 243]. Таким образом, можно считать, что «медицинский контент» – это любая информация медицинского характера, представленная в Интернете.

В данном исследовании мы рассматриваем сетевой дискурс как интернет-опосредованную коммуникацию пользователей со схожими интересами, в рамках которой происходит обмен информацией, обсуждение и социализация. Цель исследования – проанализировать особенности представления медицинской информации в англоязычном сетевом дискурсе.

Методология и источники. Для анализа использовались материалы сайта Reddit, который представляет собой сочетание социальной сети и веб-форума. Как заявляют создатели, Reddit – это интернет-площадка «для огромного количества сообществ, общения без

ограничений, подлинных человеческих взаимоотношений». – *Reddit is home to thousands of communities, endless conversation, and authentic human connection*¹ [20].

Пользователи, зарегистрировавшись посредством электронной почты, могут публиковать сообщения, комментарии, голосовать за понравившееся сообщение. Reddit является 20-м самым посещаемым сайтом в мире: по данным 2017 г. было зарегистрировано более 1 млрд посещений в месяц [21]. Информация публикуется на английском языке с частичным переводом на немецкий, испанский, французский, итальянский, португальский.

Материал для анализа отбирался по ключевому слову *health*; в результате поиска получена лента новостей/постов, в каждом заголовке содержалось ключевое слово *health*. Поскольку каждая новость была опубликована в рамках какого-либо сообщества/группы, мы обратили внимание в первую очередь на рубрику Communities и по формальному признаку «наличие–отсутствие» в названии и кратком описании ключевого слова *health*, разделяя точку зрения Л. Ю. Щипициной [16], проанализировали полученную информацию по следующим критериям: прагматические, медийные, структурно-семантические и стилистико-языковые параметры. Корпус исследования составили тексты, опубликованные на английском языке, представленные на сайте Reddit в рамках сообществ: r/science, r/HealthyFood, r/Coronavirus, r/Health, r/AskDocs, r/mentalhealth, r/WomensHealth, r/HealthAnxiety, r/publichealth, r/GutHealth, r/AskHealth, r/Radiology. Поиск и описание проводились в декабре 2023 – феврале 2024 г., применялись методы дескриптивного и сопоставительного анализа.

Результаты и обсуждение. Опираясь на прагматические параметры (тип адресата/тип адресанта) и тематику опубликованной информации, материал исследования, по нашему мнению, можно условно разделить на несколько групп. Во-первых, это большое сообщество r/science с подкатегориями, включая подкатегории *Health, Medicine, Epidemiology, Cancer*. Здесь публикуется информация со ссылкой на научные рецензируемые журналы. Во-вторых, это сообщества, в рамках которых обсуждаются различные аспекты здорового образа жизни, например r/NutritionHealth/, r/HealthyFood/, r/GutHealth/ и т. д. В-третьих, это группы, обсуждающие вопросы, связанные с различными состояниями здоровья, патологиями: r/WomensHealth, r/MentalHealthUK/, r/Coronavirus, r/MentalHealthSupport/ и т. д. В-четвертых, это группы, где любой желающий может задать вопрос специалисту о медицинской страховке, медицинском образовании, своем здоровье или здоровье своих близких (информация при этом должна быть представлена в обезличенной форме), например r/AskDocs, r/AskHealth, r/HealthInsurance/ и др. И, наконец, в-пятых, сообщества для профессионалов, которые, в свою очередь, делятся на сообщества, в рамках которых обсуждается серьезная информация, например r/MedicalSchool, r/Residency, r/Radiology, r/RadiologyForDocs, r/DoctorsUK, и сообщества, представляющие «черный» врачебный юмор, например r/Radiology_memes (см. таблицу). Следует оговориться, что данный список не претендует на полноту и всесторонний охват, а представляет лишь некоторые сообщества и их характеристики в рамках исследуемого корпуса.

¹ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором статьи.

Общая характеристика групп, представляющих медицинский контент на сайте Reddit
General features of subgroups presenting medical content on the reddit website

Subreddits для непрофессионалов	Научная информация	r/science Health, r/science Medicine, r/science Epidemiology, r/science Cancer и др.
	Информация о здоровом образе жизни	r/NutritionHealth/, r/HealthyFood/, r/GutHealth/ и др.
	Обсуждение проблем со здоровьем	r/WomensHealth, r/MentalHealthUK/, r/Coronavirus, r/MentalHealthSupport/ и др.
Subreddits для профессионалов	Задать вопрос специалисту	r/AskDocs, r/AskHealth, r/HealthInsurance/ и др.
	Профессиональные сообщества	r/MedicalSchool, r/Residency, r/publichealth/, r/RadiologyForDocs, r/DoctorsUK и др.
	«Черный» врачебный юмор	r/Radiology_memes

Рассмотрим более подробно некоторые материалы, представленные в разных группах, с точки зрения их прагматических, медийных, структурно-семантических и языковых характеристик.

Subreddits для непрофессионалов: научная информация. Все подкатегории в сообществе r/science представляют объективную научную информацию. Адресантом может стать любой участник сообщества, однако, чтобы публиковать информацию, необходимо следовать четким правилам. Во-первых, представляемая информация должна быть актуальна и достоверна: материалы должны быть напрямую связаны с результатами недавно опубликованного научного исследования либо с профессиональным резюме этого исследования в СМИ; перепост существующих популярных материалов запрещен; все материалы должны быть опубликованы в течение последних шести месяцев (это требование по хронотопу относится к дате публикации исследования). Во-вторых, комментарии должны: 1) соответствовать теме опубликованных материалов, «мемы» или шутки недопустимы и удаляются; 2) конструктивно способствовать обсуждению или быть попыткой узнать больше; 3) носить научный характер, рекомендуется включать ссылки на научные публикации для подтверждения личного мнения комментатора. В-третьих, накладываются ограничения на публикацию любой информации личного характера. Пользователи имеют возможность стать участниками *Science verified user program*: представить подтверждение учетных данных, чтобы получить статус эксперта с указанием области знаний; данный факт будет повышать доверие к комментариям «статусного» участника.

Таким образом, резюмируя информацию о прагматических параметрах коммуникации в рамках данной категории, можно сказать следующее: адресантом является один человек, но это не всегда один и тот же человек, любой зарегистрированный пользователь может публиковать информацию в соответствии с правилами; потенциальные адресаты – это все пользователи, которым интересна данная информация. Реализуемая цель коммуникации многопланова, две основные реализуемые функции – информирующая и фатическая [22].

С точки зрения медийных параметров данный контент: 1) представляет собой сочетание информативного и социального жанров – институциональные веб-страницы/веб-страницы научных изданий, форумы/социальные сети [23]; 2) характеризуется мультимедийностью в незначительной степени, основной смысл заключен в текстовой информации, которая может сопровождаться фотоиллюстрациями, имеющими второстепенное значение («нулевая» или «частичная» креолизация [24]); 3) обладает гипертекстуальностью на внутреннем и внешнем уровне; 4) коммуниканты в нем имеют возможность обмениваться мнениями

ми, высказывать комментарии, что свидетельствует об интерактивном характере коммуникации; 5) коммуникация асинхронна, поскольку комментарии могут публиковаться спустя несколько часов/дней; 6) общение происходит в формате групп и межличностном, коммуниканты неэксплицированы.

В плане структурно-семантической организации каждый пост, публикуемый здесь, представляет собой вторичный текст – большой заголовок, состоящий из одного-двух предложений, выражающих главную мысль научной статьи, с гиперссылкой на полнотекстовый оригинал (институциональный веб-сайт или веб-сайт научного издания) и комментарии к нему, организованные в хронологическом порядке, например:

A therapist-guided digital CBT reduced distress in 89 per cent of participants living with long-term physical health condition. An estimated 15.4 million people in England have one or more long-term physical health conditions. 30 per cent of these individuals also have a mental health condition.

Пост, опубликованный 18.02.2024, содержит ссылку на сайт Института психиатрии, психологии и нейронауки, King's College London; на 19.02.2024 за него проголосовали 971 чел., это поставило данную новость на верхнюю строку в ленте новостей; новость получила 96 комментариев.

Тематика новостей изначально задана делением на подкатегории subreddits, каждый пост с гиперссылкой на полный текст и комментариями представляет собой семантическое единство.

Если говорить о языковых особенностях информации в данной категории, постами – научным текстам присущи все обычные характеристики академических текстов [25]. В комментариях же, несмотря на строгие ограничения и призывы корректно оформлять свое мнение, заданные правилами, можно наблюдать все характерные особенности интернет-опосредованной коммуникации на фонетическом, графическом, лексическом, грамматическом, стилистическом уровнях организации текста: редуцирование букв, фонетическая ориентация написания, передача громкости заглавными буквами, эмодзи, ненормативная пунктуация, сокращения и акронимы, нарушение нормативного порядка слов, односоставные, вопросительные предложения и т. д. [23], например:

- *It doesn't. Or at the very least, they haven't proven that it does.*
- *If you tell people for weeks that they should ignore their symptoms, and think they are gonna be better, well it's no surprise they would give better answers to questionnaires when asked about it.*
- *cbt? from the videos i've seen, the pretty girl just beats you up down there. just makes a real mess of things, absolutely dumpsters you.*
- *CBT? Digital or not, me and Mr. Happy aren't making this mistake again.*

Следует обратить внимание, однако, что в данной категории эти особенности встречались в меньшей степени, чем в других.

Subreddits для непрофессионалов – информация о здоровом образе жизни. Мы отнесли в эту группу сообщества r/NutritionHealth/, r/HealthyFood/, r/GutHealth/, r/EatCheapAndHealthy и др. Рассмотрим подробнее контент сообщества r/HealthyFood/. Платформа предназначена для обмена информацией и обсуждения определенных продуктов питания, которые имеют полезный для здоровья состав. Чтобы обеспечить качественный контент, в этом подразделе строго ограничены спам и реклама. Адресаты и адресанты ограничены правилами участия: привет-

ствуются научно обоснованные заявления, конструктивный диалог и обсуждение, под запретом находятся антагонизм, разного рода враждебность, троллинг и т. п. Нет никакого указания на социальный или профессиональный статус участников, любой может стать адресантом.

Характер коммуникации в рамках данного сообщества очень похож на общение в интернет-блоге: информировать других о себе, получить ответ на вопрос, обменяться информацией, найти союзников по общению, получить одобрение, выразить чувства.

Если говорить о медийных характеристиках, контент имеет политекстовую природу, но характеризуется «частичной креолизацией» [24] (иллюстративный компонент – фото блюда, является дополнительным и не несет особой смысловой нагрузки), обладает внутренней и внешней гипертекстуальностью, общение асинхронно, происходит в формате межличностном и групповом, коммуниканты общаются анонимно, неэксплицированы.

Структурно контент организован в виде ленты новостей/постов, каждая новость/пост представляет собой «ленту записей» [24]: вопрос/заявление пользователя и комментарии/ответы на вопрос. Новость/пост и комментарии к ней составляют семантическое единство.

В плане стилистико-языкового выражения данному контенту в большей степени, чем проявляется в сообществе r/science, свойственны особенности интернет-опосредованной коммуникации, такие как редуцирование букв, фонетическая ориентация написания, передача громкости заглавными буквами, эмодиконы, ненормативная пунктуация на фонетико-графическом уровне, сокращения и акронимы на лексическом уровне, нарушение нормативного порядка слов, односоставные, вопросительные предложения на грамматическом уровне и прочее, например:

– *Omg I make a very similar version with broccolini! Delicious if you add a little pork sausage as well :).*

– *Outstanding, both delicious and very good for you. :).*

– *So true! Can't go wrong with salmon. It's a forgiving fish :).*

– *Looks delish!! Yummy.*

– *Lots of carbs but looks like it'd be a good pre-workout meal. Well done.*

Следует отметить, что аналогичными особенностями характеризуется также контент, представленный в сообществах из категории «Обсуждение проблем со здоровьем». Текстам, представленным на данной платформе, свойственна большая экспрессивность, которая выражается на фонетико-графическом и лексическом уровнях. Это проявляется в большей степени, когда, по мнению пользователей, в том или ином виде ущемляются их права как пациентов. Далее представлены некоторые примеры обсуждения проблем в связи с информацией о заболеваемости Covid:

– *It's insane that the working assumption by the folks in charge seems to be that recommendations/warnings like this will just be how things are now.*

– *Nobody's in charge by design.*

– *I just got over it. My doctor gave me some antivirals as i got to him pretty quick. The worst for me was the extreme lethargy and night sweats.*

– *4 years, all the shots and boosters. Still got it. Like you my test lit up as positive in under a minute.*

– *I know so many first timers that got this variant including myself :).*

– *Felt like I was at death's door this morning, but pretty good right now.*

Subreddits для профессионалов: профессиональные сообщества. Данная группа представлена самым разнообразным контентом, но, как задано правилами, участник, по крайней мере с одной стороны, является медицинским специалистом: он должен представить подтверждение своего профессионального статуса. Так, например, в группе сообщества *r/publichealth/* публикуется информация по вопросам общественного здравоохранения. В краткой характеристике группы сказано: «Участники – исследователи, практики и преподаватели общественного здравоохранения, которые работают с сообществами и населением. Мы выявляем причины болезней и инвалидизации и реализуем масштабные решения». Из этого описания можно понять, что целью пользователей данной группы является распространение медицинской информации, повышение медицинской грамотности, осведомленности о проблемах здравоохранения среди широких масс населения. Адресантом может быть любой пользователь, адресат – как правило, человек, который владеет специальной информацией, достаточно компетентный, чтобы дать ответ на профессиональный вопрос. Таким образом, на первый план коммуникации в данном сообществе выходят информирующая и констатирующая функции.

Медийные параметры. Посты в данной группе представляют собой вербальные тексты, маркированные как «совет», «дискуссия», «карьерное развитие», «научные исследования», здесь проявляется «нулевая креолизация». Асинхронность, интерактивность, гипертекстуальность, межличностный и групповой формат общения – все эти характеристики свойственны коммуникации в рамках данного сообщества. Если же говорить об эксплицитности коммуникантов, то она выражена частично: по содержанию комментариев можно понять профессиональную принадлежность коммуникантов; кроме того, в некоторых случаях статус указан в профиле участников, например:

– *I'm an assistant professor and I don't feel like I would be helpful at all if a student asked me for job opportunities.*

– *I did before graduation but I think it depends on your relationship and their experience. If they spent their whole career in academia, they may not be as helpful.*

– *In my experience, my undergrad professors have had a lot of job advice in the form of "don't do this" but nothing much other than that.*

Структурно-семантические параметры данного контента не отличаются от всех, представленных ранее: структурно записи в ленте организованы по хронологическому принципу, контент ленты является, в принципе, политематическим и определяется интересами пользователей; каждый пост и комментарии к нему представляют собой семантическое единство, «целостно-завершенную тематическую прогрессию» [24].

В аспекте стилистико-языковых параметров текстам данного контента также свойственны эмоциональность, конкретность, экономичность, связность, устно-письменная гибридность и тому подобные характеристики, о которых говорят многие исследователи интернет-опосредованной коммуникации и которые достигаются разнообразными языковыми средствами на всех языковых уровнях. Некоторые примеры представлены далее:

– *Yeah I have the double whammy of covid restrictions and professors that don't respond to emails. I have been extremely disappointed in my schools help post and near graduation regarding career assistance.*

– *same.. i agree even with what im seeing now like.... its so frustrating and a let-down. And even then, it seems that they just assume that you want to work in federal government, which is not true even for me.*

– *Like what kind of help are you looking for?*

– *For referrals and asking if they know any jobs. I worked with two of em.. one is with CBPR, the other is with sickle cell disease. one is a practicum im doing now, the other was an assistantship.*

Указанные параметры репрезентации контента свойственны всем профессиональным сообществам за некоторым исключением, например, в сообществе г/Radiology контент характеризуется «полной креолизацией», которая становится не просто «облигаторным элементом текста» [24], а превалирует над вербальным контентом.

Заключение. Таким образом, медицинский контент сетевого дискурса имеет следующие особенности репрезентации:

1. Медицинская информация ориентирована на две основные популяционные группы – работники здравоохранения и непрофессионалы, проявляющие интерес к вопросам, связанным с медицинской сферой, и организована по прагматическому и тематическому принципам.

2. В прагматическом аспекте основные функции репрезентации медицинской информации, которые мы наблюдали в текстах корпуса исследования, – информирующая, констатирующая, фатическая, экспрессивная. Коммуникация характеризуется анонимностью, но в некоторых сообществах участники частично эксплицитно заявляют о своей профессиональной принадлежности, что, очевидно, должно повышать степень доверия к мнению и информации, которые они высказывают.

3. Контент корпуса исследования представляет собой вербальные тексты с разной степенью креолизации: нулевой, частичной, полной. Им свойственны все особенности устно-письменного языка интернет-опосредованной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамова А. Г. Лингвистические особенности электронного общения (на материале французского, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2005.
2. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / РостГУ. Ростов-н/Д, 2004.
3. Stebletsova A. O., Torubarova I. I., Linaker T. The language of health promotion in British and Russian digital media: a comparative study // Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics. 2023. Vol. 22, no. 5. P. 72–88. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.5.
4. Гирко В. А., Стеблецова А. О. Дискурс медицинской профилактики в современном медиaprостранстве (на материале текстов Национальной службы здравоохранения Великобритании) // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21, № 6. С. 44–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V141.
5. Стеблецова А. О., Стернин И. А. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 794–809. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).794-809.
6. Бушев А. Б. Цифровой дискурс: прагматика, риторика, стилистика // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология / Н. О. Золотова, В. В. Волков, С. А. Чугунова и др. Тверь: ТвГУ, 2023. С. 125–141.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.

8. Карасик В. И. Типы воздействия в сетевом дискурсе // Язык – речь – текст в интернет-коммуникации: сб. ст. Всерос. науч. вебинара с междунар. уч., Н. Новгород, 21 апреля 2023 г. / НижегородГУ. Н. Новгород, 2023. С. 49–55.
9. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: ВГПУ: Перемена, 2009.
10. Пивоварчик Т. А. Репрезентация коммуникативных табу в сетевом медицинском дискурсе // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7, № 4. С. 18–22.
11. Прокофьева А. В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика. 2017. № 5. С. 85–96. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-85-96.
12. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / КубГУ. Краснодар, 2004.
13. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. No. 4. P. 1–37.
14. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2009.
15. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
16. Щипицина Л. Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 171–178.
17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
18. Климова М. В., Турко У. И., Абреимова Г. Н. О значении слова контент в языковом сознании молодежи // Научный диалог. 2021. № 7. С. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-91-107>.
19. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашовой. Т. 2: Клиент-банк – Паркетный. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
20. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
21. Reddit. URL: [reddit.com](https://www.reddit.com) (дата обращения: 20.01.2024).
22. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 34–43.
23. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Поморский гос. ун-т. Воронеж, 2011.
24. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4 (20). С. 125–131.
25. Торубарова И. И., Стеблецова А. О. Научный медицинский текст в академическом дискурсе. Воронеж: Научная книга, 2022.

Информация об авторе.

Торубарова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук (2021), доцент кафедры иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, Студенческая ул., д. 10, Воронеж, 394036, Россия. Автор 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: теоретическая, сравнительная и прикладная лингвистика, перевод и переводоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.02.2024; принята после рецензирования 25.03.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.*

REFERENCES

1. Avramova, A.G. (2005), "Linguistic features of electronic communication (corpus materials in French, English and Russian)", Can. Sci. (Philology) Thesis, MSU, Moscow, RUS.
2. Bondarenko, S.V. (2004), "Social structure of virtual network communities", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, RostSU, Rostov-on-Don, RUS.
3. Stebletsova, A.O., Torubarova, I.I. and Linaker, T. (2023), "The language of health promotion in British and Russian digital media: a comparative study", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 22, no. 5, pp. 72–88. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.5.5.
4. Girko, V.A. and Stebletsova, A.O. (2021), "Health Promotion Discourse in Modern Media (Based on the Texts of the National Health Service, United Kingdom)", *Vestnik of Northern (Arctic) Federal Univ. Ser. Humanitarian and Social Sciences*, vol. 21, no. 6, pp. 44–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V141.
5. Stebletsova, A.O. and Sternin, I.A. (2019), "Interdiscourse of media texts on preventive medicine", *Communication Studies (Russia)*, vol. 6, no. 3, pp. 794–809. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).794-809.
6. Bushev, A.B. (2023), "Digital discourse: pragmatics, rhetoric, stylistics", *Chelovek – yazyk – diskurs: antropotsentricheskaya lingvistika i lingvisticheskaya antropologiya* [language - discourse: anthropocentric linguistics and linguistic anthropology: collective monograph], Zolotova, N.O., Volkov, V.V., Chugunova, S.A. et al., TSU, Tver, RUS, pp. 125–141.
7. Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G. (2021), "Modern discourse developmental trends", *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1, pp. 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
8. Karasik, V.I. (2023), "Types of influence in network discourse", *Yazyk - rech' - tekst v internet-kommunikatsii* [Language - speech - text in Internet communication], N. Novgorod, RUS, April 21, 2023, pp. 49–55.
9. Lutovinova, O.V. (2009), *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse], VGPU, Peremena, Volgograd, RUS.
10. Pivovarchik, T.A. (2022), "Representation of communicative taboos in online medical discourse", *The j. of Philological Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 18–22.
11. Prokofieva, A.V. (2017), "The present stage of development and language structural organisation of the internet discourse", *Bulletin MSRU. Ser. Linguistics*, no. 5, pp. 85–96. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-85-96.
12. Kondrashov, P.E. (2004), "Computer discourse: sociolinguistic aspect", Can. Sci. (Philology) Thesis, KubSU, Krasnodar, RUS.
13. Herring, S.C. (2007), "A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse", *Language@Internet*, no. 4, pp. 1–37.
14. Shchipitsina, L.Yu. (2009), *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication], Pomorskii un-t, Arkhangel'sk, RUS.
15. Goroshko E.I. and Poljakova, T.L. (2015), "The construction of genre typology of the social media", *Speech Genres*, no. 2 (12), pp. 119–127.
16. Shchipitsina, L.Yu. (2009), "Functional classification of computer-mediated genres", *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, no. 114, pp. 171–178.
17. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998), *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large dictionary of the Russian language], Norint, SPb., RUS.
18. Klimova, M.V., Turko, U.I., Abreimova, G.N. (2021), "Meaning of Word 'Content' in Linguistic Consciousness of Young People", *Nauchnyi dialog*, no. 7, pp. 91–107. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-91-107>.
19. Butseva, T.N. and Levashova, E.A. (eds.) (2014), *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [New words and meanings: dictionary-reference book on press and literature materials of the 90s of the XX century], in 3 vol., vol. 2, *Klient-bank – Parketnyi*, Dmitrii Bulanin, SPb., RUS.

20. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] (1999), in 4 vol., vol. 2. K–O, in Evgen'eva, A.P. (ed.), Poligrafresursy, Rus. yaz., Moscow, RUS.
21. *Reddit*, available at: reddit.com (accessed 20.01.2024).
22. Dementyev, V.V. (1997), "Phatic and informative communicative plans and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres", *Speech Genres*, iss. 1, pp. 34–43.
23. Shchipitsina, L.Yu. (2011), "Complex linguistic characteristics of computer-mediated communication (based on the material of the German language)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Pomorskii gos. un-t, Voronezh, RUS.
24. Bazhenova, E.A., Ivanova, I.A. (2012), "Blog as an Internet genre", *Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 4 (20), pp. 125–131.
25. Torubarova, I.I. and Stebletsova, A.O. (2022), *Nauchnyi meditsinskii tekst v akademicheskome diskurse* [Scientific medical text in academic discourse], Nauchnaya kniga, Voronezh, RUS.

Information about the author.

Irina I. Torubarova – Can. Sci. (Philology, 2021), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, 10 Studencheskaya str., Voronezh 394036, Russia. The author of 65 scientific publications. Area of expertise: theoretical, comparative and applied linguistics, translation studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.02.2024; adopted after review 25.03.2024; published online 24.06.2024.*

Original paper

УДК 811'111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-112-121>

Perception of Iconic Russian Elements by English Speakers: Experimental Data

Marina V. Veselova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
mveselove@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1330-1526>*

Introduction. In recent years, the anthropocentric scientific paradigm has been actively developing and the experimental method of research in linguistics is becoming increasingly popular and relevant. This article is devoted to the experiment of studying the process of perception iconic lexis of the unfamiliar language. Scientific novelty of this study is determined both by the selected material and methods of presenting this material for consideration.

Methodology and sources. The basis for the experiment was a survey for native English speakers who did not know the language of the target stimuli (Russian). To conduct the experiment, a corpus of verbs of motion was used (546 verbs, 2273 word usages). The corpus was selected from 12 novels of English literature of the 20-21st centuries, as well as contextual translations of these verbs into Russian. During the study, a group of respondents (106 people) of both genders, various social and age groups were offered 20 English contextual uses of phonetically motivated verbs of motion, which were pre-selected from the above-mentioned corpus of verbs. In each sentence, a verb of motion was highlighted, and also a sound recording of two Russian verbs was presented, which was a translation of the highlighted English verb and its synonym. The total number of responses was 2120.

Results and discussion. Participants of the experiment were asked to choose one of two Russian words that corresponded to the highlighted English word in the best way. Respondents chose with great confidence 4 iconic verbs of motion out of 15 pairs of synonyms in which only one verb is phonetically motivated. In 3 cases, respondents more often preferred the non-iconic word. The remaining pairs of synonyms were divided approximately equally. The more developed syntax of the Russian language compared to English, which sometimes obscured the sound motivated basis of the word could be a possible reason for this.

Conclusion. The results of the experiment show that the perception of phonetically motivated units of an unfamiliar language depends on many factors. Thus, native English speakers who do not speak Russian or who speak it at a minimal level do not perceive Russian iconic vocabulary in all cases. Simultaneously, statistically significant differences in the perception by people of different age groups and gender were not revealed during the experiment.

Keywords: experiment, phonosemantics, verbs of motion, iconicity, onomatopoeia, sound symbolism

For citation: Veselova, M.V. (2024), "Perception of Iconic Russian Elements by English Speakers: Experimental Data", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 112–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-112-121.

© Veselova M. V., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Восприятие русской иконической лексики англоговорящими: экспериментальные данные

Марина Владиславовна Веселова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
mveselove@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1330-1526>*

Введение. В современной лингвистике наблюдается последовательный переход от системно-структурной научной парадигмы к антропоцентристской. В результате этого экспериментальный метод исследования становится все более популярным и актуальным. Данная статья описывает перцептивный эксперимент, посвященный изучению восприятия иконической лексики незнакомого языка. Научная новизна настоящего исследования определяется полнотой отобранного для эксперимента материала, а также способами представления его респондентам.

Методология и источники. Основой для эксперимента стал опрос носителей английского языка, не владевших языком целевых стимулов (русским). Для проведения эксперимента был использован корпус глаголов движения (546 глаголов, 2273 словоупотребления), отобранный из 12 романов английской литературы XX–XXI вв., а также примеры контекстуального перевода этих глаголов на русский язык. В ходе эксперимента группе респондентов (106 чел.) обоих полов, различных социальных и возрастных групп были предложены 20 контекстуальных словоупотреблений фонетически мотивированных глаголов движения, отобранных из вышеназванного корпуса глаголов. В каждом предложении был выделен глагол движения, а также представлена звукозапись двух русских глаголов, представляющих собой перевод выделенного английского глагола и его синоним. Общее количество ответов составило 2120.

Результаты и обсуждение. Участникам эксперимента предлагалось выбрать один из двух предложенных русских глаголов, который наилучшим образом соответствовал бы выделенному английскому слову по звучанию. Респонденты с большой уверенностью выбрали 4 иконических глагола движения из 15 пар синонимов, в которых только один глагол обладал иконическим характером. В трех случаях респонденты чаще отдавали предпочтение неиконическому слову. Остальные пары синонимов разделились примерно поровну. Возможной причиной этого мог стать более развитый синтаксис русского языка, который иногда затемняет исходную мотивировку слова.

Закключение. Результаты эксперимента показывают, что восприятие фонетически мотивированных единиц незнакомого языка зависит от многих факторов. Так, носители английского языка, не владеющие русским или владеющие им на минимальном уровне, не во всех случаях воспринимают русскую иконическую лексику. В ходе эксперимента не было выявлено статистически значимых различий в восприятии людьми разных возрастных групп и пола.

Ключевые слова: эксперимент, фоносемантика, глаголы движения, иконичность, звукоподражание, звуковой символизм

Для цитирования: Веселова М. В. Восприятие русской иконической лексики англоговорящими: экспериментальные данные // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 112–121. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-112-121.

Introduction. The history of conducting perceptual experiments in the field of studying onomatopoeia and sound symbolism goes back about 100 years [1, p. 26].

Early experimental research in this area mixed linguistic and non-linguistic environments. Experiments, being the empirical basis of scientific theory [2, p. 191], were carried out for different purposes, on different materials, and only a small number of them were carried out to study the perception and evaluation of linguistic units in contextual use. The thesis about the unity of the theoretical and empirical levels of knowledge is the philosophical basis for the use of experimental methods in linguistics [3, p. 415]. Research methods varied, including not only simple comparison or translation, but also strictly standardized numerical methods [4, p. 83]. Different types of material were used: individual speech sounds, graphemes [5, p. 51], pseudowords [6, p. 72; 7, p. 36], non-linguistic vocalizations [8, p. 4], vocabulary of existing natural languages [4, p. 118] and Invented Languages [9]. Participants in these experiments were asked to depict meaning using pictures, colors, abstract figures, descriptions and words in the subjects' native or foreign language. As a rule, none of these factors are common in natural language communication among people.

This experiment is a continuation of studying phonetically motivated verbs of motion in the English language [10, 11]. During this widescale study, from 12 novels of modern English-language literature, 546 verbs of motion were selected (2273 contextual word usages), as well as their translations into Russian, carried out by professional translators. After a close linguistic and phonosemantic analysis of the selected verbs of motion and their contextual translations, it was decided to conduct two counter experiments. The purpose of these 2 experiments was studying the role of sound motivated vocabulary in the perception of the unfamiliar language. So, from the resulting corpus, were selected 20 sentences in English, as well as their translation into Russian. The first experiment was specifically designed for native Russian speakers who do not speak English or speak it at an elementary level [12, p. 110]. The conducted perceptual experiment confirms the existence of a strong correlation between the signifier and the dignified. Russian-speaking respondents, when choosing a verb out of 15 word usages in which only one verb is phonetically motivated, with great confidence (a few times more than 80 % of respondents) chose 10 iconic verbs of motion [12, p. 113].

After the first experiment, a counter experiment was conducted on the same material, for native English speakers who do not speak Russian. The second experiment pursued the goal of testing the data obtained as a result the first experiment on the opposite pair of native/host languages (L1/L2) and find out how native English speakers perceive Russian iconic vocabulary.

To summarize the above, it is worth noting that the scientific novelty of the study consists in the substantiation of the phenomenon of phonetically motivated vocabulary (onomatopoeia and sound symbolism), as well as in the originality of solving problems, designing an experiment, and is determined not only by the methods of presenting material for consideration during the experiment, but also by the selection of this material.

Methodology and sources. Here we should discuss the issue of methodology for compiling perceptual phonosemantic experiments in general. After examining a number of similar experimental studies, it was found that when such experiments were conducting, respondents were usually presented with individual words. In the present study, it was decided to use contextual usages for the following reasons:

1) According to researchers, the most natural environment for experimental phonosemantic research is a minimal text in the respondents' mother tongue. Results of experiment [13] conducted

by Shamina in 2019 in a similar way clearly indicate the cognitive potential of iconic vocabulary. Such form of the experiment helps to avoid the influence of visual and non-linguistic acoustic factors on the result. This makes the evidence of involuntary correlation between the sound form and the meaning of the word more reliable from a linguistic point of view [13, p. 194].

2) Synonymy and polysemy of the word. Each word has different shades of meaning, so in order to correctly perceive the exact meaning, it is necessary to consider the context.

In matters of translation synonymy becomes a particularly substantial factor, especially if one of the original synonyms is onomatopoeic or sound-symbolic, and thereby creates a certain unique image, affecting the reader. When translating, it is necessary to select a suitable synonym that conveys not only the root meaning of the word, but also to show original image created by the author.

3) For clear, full and appropriate translation, it is also significant to take into account the contextual environment of the word. The real challenge for the translator is to convey by L2-means the general meaning of the statement and the entire text, to recreate a complete idea and author's intent, and not just translate a single word. According to researchers, the translation unit should be considered a phrase, a sentence, and even a full text, but not a single word [14, p. 29; 15]. At the same time, the complex solution of translation problems and the establishment of clearer rules and patterns in translation are determined by the nature of the text [15, p. 155].

Based on the above, the optimal size of the context presented to the participants in the experiment, convenient for reading on the one hand and conveying the semantics of the verb of motion on the other, is a sentence. At the same time, some of the sentences selected from the original texts were too long; for the convenience of the respondents, a decision was made to shorten them. For example, (1) "I'm just writing down Sacrum Asset Management Pension Fund Launch in capitals at the top of the page, when a middle-aged man I've never seen before plonks himself down next to me" [16, p. 107] was shortened to "A man plonks himself down next to me." It should be noted, however, that this reduction did not affect the general meaning of the fragment and the definition of the semantics of the verb of motion *to plonk*.

Iconic units of different phonosemantic classes were selected for the experiment. Thus, sound symbolisms are represented by intrakinesemisms that describe movements that accompany processes occurring inside the body: swallowing, chewing, rumbling. For example, the verb *to jab* denotes a short movement, the verb *to lug* conveys a long movement, the verb *to sneak* is a smooth movement, the verb *to mesh* is compression. The result should be considered the selection of a representative sample of verbs that convey different types of motion.

A wide range of sound imitative units has also been identified. Onomatopoeia in the experiment is represented by verbs of motion that are sound imitative in origin, such as: instants *to plonk*, *to padlle*, frequentatives *to scribble*, *to scrabble*, continuants *to zoom*, *to whizz*, etc.

The phonetically motivated English verbs of motion in a context were selected in this way. Then were found professional translated Russian verbs in a context and were chosen their iconic synonyms. Consider the translation of the above example (1). The translator used the verb *подсаживается*: «Ко мне подсаживается мужчина» [17, p. 121], and as a sound imitative synonym *плюхается* was selected. The word *плюхается* is not only onomatopoeic, but also begins with the same letters /pl/, thus conveying the sound image of the original.

Description of the experiment. The survey of respondents was carried out on the Google Forms platform, where for the purposes of the experiment the questionnaire was compiled in English, which was subsequently offered to the participants to fill out. During the study, a group of respondents of both genders, different social and age groups were offered 20 contextual uses of verbs of motion in English. The survey was conducted among native English speakers who do not speak Russian or speak it at a minimal level.

The first part of the survey contained questions about the personal characteristics of respondents such as gender, age, native language, level of English proficiency, and knowledge of foreign languages. 106 native English speakers took part in the experiment. Participants' answers to questions about personal data are compiled in a table, with each participant assigned a serial number.

After completing the personal data, respondents were asked to:

- 1) read the sentence;
- 2) listen to a recording of 2 foreign words;
- 3) choose the one that sounds more suitable instead of the English word highlighted in large font;
- 4) mark the number of the corresponding sound.

Audio recordings of Russian words were made by a professional phonetician.

Contextual uses of verbs of motion in the form of text and an audio recording of two Russian words are proposed for analysis. Respondents were offered for selection a Russian verb, its sound-motivated synonym, and the opportunity to express their own thoughts.

Example question:

I was PADDLING around with no aim [16, p. 113].

Words suggested for translation in the audio recording: *монталась, ходила*.

Answer options for selection, based on the "1 from the list" principle:

- Option 1.
- Option 2.
- Other _____.

To obtain the most accurate answers and to avoid developing an algorithm when answering questions, the proposed options 1 and 2 (iconic and non-iconic words in the questionnaires were arranged in random order. To determine the results of the experiment, a table was compiled in which the answers to the questions of the participants were recorded.

Results and discussion. The English-speaking group (106 people) made a choice between iconic and non-iconic Russian verbs in 15 pairs out of the proposed 20. Another 5 pairs were control ones: in three pairs both verbs in them were non-iconic, and in two pairs both verbs were iconic.

For each respondent, the percentage of choice of iconic verbs in pairs where only one verb is iconic was calculated using the formula: – choice of iconic verbs/total number of answers in pairs where only one verb is iconic, x100.

For each respondent, the percentage of choice of iconic verbs in pairs where only one verb is iconic was calculated using the formula: – choice of iconic verbs/total number of answers x100.

Next, a comparison of the average values was made between:

- men and women (table 1);
- people of different age groups (table 2);
- people with different levels of Russian language proficiency (table 3).

Table 1. Selection of iconic Russian verbs by English-speaking men and women (percentage of the total number of answers)

Gender	Number (persons)	Average, %	Std. deviation, %
Women	39	51,44	12,46
Men	67	47,11	11,63

There were no statistically significant differences between men and women in the frequency of choosing iconic verbs (T-Student test: $t = 1.770$; $st.st. = 75.221$; $p = 0.081$).

Table 2. Choice of iconic Russian verbs by English-speaking people of different age groups

Age	Number (persons)	Average, %	Std. deviation, %
Up to 20 years	16	47,27	10,70
20–40 years	67	48,51	11,82
40–60 years	12	51,04	13,55
Over 60 years	11	49,43	14,91

There were no statistically significant differences between people of different age groups in the frequency of choosing iconic verbs (ANOVA; $F = 0.240$; $p = 0.868$).

Table 3. Choice of iconic Russian verbs by English-speaking people with different levels of Russian language proficiency (percentage of the total number of answers)

Level of English Russian proficiency	Number (persons)	Average, %	Std. deviation, %
0-level	91	48,49	12,09
Beginner	10	48,75	11,71
Intermediate/Advanced	5	52,50	14,39

There were no statistically significant differences between people with different levels of Russian language proficiency in the frequency of choosing iconic verbs (ANOVA; $F = 0.258$; $p = 0.773$).

Table 4 provides information on the frequency of choice of iconic and non-iconic Russian verbs by native English speakers. The first in each pair is the iconic verb (shown in bold italics). For each pair, the distribution was compared with a uniform distribution using the binomial test. The statistical significance of the difference between the distribution obtained in the experiment and the uniform one is also presented in the table.

Table 4. Frequency of choice of iconic and non-iconic Russian verbs by native English speakers

Sentence	Translation	Number (persons)	%	Statistically significant difference
1	Топталась	70	66,04	0,001
	Ходила	36	33,96	
2	Шастать	43	40,57	0,064
	Пробираться	63	59,43	
3	Швыряю	45	42,45	0,145
	Опускаю	61	57,55	
4	Набросилась	44	41,51	0,098
	Напала	62	58,49	

End of Table 4

Sentence	Translation	Number (persons)	%	Statistically significant difference
6	<i>Хватаю</i>	50	47,17	0,627
	Роюсь	56	52,83	
7	<i>Плюхается</i>	62	58,49	0,098
	Подсаживается	44	41,51	
8	<i>Просвистел</i>	50	47,17	0,627
	Взлетел	56	52,83	
9	<i>Скользнула</i>	49	46,23	0,497
	Иду	57	53,77	
10	<i>Ползет</i>	51	48,11	0,771
	Пробегает	55	51,89	
11	<i>Мчимся</i>	40	37,74	0,015
	Едем	66	62,26	
12	<i>Тыкаю</i>	33	31,13	0,001
	Нажимаю	73	68,87	
14	<i>Корябает</i>	72	67,92	0,000
	Пишет	34	32,08	
16	<i>Улизнуть</i>	48	45,28	0,382
	Уйти	58	54,72	
17	<i>Перетащить</i>	64	60,38	0,041
	Волочить	42	39,62	
19	<i>Зажимая</i>	66	62,26	0,015
	Соединяя	40	37,74	

Table 4 shows that the distribution of answers is statistically significantly different from uniform for 7 pairs of verbs out of 15. Moreover, in three pairs, respondents statistically significantly more often preferred the non-iconic verb. More frequent choice of the iconic verb is observed only in four pairs:

– In the pair of Russian verbs “топталась”/“ходила” respondents more often (in 66,04 % cases) choose the onomatopoeic verb “топталась”. The word “топталась” contains Russian sounds /p/, /t/, /l/ similar to the English word paddle, with sounds /p/, /d/, /l/.

– In the pair of Russian verbs “корябает”/“пишет” respondents more often (in 67,92 % cases) choose the sound symbolism “корябает”. Probably, the word “корябает” resembles the English scribble in sound design.

– In the pair of Russian verbs “перетащить”/“волочить” respondents more often (in 60,38 % cases) choose the onomatopoeic verb “перетащить”. The word “перетащить” contains sound /ɣ:/ which is not typical for English.

– In the pair of Russian verbs “зажимая”/“соединяя” respondents more often (in 62,26 % cases) choose the onomatopoeic “зажимая”. This word contains not typical for English sound /ʒ/.

So, a possible reason for the frequency of last two choices may be that both words contain untypical sounds. Perhaps, sounds which are not included in the articulatory base of the mother tongue (English) more often attracted the attention of respondents.

Table 5 provides information on the frequency of choice of Russian verbs by native English speakers in “control pairs” (neither verb is iconic or both are iconic). For each pair, the distribution was compared with a uniform distribution using the binomial test. The statistical significance of the difference between the distribution obtained in the experiment and the uniform one is also presented in the table.

Table 5. Frequency of choice of Russian verbs by native English speakers in pairs where both verbs are or are not iconic

Sentence	Translation	Number (persons)	%	Statistically significant difference
5	Шла	61	58,65	0,095
	Неслась	43	41,35	
13	Прилетели	60	57,14	0,172
	Вынырнули	45	42,86	
15	<i>Заглотил</i>	51	48,11	0,771
	<i>Сожёрал</i>	55	51,89	
18	<i>Проскакивает</i>	39	36,79	0,008
	<i>Скачет</i>	67	63,21	
20	Ходить	62	58,49	0,098
	Расхаживать	44	41,51	

Table 5 shows that the frequency of choice of verbs in “control” pairs is not statistically significantly different from uniform.

Among other features it should be also noted that out of 18 Russian pairs of words with different numbers of sounds, respondents more often chose the shorter word in 11 pairs of words. This may be due to the fact that English verbs of motion tend to be short.

Conclusion. The author of the article conducted a perceptual experiment to study the role of sound symbolism and onomatopoeia in the perception of an unfamiliar language. For analysis, native English-speaking respondents were offered contextual Russian word usages containing verbs of motion (106 respondents). The experiment did not reveal statistically significant differences in the perception of foreign language iconic units by people of different age groups and gender.

The distribution of the frequency of choice of iconic and non-iconic Russian verbs is statistically significantly different from uniform for 7 pairs of verbs out of 15. Moreover, in three pairs, respondents statistically significantly more often preferred the non-iconic verb. More frequent choice of the iconic verb is observed only in four pairs.

The experimental results illustrate that the role sound motivated vocabulary in unfamiliar language not the same. Thus, respondents from the first experiment [12, p. 113], Russian native speakers, who were unfamiliar with English, more often chose sound imitative word than respondents-English speakers in the second experiment. A possible reason for this is the more developed morphology of the Russian language, which often hides the onomatopoeic basis of an iconic word and sometimes significantly increases the length of the word.

To obtain more reliable quantitative indicators, it seems advisable not only to conduct this experiment on a wider body of material and a more representative sample of respondents, but also to conduct other relevant experiments that can confirm or refute the results of this experiment.

REFERENCES

1. Köhler, W. (1929), *Gestalt Psychology*, Liveright, NY, USA.
2. Shakhnarovitch, A.M. (2011), “Linguistic experiment as a method of linguistic and psycholinguistic research”, *J. of psycholinguistics*, no. 13, pp. 191–195.
3. Chernousova, A.S. (2008), “Linguistic experiment: study of the memorising process”, *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, no. 77, pp. 415–419.

4. Osgood, Ch.S., Suci, G.J, Tannenbaum, P.H. (1967), *The Measurement of Meaning*, Univ. of Illinois Press, Urbana, USA.
5. Zhuravlev, A.P. (1974), *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning], Izd-vo Leningr. un-ta, Leningrad, USSR.
6. Köhler, W. (1947), *Gestalt Psychology: an Introduction to New Concepts in Modern Psychology*, Liveright, NY, USA.
7. Gorelov, I. (2003), "The problem of the functional basis of speech in ontogenesis", *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected works on psycholinguistics], Labirint, Moscow, RUS, pp. 15–104.
8. Perlman, M.L. and Lupyan, G. (2018), "People Can Create Iconic Vocalizations to Communicate Various Meanings to Naïve Listeners", *Scientific Reports*, no. 8 (1): 2634. DOI: 10.1038/s41598-018-20961-6.
9. Davydova, V.A. (2022), "Sound-visual vocabulary in fictional languages: phonosemantic analysis", Can. Sci. (Philology) Thesis, SPbSEU, SPb., RUS.
10. Voroshnina, M.V. (2022), "Onomatopoeic verbs of motion in English literature", *Yazykovaya i diskursivnaya kreativnost' cheloveka govoryashchego: sovremennyy mir v yazykakh Rossii, Vostoka i Zapada* [Linguistic and discursive creativity of the speaker: the modern world in the languages of Russia, East and West], Vladivostok, RUS, Jan.18–22, 2022, pp. 41–42.
11. Shamina, E.A. and Voroshnina, M.V. (2022), "Iconicity Lost and Found: Verb of Motion in Literary Translation", *Iconicity in Language and Literature, 13e colloque international sur l'iconicité dans les langues et en littérature*, Sorbonne Univ., Paris, FRA, 31 mai-2 juin 2022, pp. 131–132.
12. Veselova, M.V. (2023), "Perception of Russian speakers of phonetically motivated units of English literary discourse: experimental data", *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*, no. 9, pp. 109–115. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.9.09.
13. Shamina, E.A. (2019), "The Natural Environment for the Experimental Study of Phonosemantics", *Proceedings of the 10th International Conference of Experimental Linguistics*, Lisbon, Portugal, Sept. 25–27, 2019, pp. 193–196.
14. Retsker, Ya.I. (2007), *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Translation theory and translation practice: Essays on the linguistic theory of translation], R. Valent, Moscow, RUS.
15. Fedorov, A.V. (2002), *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation], ID "Filologiya tri", Moscow, RUS.
16. Kinsella, S. (2003), *Confessions of a Shopaholic*, Dell, NY, USA.
17. Kinsella, S. (2017), *The Secret Dreamworld of a Shopaholic*, Transl. by Korchagina, A., Eksmo-Press, Moscow, RUS.

Information about the author.

Marina V. Veselova – Postgraduate, Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 15 scientific publications. Area of expertise: phonosemantics, phonostylistics, foreign language teaching methodology, theory of translation.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.02.2024; adopted after review 25.03.2024; published online 24.06.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Köhler W. Gestalt Psychology. NY: Liveright, 1929.
2. Шахнарович А. М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 191–195.
3. Черноусова А. С. Лингвистический эксперимент: изучение процесса запоминания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 415–419.

4. Osgood Ch. S., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1967.
5. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
6. Köhler, W. Gestalt Psychology: an Introduction to New Concepts in Modern Psychology. NY: Liveright, 1947.
7. Горелов И. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избранные труды по психолингвистике. М: Лабиринт, 2003. С. 15–104.
8. Perlman M. L., Lupyan G. People Can Create Iconic Vocalizations to Communicate Various Meanings to Naïve Listeners // Scientific Reports. 2018. No. 8 (1): 2634. DOI: 10.1038/s41598-018-20961-6.
9. Давыдова В. А. Звукоизобразительная лексика в вымышленных языках: фоносемантический анализ: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2022.
10. Ворошникова М. В. Звукоподражательные глаголы движения в английской литературе // Языковая и дискурсивная креативность человека говорящего: современный мир в языках России, Востока и Запада: материалы I Всеросс. конф. с междунар. уч., Владивосток, 18–22 янв. 2022 г. / ДВФУ. Владивосток, 2022. С. 41–42.
11. Shamina E. A., Voroshnina M.V. Iconicity Lost and Found: Verb of Motion in Literary Translation // Iconicity in Language and Literature, 13e colloque international sur l'iconicité dans les langues et en littérature, Paris, 31 mai – 2 juin 2022 / Sorbonne Univ. Paris, 2022. P. 131–132.
12. Веселова М. В. Восприятие носителями русского языка фонетически мотивированных единиц английского литературного дискурса: экспериментальные данные // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2023. № 9. С. 109–115. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.9.09.
13. Shamina E. A. The Natural Environment for the Experimental Study of Phonosemantics // Proc. of the 10th Int. Conf. of Experimental Linguistics, Lisbon, Sept. 25–27, 2019 / Univer. de Lisboa. Lisboa, 2019. P. 193–196.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007.
15. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: ИД «Филология три», 2002.
16. Kinsella S. Confessions of a Shopaholic. NY: Dell, 2003.
17. Кинселла С. Тайный мир Шопоголика / пер. А. Корчагиной. М.: Эксмо-Пресс, 2017.

Информация об авторе.

Веселова Марина Владиславовна – аспирантка, ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: фоносемантика, фоностилистика, методология преподавания иностранных языков, теория перевода.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.02.2024; принята после рецензирования 25.03.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-122-137>

Функционирование английского языка в образовательной, политической и культурной сферах Бельгии

Георгий Андреевич Дёмин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>*

Введение. Английский язык продолжает быть флагманом процессов глобализации, не только вытесняя другие языки из межнациональной коммуникации, но и приобретая свои особые черты в той или иной стране. Во многих европейских странах, где английский язык не является государственным или родным, его роль неуклонно возрастает. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать функционирование английского языка в Бельгии в различных сферах и попытаться определить тенденции его развития.

Методология и источники. Материалами исследования послужили статистические данные EF English Proficiency Index от 2023 г., записи выступлений премьер-министра Бельгии в ООН, сайты бельгийских университетов, а также Каннского кинофестиваля. Теоретической базой стали труды исследователей Руди Янссенса и Яна Хертохена, касающиеся языковой ситуации в Брюсселе. В работе используются методы наблюдения и анализа, а также описательный и сравнительный методы.

Результаты и обсуждение. Несмотря на наличие в Бельгии трех государственных языков, а также множества региональных языков и диалектов, английский язык используется повсеместно. Это заметно в сфере экономики, высшего образования, культуры, а также политики: некоторые крупные политические фигуры Бельгии предпочитают английский язык для своих выступлений, что может объясняться социокультурным противостоянием французского и нидерландского языков. По уровню владения английским языком Бельгия стоит на одном из лидирующих мест в мире.

Заключение. Поскольку Бельгия занимает в Европейском Союзе особое положение, английский язык, несомненно, продолжит свое распространение в сферах экономики, политики и высшего образования. В культурной и социальной сферах роль этого языка также становится все более значимой, однако он все еще далек от статуса лингва франка.

Ключевые слова: английский язык, Бельгия, языковая ситуация, языковая политика, социолингвистика, многоязычие

Для цитирования: Дёмин Г. А. Функционирование английского языка в образовательной, политической и культурной сферах Бельгии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 122–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-122-137.

© Дёмин Г. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Functioning of the English Language in the Educational, Political and Cultural Spheres of Belgium

Georgiy A. Demin

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>*

Introduction. The English language continues to spread around the world, exhibiting a globalist function. The relevance of the presented research lies in the interest that follows from this fact in the positions of this language in countries where it is not a native or a state one. Belgium, as one of the important European centers from a socio-political point of view, is also a unique case due to the linguistic situation present in the country related to the Dutch and French languages. The purpose of this work is to analyze the position of the English language in Belgium in various areas and try to determine the trends in its development in the European state.

Methodology and sources. The research materials include statistical data obtained as part of a study of the level of English language proficiency, recordings of speeches of the Prime Minister of Belgium at the UN, as well as information from the website of the Cannes Film Festival. Additionally, results of the researchers Janssens and Hertogen concerning the language situation in Belgium are addressed. This work uses methods of synthesis and analysis, observational and descriptive methods, as well as a comparative method.

Results and discussion. Belgium is one of the most advanced countries in terms of English language proficiency. Despite the existing ambiguous linguistic situation between the official languages of Belgium, English is not only able to make its way into this environment, but also has a fairly high influence. This is noticeable in the field of higher education, where, albeit with varying percentages by region, each of Belgium's most prestigious higher education institutions has programs in English. We can talk about a similar influence in the political sphere, since some major political figures in Belgium predominantly prefer English, even on those platforms where French is one of the languages of these platforms. However, the example of cinema shows that English is still poorly spread in the cultural sphere of life in Belgium.

Conclusion. Younger generations of Belgium are accelerating their learning and mastery of English, playing a role in establishing very high levels of English proficiency. The contradictions that are reflected in the sphere of culture, partly in the sphere of higher education, as well as in the falling rates of language proficiency among older generations, ultimately do not alter those factors that allow us to say about the widespread and possible increase in the role of this language in the social language environment of Belgium.

Keywords: English language, Belgium, language situation, language proficiency level, educational program, cinema

For citation: Demin, G.A. (2024), "The Functioning of the English Language in the Educational, Political and Cultural Spheres of Belgium", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 122–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-122-137 (Russia).

Введение. Языковая ситуация в Бельгии представляет собой мультиаспектное лингвистическое явление. На законодательном уровне в стране закреплено три государственных языка: нидерландский, французский и немецкий. На нидерландском языке говорят прибли-

зительно 60 % всего населения страны, около 40% – на французском языке и примерно 1 % – на немецком.

Нидерландский и французский языки имеют в Бельгии свои варианты, условно называемые бельгийским нидерландским и бельгийским французским. Эти варианты несколько отклоняются от общенидерландской и общефранцузской норм и окрашены так называемыми бельгийцизмами – единицами, функционирующими как на лексическом, так и на грамматическом уровнях. Наряду с общенидерландской нормой и бельгийским нидерландским, во Фландрии говорят на множестве диалектов, формирующих четыре группы – западно-фламандскую, восточно-фламандскую, брабантскую и лимбургскую, а также на промежуточном языке «tussentaal». В Валлонии, кроме общефранцузской нормы, бельгийского французского и в небольшой степени немецкого, достаточно используются валлонский, пикардийский, шампанский и лоренский языки (романские), а также люксембургский и рипуарский (германские).

Сегодняшняя языковая ситуация в стране определяется длительным противостоянием доминирующих нидерландского и французского языков. Со второй половины XX в. по настоящее время эта борьба распространилась на разные уровни, включая социальную и политическую жизнь страны. Даже в настоящее время, несмотря на относительное количественное равенство двух языковых групп, а также их равные политические, социальные и экономические права, ситуация остается напряженной. Некоторые видят выход из такой ситуации не в стремлении уравновесить владение нидерландским и французским языком, а в принципиальном расширении языковых компетенций бельгийцев. Возможными решениями могут быть, например, инициатива Marnix Plan, предложенная в 2013 г. и подразумевающая активное поощрение изучения языков, на которых говорят в Брюсселе (конечно, с приоритетом французского, нидерландского и английского языков, но также и с другими «родными» языками жителей столицы), или же предложение использовать английский язык в качестве *lingua franca*. У подобных решений есть как сторонники, так и ярые противники, но какими бы ни были горячими и аргументированными споры, факт остается неизменным – английский постепенно отвоевывает свои языковые права в стране. Это и неудивительно – английский язык продолжает быть флагманом процессов глобализации, не только вытесняя другие языки из межнациональной коммуникации, но и приобретая свои особые черты в той или иной стране. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать функционирование английского языка в Бельгии в различных сферах и попытаться определить тенденции его развития.

Методология и источники. Теоретической базой исследования стали труды отечественных и зарубежных исследователей, в частности Руди Янссенса и Яна Хертохена, изучающих языковую ситуацию в Брюссельском столичном регионе, в котором английский язык функционирует наиболее масштабно. Методология работы основана на методах наблюдения и анализа, также задействованы описательный и сравнительный методы. Гипотезу работы составило предположение, что в сфере бельгийской экономики распространение английского языка априори повсеместное, а остальные сферы подлежат отдельному анализу. Действительно, международные и бельгийские компании, работающие на территории Королевства, в силу действия общеевропейского экономического регулирования предпочитают использовать в качестве рабочего языка английский. В остальных сферах распро-

страненность английского языка зависит от ряда социолингвистических факторов, в случае Бельгии весьма сложных.

Для определения масштабов распространности английского языка использовались статистические данные 2023 г., полученные в рамках EF English Proficiency Index, который основан на методе тестирования; записи выступлений премьер-министра Бельгии Александра де Кроо в ООН за 2021–2023 гг.; сайты бельгийских университетов, а также Каннского кинофестиваля. Последний источник был взят для выявления фильмов, снятых в Бельгии на английском языке и номинированных на главный приз фестиваля в период 1985–2023 гг.

Результаты и обсуждение.

Социолингвистическая ситуация в современной Бельгии. В Бельгии по языковому принципу организованы три сообщества – Фламандское сообщество, Французское сообщество и Немецкоязычное сообщество. Фламандское сообщество Бельгии объединяет всех жителей Фламандского региона и нидерландоязычных жителей Брюссельского столичного региона. Французское сообщество объединяет франкоязычных жителей Валлонского и Брюссельского столичного регионов. Немецкоязычное сообщество объединяет немецкоязычных жителей Валлонского региона. В каждом сообществе есть свое правительство. Правительства Фламандского региона и Фламандского сообщества объединились в 1980 г. Остальные правительства самостоятельны. Таким образом, Бельгия управляется шестью Парламентами.

Языковые сообщества в немалой степени определяют языковую политику, в том числе в сфере образования. Согласно законодательству Фламандского сообщества дети должны изучать второй язык (французский) с пятого класса во Фламандском регионе и с третьего класса в Брюссельском столичном регионе. По законодательству Французского сообщества изучение второго языка является обязательным с пятого класса в Валлонском регионе и с третьего – в Брюссельском столичном регионе. Второй язык не обязательно нидерландский, вместо него можно выбрать английский или немецкий. В последние годы валлонские школьники отдают предпочтение английскому языку, нидерландским языком владеют слабо, и с 2027 г. этот язык по решению Правительства Французского сообщества станет обязательным. Некоторые детские сады и начальные школы также участвуют в иммерсивных образовательных программах – уроки (в том числе по предметам, не связанным с изучением языков) проводятся на другом языке. Согласно законодательству Немецкоязычного сообщества, изучение второго языка (французского) начинается уже в дошкольном возрасте во время игровых занятий. В начальной школе такое обучение приобретает более систематический характер. Нередко на французском языке проводятся такие уроки, как физическое воспитание и художественное творчество. Во всех регионах с третьего класса можно факультативно изучать английский или немецкий язык.

В то же время английский язык проникает в страну, и наиболее активно – в Брюссельский столичный регион, не только по причине изучения его в школе. Помимо повсеместного глобального фактора распространения этого языка, бельгийская столица является столицей Европейского Союза и штаб-квартирой НАТО, что, в свою очередь, делает Королевство Бельгию страной, активно взаимодействующей с английским языком в исключительно важных для мирового сообщества сферах.

Кроме того, Брюссель наводнен множеством приезжих. В основном это выходцы из Марокко, Румынии, Франции, Италии, Испании, Португалии. По приблизительным подсчетам в столице 35 % приезжих; из них 20 % романоязычны и так или иначе могут использовать для общения французский язык. Остальные 15 % прибегают в общении к английскому языку (при этом лишь 5 % германоязычны). За последние 25 лет число жителей, владеющих французским языком, немного сократилось (с 95 до 87 %), а нидерландский язык (второй официальный язык Брюссельского столичного региона) сильно уступил английскому – число жителей, владеющих нидерландским языком, сократилось почти в 2 раза (с 33 до 17 %); число жителей, владеющих английским языком, не изменилось и составляет порядка 33 %. В четверку самых распространенных языков на сегодняшний день входит также арабский – им владеют чуть менее 10 % [1].

Следует отметить, что лишь 25 % жителей Брюссельского столичного региона имеют бельгийское происхождение и являются коренными бельгийцами. Если хотя бы один из родителей нынешнего гражданина Бельгии был приезжим, то этот гражданин считается небельгийского происхождения. Таких жителей в столице 40 %.

Во Фламандском и Валлонском регионах ситуация иная. По приблизительным данным, в каждом из них по 10 % мигрантов. Во Фламандском регионе 75 % жителей имеют бельгийское происхождение и 15 % – небельгийское [2]. В Валлонском регионе 70 % жителей имеют бельгийское происхождение, 20 % – небельгийское [3].

С учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций, ситуация в Королевстве Бельгия на сегодняшний день может быть охарактеризована в следующих терминах: по степени языкового и этноязыкового разнообразия – многокомпонентная многоязычная; по демографической мощности – демографически неравновесная (фламандцы чаще владеют французским языком, нежели валлоны нидерландским; немецкий язык используется в основном жителями Восточных кантонов); по коммуникативной мощности – коммуникативно-сбалансированная с уклоном в сторону французского языка (большую часть коммуникативных функций выполняют французский и нидерландский языки, однако в Брюссельском столичном регионе предпочтение зачастую отдается французскому языку); по характеру государственного регламентирования – с равным юридическим статусом образующих ситуацию языков; по степени генетической близости языков – совмещающая близкородственные и неблизкородственные языки (германские языки и диалекты соседствуют с романскими языками и диалектами).

Приблизительные цифры, относящиеся к уровню владения гражданами Бельгии вторым языком, выглядят следующим образом: нидерландский – 15 %, французский – 50 %, немецкий – 20 %, английский – 40 %. Во Фламандском и Валлонском регионах количество владеющих английским языком различно – 60 % и 20 % жителей соответственно. Причинами такого расхождения может служить следующее: Фландрия следует примеру Нидерландов, где количество граждан, уверенно владеющих английским языком, достигает 90 % (во Франции английским языком на разном уровне владеет 35 % граждан); во Фландрии не дублируют англоязычные фильмы (кроме мультипликационных), а сопровождают их субтитрами; среди фламандцев весьма популярны англоязычные музыкальные группы; нидерландский язык в гораздо большей степени родственен английскому, чем французский; фла-

мандцы более подготовлены к языковому разнообразию – многие владеют не только общенидерландской нормой или бельгийским нидерландским, но и фламандскими диалектами или так называемым промежуточным языком «tussentaal».

Согласно данным EF English Proficiency Index, крупнейшего в мире рейтинга уровня владения английским языком по 130 странам, в 2023 г. Бельгия заняла седьмое место, а ее уровень оценивается как «очень высокий» [4]. В региональном масштабе – среди европейских стран Бельгия расположилась на шестом месте из 34 стран.

Для сравнения – Нидерланды занимают первое место, Германия – на десятом, и обе страны относятся к той же группе владения языком с пометкой «очень высокий», что и Бельгия. В то же время Франция занимает сорок третье место в списке и относится к «среднему» уровню владения английским.

Рейтинг EF English Proficiency Index составляется ежегодно с 2011 г., что дает возможность оценить тенденцию развития этого языка в стране. В период с 2011 по 2021 г. общий индекс уровня владения английским в Бельгии стабильно рос, немного потеряв в значении за 2022–2023 гг. При рассмотрении тенденции по возрастному принципу можно обнаружить некоторые интересные показатели [5]. Так, несмотря на общий спад в 2022–2023 гг., уровень возрастных групп от 18 до 20 лет, от 21 до 25 лет и от 31 до 40 лет вновь вырос в 2023 г., по сравнению с 2022 г., в то время как уровень групп в возрасте от 26 до 30 лет, а также от 41 и выше плавно снижается.

EF English Proficiency Index предоставляет также возможность различить уровень владения английским языком в Бельгии по гендерному признаку. Если тенденция за последние два года повторяет общий характер рейтинга для этой страны, то уровни в период с 2014 по 2021 г. имеют более неоднородный характер. Например, в целом можно заключить, что уровень владения английским языком у женского населения Бельгии носит более флуктуационный характер, о чем свидетельствуют резкие точки спада в 2015 и 2018 гг. соответственно. Уровень владения английским языком у мужского населения прошел точку спада в 2017 г. и плавно рос до 2021 г.

Имея некоторое представление об общем масштабе распространения английского языка в Королевстве Бельгия, рассмотрим положение этого языка в образовательной, политической и культурной сферах жизни бельгийского общества.

Английский язык в сфере высшего образования. Учитывая то обстоятельство, что студенчество наиболее активно овладевает английским языком, в том числе благодаря программам академической мобильности и прогрессирующему во всем мире процессу интернационализации образования и науки, рассмотрим возможности получения высшего образования в Бельгии на английском языке. Десять лидирующих мест по состоянию на конец 2023 г. занимают следующие высшие учебные заведения:

- 1) Лёвенский католический университет (Фландрия);
- 2) Гентский университет (Фландрия);
- 3) Лувенский католический университет (Валлония и Брюссель);
- 4) Брюссельский свободный университет, франкоязычный;
- 5) Брюссельский свободный университет, нидерландоязычный;
- 6) Антверпенский университет (Фландрия);

- 7) университет Хасселта (Фландрия);
- 8) Льежский университет (Валлония);
- 9) университет Монс (Валлония);
- 10) университет Намюр (Валлония) [6].

Как видно, распределение университетов по государственным языкам довольно равномерное – фактически пять высших учебных заведений ориентированы на французский язык и пять – на нидерландский. Рассмотрим более подробно соотношение образовательных программ, предлагаемых этими университетами на разных языках.

Лёвенский католический университет предлагает 436 программ бакалавриата, магистратуры и расширенной магистратуры [7]. Из них по одной программе преподается на испанском и французском языках, 327 – на нидерландском языке, 107 – на английском. Таким образом, примерно четверть всех программ в университете преподается на английском языке.

В Гентском университете представлена 521 программа бакалавриата, магистратуры, расширенной магистратуры и аспирантуры [8]. 413 и 114 программ из этого числа ведутся на нидерландском и английском языках соответственно. На долю английского языка выпадает приблизительно одна пятая часть программ вышеуказанных типов.

Список программ бакалавриата, магистратуры и продвинутой магистратуры в Лувенском католическом университете насчитывает 43, 180 и 65 программ соответственно [9]. Основным языком обучения является французский, однако университет предлагает 32 программы на английском языке, среди которых 28 являются программами магистратуры и еще четыре – программами продвинутой магистратуры [10]. Из 288 программ университета одна девятая часть преподается на английском языке.

Франкоязычный Брюссельский свободный университет предлагает 326 программ обучения для бакалавров, магистров, а также продвинутых магистров [11]. Среди этих программ 45 – англоязычные, что составляет около одной седьмой части от общего числа программ.

Данные об образовательных программах в нидерландоязычном Брюссельском университете показывают, что из 153 программ бакалавриата, магистратуры и продвинутой магистратуры 34 преподаются на английском языке [12]. Около одной пятой всех программ в данном университете ориентированы на этот язык.

Университет Антверпена предоставляет выбор из 135 программ для бакалавров, магистров, продвинутых магистров и аспирантов [13]. Обучение осуществляется на нидерландском и английском языках, а количество образовательных программ на каждом из этих языков составляет 90 и 45 программ соответственно, следовательно, третья часть образовательных программ этого университета предоставляется на английском языке.

В университете Хасселта общее количество программ бакалавриата, магистратуры, продвинутой магистратуры и аспирантуры составляет 61 программу [14]. Образовательный процесс 9 из этих программ производится на английском языке: 5 программ для магистров, 1 программа для продвинутых магистров и 3 – для аспирантов. Шестая часть всех образовательных программ относится к английскому языку.

Льежский университет предлагает обучение в виде 42 программ бакалавриата, 143 программ магистратуры и 64 программ продвинутой магистратуры. На долю английского языка из них приходится 2, 54 и 4 программы соответственно [15]. Таким образом, можно заклю-

чить, что из 249 программ 60 предоставляются на английском языке, что составляет приблизительно четверть от общего числа образовательных программ.

В университете города Монс на выбор представлены 120 программ по уровням подготовки бакалавриата, магистратуры и продвинутой магистратуры [16]. На английском языке предлагается только 6 программ: 5 – магистратуры и 1 – расширенной магистратуры. Процент программ на английском языке является весьма низким в сравнении с остальными рассматриваемыми учебными заведениями – одна двадцатая часть образовательных программ ориентирована на английский язык.

Схожая ситуация наблюдается в университете Намюр. Количество программ подготовки на уровне бакалавриата, магистратуры и продвинутой магистратуры составляет более 70 программ [17]. В то же время количество программ, преподаваемых на английском языке, в этом учебном заведении равно 5, что образует четырнадцатую часть от общего числа образовательных программ.

По направлению подготовки программы университета Намюр отличаются известным разнообразием – молекулярная биология, химия, экономика. Разнообразие направлений англоязычных программ присутствует и в других университетах. Так, в Гентском университете предлагаются англоязычные программы по социологии, африканистике, биоинформатике, биологии, ядерной физике и многие другие. Этот факт позволяет заключить, что англоязычные программы в Бельгии охватывают самые разные области знаний: можно обучаться как гуманитарным, так и техническим специальностям.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что все наиболее престижные университеты Бельгии располагают образовательными программами, преподающимися полностью на английском языке. Более того, обнаруживается, что чем популярнее высшее учебное заведение, тем значительнее в нем количество англоязычных образовательных программ. Также анализ процентных соотношений программ на английском языке к общему числу программ в этих университетах показывает, что в высших учебных заведениях, расположенных во Фландрии, количество программ на английском выше, чем в Валлонии и Брюссельском столичном регионе.

Столь значительное количество англоязычных программ в стране объясняется, с нашей точки зрения, следующими факторами. Во-первых, открытость Бельгии для иностранных студентов, а также благосклонность к своим гражданам, желающим получить или продолжить образование в других странах, или построить карьеру за пределами Бельгии. Во-вторых, расположенность Бельгии к иностранным кадрам, которых встречают в стране не только культурной толерантностью, но и либеральной кадровой политикой. В-третьих, это пример Нидерландов, в которых количество англоязычных образовательных программ исключительно велико (в основном этому примеру следует Фландрия). В-четвертых, уже отмеченный процесс интернационализации образования и науки, все более ориентирующий на англоязычный академический дискурс.

Английский язык в бельгийской политической сфере. Как упоминалось ранее, Бельгия, вопреки своей сложной языковой ситуации, а, возможно, и благодаря ей, выступает важным европейским политическим центром, в котором находятся штаб-квартиры ЕС и НАТО. Бельгия также является страной – членом ряда других политических организаций, в том числе ООН.

Показательна языковая история нынешнего короля Бельгии Филиппа, которому в детстве пришлось перейти из франкоязычной школы в нидерландоязычную. Затем он закончил Королевскую военную академию, обучение в которой ведется на французском, нидерландском и английском языках, и продолжил образование в Англии и США. При обращении к гражданам в День независимости (21 июля) Филипп искусно чередует французский и нидерландский, а ближе к концу речи произносит несколько фраз на немецком. Разумеется, знание нескольких, особенно государственных, языков совершенно необходимо бельгийским политикам, однако используются языки не в равной мере.

В открытом доступе на сайте ООН представлены выступления за 2016–2023 гг. Три выступления от лица Бельгии, относящиеся к промежутку с 2021 по 2023 г., переводились на арабский, китайский, русский и испанский языки. Тем не менее сам выступающий – премьер-министр Александер Де Кроо, на общих прениях 76–78-й сессий Генеральной Ассамблеи ООН пользовался двумя языками – английским и французским.

Степень использования этих языков весьма различна. Так, выступление Де Кроо на 76-й сессии в общей сложности заняло 15 минут 9 секунд, из которых 1 минута 25 секунд была на французском, а остальная часть – на английском языке [18]. Схожую ситуацию можно было наблюдать на выступлении бельгийского премьер-министра на той же площадке годом позже: при длительности выступления в 16 минут 9 секунд на долю французского языка приходилось 2 минуты 18 секунд, в то время как все остальное выступление министра прошло на английском [19]. Выступление Де Кроо на 78-й сессии в сентябре 2023 г. является особо показательным, так как все 12 минут 10 секунд его речи прошли полностью на английском [20].

Таким образом, несмотря на то, что французский язык, как и английский, входит в список официальных и рабочих языков Генеральной Ассамблеи ООН, Александер Де Кроо склонен отдавать предпочтение английскому.

Присутствие штаб-квартиры Европейского Союза также накладывает отпечаток на языковую ситуацию в стране. Официальные рабочие языки ЕС напрямую связаны со странами – участницами организации, и их количество увеличивалось по мере вхождения в ЕС новых стран. Это позволяет любому жителю ЕС иметь доступ ко всем официальным документам организации, а также упрощает процедуру обращения в Европейскую Комиссию. Однако именно английский язык смог стать языком-посредником для взаимодействия носителей «редких» языков, например шведского и португальского, и, по всей видимости, таким и останется, несмотря на выход Великобритании из ЕС в 2016 г. и исключение английского из списка официальных языков организации.

Говоря о политической жизни Бельгии, следует обратить внимание не только на внешнюю политику страны, но и на внутреннюю. В 2022 г. разгорелся спор о судьбе английского языка в Бельгии между мэром одной из коммун Брюссельского столичного региона Оливье Манганом и философом, политологом и экономистом, главой Совета по многоязычию этого региона Филиппом ван Парейсом. Последний предлагает сделать английский язык третьим официальным языком Брюсселя, что подчеркнет принципиальное многоязычие столицы, а также предоставит доступ ко всей официальной информации тем, кто не владеет французским или нидерландским языком. Политик утверждает, что изначальная бинарная лингвистическая концепция для общественных и государственных институтов больше не работает и

нуждается в усовершенствовании, для чего ее следует обогатить активным использованием английского языка. При этом Оливье Манган, соглашаясь на удобство использования английского при общении с только что приехавшими эмигрантами, не владеющими еще французским или нидерландским языком, все же подчеркивает единственно возможный официальный статус только для двух последних языков, так как это часть культурного и исторического наследия страны. Мэр видит в позиции Филиппа ван Парейса «навязывание одноязычного компромисса», которое нивелирует языковое богатство Европы, на что философ отвечает, что «лингвистическое разнообразие – это проклятие, если оно не связано с многоязычием или преподаванием языков, на которых говорят другие» [21].

Филипп ван Парейс выступает со своей идеей с 2013 г. Эту идею поддержал Министр образования Фландрии Паскаль Смет, заявив, что «если Брюссель хочет стать международным городом, то ему следует объявить английский официальным языком города... Мне бы хотелось, чтобы все, кто живет в Брюсселе, говорили хотя бы на одном общем языке. И этим языком может быть английский» [22]. Идея может казаться привлекательной, но при этом трудно реализуемой, ведь система школьного образования в Бельгии, как уже отмечалось, делит школы преимущественно на нидерландоязычные и франкоязычные. При этом правительство Брюссельского столичного региона не несет ответственности за образование – любые изменения в системе зависят исключительно от одобрения Фламандского и Французского сообществ. Многие жители Брюсселя желают отдать своих детей в англоязычные школы, но в настоящее время это проблематично, поскольку эти школы немногочисленны и принимают в основном детей чиновников европейских учреждений. Возможны и другие решения, требующие, однако, значительных материальных затрат: частные американские или британские международные школы [22].

В 2008 г. в Брюсселе была создана политическая партия Pro Bruxsel со слоганом сразу на трех языках – французском, нидерландском, английском: «Ensemble. Samen. Together». Не набрав достаточного количества голосов для получения мест в Региональном парламенте, партия, однако, громко заявила о себе на выборах в 2009 г. Основными идеологическими принципами партии являются: признание Брюсселя самостоятельным регионом с национальным и международным коммерческим, социальным и культурным влиянием; обеспечение многоязычного образования для всех желающих; устранение любой дискриминации между жителями Брюсселя на основе их языка или культуры. Интересно, что несмотря на некоторые юридические сложности, партии удалось предоставить свои избирательные списки сразу на двух языках – французском и нидерландском. На своем сайте партия стремится получить поддержку от англоязычных жителей Брюсселя, желая создать независимое пространство, открытое для всех жителей города [23].

Разумеется, уникальная история Брюсселя вызывает к жизни самые разные подходы к разрешению языковой ситуации, в том числе относительно английского языка. Валлония и Фландрия в своих политических процессах заняты проблемой англификации значительно меньше.

Английский язык в бельгийской культурной среде. Бельгийская культурная среда в самом широком смысле этого слова также испытывает на себе влияние английского языка. Лингвистический ландшафт Брюсселя пестреет англоязычными вывесками – бутики, мага-

зины, рестораны, кафе, дорожные знаки, наружная реклама. «...Некоторые наши органы власти и администрация не стесняются размещать сообщения и лозунги на английском языке: Get Up Wallonia! Buy in Ciney! Welcome to Stockel Village!», – сокрушается почетный посол Филипп Жоттар и добавляет: «... В Брюсселе в рекламе культурных шоу доминирует английский язык. Плакать нам или смеяться от слогана “We art XL”? Все это жалко, неэффективно, неуместно и пренебрежительно по отношению к нашим согражданам, значительная часть которых не понимает английского языка...» [24].

Однако обеспокоенность тех, кто ратует за языковой пуризм, не может повлиять на неконтролируемые процессы распространения английского языка среди населения Бельгии. Во время Чемпионата мира по футболу в 2018 г. бельгийские болельщики скандировали «We are all Belgium», что было также написано на разных предметах их атрибутики. Бельгийская сборная по футболу из *Diablos rouges* превратилась в *Red Devils*, а бельгийский футболист Аксель Витсель заявляет, что все тренировки в сборной проходят на английском языке [25].

Среди множества культурных мероприятий в Бельгии, которые проводятся на английском, – мастер-классов, лекций, презентаций, воркшопов, особую роль играет The Bridge Theatre, открытый в Брюсселе в 2021 г. Эта некоммерческая культурная ассоциация восполняет отсутствие в столице профессионального англоязычного театра, предоставляя пространство театральным коллективам для выступлений на английском языке. Команда The Bridge Theatre не только объединяет разноязыкие труппы, используя английский как универсальный язык общения, но и привлекает внимание зрителей к местным и глобальным проблемам [26]. Театральные труппы, выступающие преимущественно на английском языке, появлялись в Брюсселе и ранее. В качестве примера можно привести коллектив Needcompany, основанный в 1986 г. фламандским авангардистом Яном Лауэрсом и актрисой Грейс Эллен Барки.

В конце 2023 г. по инициативе Фонда искусств в сотрудничестве с брюссельским туристическим агентством был опубликован гид по культурным мероприятиям в Брюсселе в 2024 г., изданный полностью на английском языке, чтобы не только туристы, но и представители множества национальностей, живущие в Брюсселе, не пропустили наиболее значимых событий, планируемых в бельгийской столице [27]. Кстати, бельгийские сайты, посвященные в том числе и общественно-культурным аспектам, издаются в большинстве своем на четырех языках – французском, нидерландском, немецком и английском.

Важно отметить, что многоязычный онлайн-словарь Glosbe, в котором английский составляет пары с огромным числом языков мира, предлагает материал автохтонных языков и диалектов Бельгии. Так, из германских вариантов обнаруживаются фламандский, люксембургский и лимбургский, а из романских – валлонский и пикардский.

Рассуждая о культурной жизни Бельгии, можно также обратиться к особенностям бельгийской киноиндустрии. В Бельгии довольно активное кинопроизводство, фильмы страны с определенной периодичностью номинируются на престижные премии, например на Каннском кинофестивале.

Бельгия в той или иной степени участвовала в производстве 35 фильмов, которые демонстрировались в основной конкурсной программе фестиваля [28]. Среди них 10 фильмов совместного производства Бельгии и Франции – на французском языке, а также 2 фильма исключительно бельгийского производства – также на французском. Еще 25 фильмов были созданы

Бельгией в сотрудничестве с рядом других стран на разных языках. При этом в списке есть 8 фильмов, где как минимум один из языков – английский. Более того, 4 фильма – исключительно на английском языке.

Фильмы, в которых английский является единственным или одним из языков диалогов, встречаются в кинематографе Бельгии нечасто. Доля картин, где английский – один из языков повествования, составляет одну четвертую часть, в то время как доля фильмов исключительно на английском языке – приблизительно одну пятую часть от общего числа картин. Как правило, оригинальная языковая дорожка фильмов, созданных только Бельгией, является французской. Французский язык в коммерческом отношении представляется более интересным, чем нидерландский.

Добавим несколько слов о бельгийской художественной литературе. В этой стране, испытывающей влияние германской и романской культур, нидерландоязычная и франкоязычная литературы должны бы находиться в тесной связи. Однако зачастую их ассоциируют с литературами Нидерландов и Франции. Литературная граница совпадает с языковой границей между Фландрией и Валлонией, проведенной в начале 60-х гг. XX в. Языковая борьба, подогреваемая политическими активистами, в течение многих десятилетий остается препятствием для чтения литературы, созданной в различных языковых и культурных сообществах Бельгии. Разумеется, во Фландрии знают Пьера Мертенса и Амели Нотомб, а в Валлонии – Хьюго Клауса и Стефана Хертманса. Однако это может быть обусловлено мировой известностью этих замечательных писателей, в том числе переводами их произведений на английский язык, а не взаимным интересом фламандцев и валлонов друг к другу. Немецкоязычная литература представлена в гораздо меньшей степени, чем франко- и нидерландоязычная, поскольку области Бельгии, в которых говорят по-немецки, занимают весьма небольшую территорию.

Заключение. Функционирование английского языка в бельгийском языковом пространстве находится под влиянием ряда особых обстоятельств. Бельгию по-прежнему терзают противоречия между двумя основными лингвокультурами – валлонами и фламандцами. Даже по уровню владения английским языком эти два сообщества разнятся. Франкоязычные жители Брюсселя и Валлонии подспудно следуют примеру французов, допуская английский язык в свою жизнь с известной умеренностью. Нидерландоязычные жители Брюсселя и Фландрии пользуются английским в гораздо большей степени. Бельгийская молодежь, впрочем, неуклонно сокращает этот разрыв, вовлекаясь в общемировые глобализационные процессы, требующие знания английского языка. Уровень владения этим языком в Бельгии, согласно мировому рейтингу, расценивается как «очень высокий». Для сферы экономики английский, по понятным причинам, исключительно выгоден, международные компании избирают его рабочим языком. В Брюсселе, где сосредоточено огромное количество общеевропейских и всемирных организаций, этот процесс особенно заметен. В сфере высшего образования английский задействован всеми лидирующими вузами, однако количество англоязычных образовательных программ в самых признанных университетах Бельгии составляет малую долю от общего числа программ. В основном бельгийские студенты обучаются на французском и нидерландском языках. В политической жизни страны также наблюдается тенденция к употреблению английского языка вместо французского и тем бо-

лее нидерландского. В культурной сфере английский уступает государственным языкам, но англификация бельгийского общества все более заметна, что проявляется в таких инициативах, как Marnix Plan или The Bridge Theatre. Кинематографисты Бельгии начали снимать англоязычные художественные фильмы.

Вероятно, в будущем английский язык будет играть еще более значительную роль в бельгийской языковой среде. Поскольку Бельгия занимает в Европейском Союзе особое положение, английский, несомненно, продолжит свое распространение в сферах экономики, политики и высшего образования. В культурной и социальной сферах роль этого языка также становится все более значимой, однако он все еще далек от статуса лингва франка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Janssens R. BRIO-taalbarometer 4: De talen van Brussel // BRIO Brussel. 2018. URL: <https://www.briobrussel.be/node/14763?language=en> (дата обращения: 11.01.2024).
2. Hertogen J. Laat Vlaanderen haar hoofdstad, Brussel, los? Geen bekommernis of herstel, blijven racisme, xenofobie, nationalisme kern 'Vlaams' beleid? // Non-Profit DATA. 2021. URL: <https://www.npdata.be/BuG/473-Brussel/> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Driekwart Brusselaars heeft buitenlandse roots // BRUZZ. 2021. URL: <https://www.bruzz.be/wetenschap/driekwart-brusselaars-heeft-buitenlandse-roots-2021-01-13> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком // EF EPI. 2023. URL: <https://www.ef.com/wwru/epi/> (дата обращения: 30.11.2023).
5. Бельгия | Уровень владения английским языком // EF EPI. 2023. URL: <https://www.ef.com/wwru/epi/regions/europe/belgium/> (дата обращения: 30.11.2023).
6. Rankings: The 10 best universities in Belgium for 2024/2025, 2024 // Study.eu. URL: <https://www.study.eu/best-universities/belgium> (дата обращения: 30.11.2023).
7. KU Leuven degree programmes // KU LEUVEN. URL: <https://www.kuleuven.be/programmes/search?Language=English&Language=Spanish&Language=Dutch&Language=French&Degree+type=Aca+demic+Bachelor%27s&Degree+type=Master%27s&Degree+type=Advanced+Master%27s> (дата обращения: 16.12.2023).
8. Study guide // Ghent Univ., 2023. URL: <https://studiekiezer.ugent.be/en/zoek?zt=&aj=2023&voMa=&voPB=&voAB=> (дата обращения: 16.12.2023).
9. International bachelor's, master's and doctoral degree students // UCLouvain. URL: <https://uclouvain.be/en/study/international-bachelor-master-doctorate.html> (дата обращения: 17.12.2023).
10. Programmes taught in English and courses in other languages in 2022–2023 // UCLouvain. URL: <https://uclouvain.be/en/study-programme/programmes-taught-in-english-and-courses-in-other-languages-2022.html> (дата обращения: 17.12.2023).
11. Faculte // Université Libre De Bruxelles. URL: https://www.ulb.be/servlet/search?q=&l=1&beanKey=beanKeyRechercheFormation&RH=1571625035978711&s=FACULTE_ASC&typeFo=BA&typeFo=MA&typeFo=MA60&typeFo=MS (дата обращения: 17.12.2023).
12. All study programmes at VUB // VUB. URL: https://www.vub.be/nl/studeren-aan-de-vub/alle-opleidingen/bachelor-en-masteropleidingen-aan-de-vub?term_education_program_type__uuid=19935105-5de0-4104-88f5-a8f6419103ba%2Cc00bff47-bac1-4c0e-add8-a6f83c0445d1%2C6b819c2c-b70b-4e2c-a153-6efa6d26cb1f&term_language_education__uuid=e4bbba05-79b6-42c8-ae7a-e9167b00d6e9 (дата обращения: 17.12.2023).
13. All programmes // Universiteit Antwerpen. URL: <https://www.uantwerpen.be/en/study/programmes/all-programmes/?s=16&lang=en&f=142%2C141%2C23%2C114%2C115%2C119> (дата обращения: 21.12.2023).
14. Programmes // UHasselt. URL: <https://www.uhasselt.be/en/study/programmes?Opleidings+types=01&Opleidingstypes=02&Opleidingstypes=03&Opleidingstypes=25&OnderwijstaalEngels=true&mode=&order=Opleidingstypes#results> (дата обращения: 21.12.2023).

15. ULiège // ULiège. URL: https://www.uliege.be/cms/c_8699436/en/uliege (дата обращения: 21.12.2023).
16. Nottre offer de formation – Université de Mons // University of Mons. URL: <https://web.umons.ac.be/en/training-offer/> (дата обращения: 21.12.2023).
17. The University study programmes // University of Namur. URL: <https://www.unamur.be/en> (дата обращения: 22.12.2023).
18. Бельгия, общие прения, 76-я сессия // ООН. 24.09.2021. URL: <https://webtv.un.org/ru/asset/k17/k176jdloda> (дата обращения: 07.01.2024).
19. Бельгия, общие прения, 77-я сессия // ООН. 23.09.2022. URL: <https://webtv.un.org/ru/asset/k18/k18mv2w4g3> (дата обращения: 04.02.2024).
20. Бельгия, общие прения, 78-я сессия // ООН. 20.09.2023. URL: <https://webtv.un.org/ru/asset/k1k/k1kvs5dbff> (дата обращения: 04.02.2024).
21. Faudrait-il instaurer l'anglais comme 3e langue officielle à Bruxelles ? // BX1. Médias In Bruxelles. 17.02.2022. URL: <https://bx1.be/categories/news/faudrait-il-instaurer-langlais-comme-3%E1%B5%89-langue-officielle-a-bruxelles/> (дата обращения: 10.02.2024).
22. Lejeune M. L'anglais devrait être une langue officielle de Bruxelles? // Euractiv. 25.10.2013. URL: <https://www.euractiv.fr/section/all/news/l-anglais-devrait-etre-une-langue-officielle-de-bruxelles/> (дата обращения: 10.02.2024).
23. Le premier parti bilingue de Belgique en butte à l'ordre établi // Euractiv. 12.05.2009. URL: <https://www.euractiv.fr/section/elections/news/le-premier-parti-bilingue-de-belgique-en-butte-a-l-ordre-etabli-fr/> (дата обращения: 10.02.2024).
24. Philippe Jottard: sauvagardons notre langue des anglicismes! // Rassemblement Wallonie France. 16.10.2021. URL: <https://www.rwf.be/?p=20949> (дата обращения: 10.02.2024).
25. Belgique. La langue anglaise peut-elle sauver le pays de la désunion? // Ouest-France. 04.07.2018. URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/belgique/belgique-la-langue-anglaise-peut-elle-sauver-le-pays-de-la-desunion-5861015> (дата обращения: 10.02.2024).
26. The Bridge Theatre // Promethea. URL: <https://www.promethea.be/fr/soutenir/les-projets-en-cours/the-bridge-theatre/> (дата обращения: 10.02.2024).
27. Le Guide Brussels 2024 // VRT. NWS. 07.01.2024. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/fr/2024/01/07/guide-culturel-brussels-2024/> (дата обращения: 10.02.2024).
28. Retrospective // Festival de Cannes. 2023. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/retrospective/#competition> (дата обращения: 06.01.2024).

Информация об авторе.

Дёмин Георгий Андреевич – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая интерференция, социолингвистика, языковые контакты.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 11.03.2024; принята после рецензирования 04.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Janssens, R. (2018), "BRIO-taalbarometer 4: De talen van Brussel", *BRIO Brussel*, available at: <https://www.briobrusseel.be/node/14763?language=en> (accessed 11.01.2024).
2. Hertogen, J. (2021), "Laat Vlaanderen haar hoofdstad, Brussel, los? Geen bekommernis of herstel, blijven racisme, xenofobie, nationalisme kern 'Vlaams' beleid?", *Non-Profit DATA*, available at: <https://www.npdata.be/BuG/473-Brussel/> (accessed 10.01.2024).

3. "Driekwart Brusselaars heeft buitenlandse roots" (2021), *BRUZZ*, available at: <https://www.bruzz.be/wetenschap/driekwart-brusselaars-heeft-buitenlandse-roots-2021-01-13> (accessed 10.01.2024).

4. "The world's largest ranking of countries and regions by English skills" (2023), *EF EPI*, available at: <https://www.ef.com/wwru/epi/> (accessed 30.11.2023).

5. "Belgium | English Proficiency Index" (2023), *EF EPI*, available at: <https://www.ef.com/wwru/epi/regions/europe/belgium/> (accessed 30.11.2023).

6. "Rankings: The 10 best universities in Belgium for 2024/2025" (2024), *Study.eu*, available at: <https://www.study.eu/best-universities/belgium> (accessed 30.11.2023).

7. "KU Leuven degree programmes", *KU LEUVEN*, available at: <https://www.kuleuven.be/programmes/search?Language=English&Language=Spanish&Language=Dutch&Language=French&Degree+type=Academic+Bachelor%27s&Degree+type=Master%27s&Degree+type=Advanced+Master%27s> (accessed 16.12.2023).

8. "Study guide" (2023), *Ghent University*, available at: <https://studiekiezer.ugent.be/en/zoek?zt=&aj=2023&voMa=&voPB=&voAB=> (accessed 16.12.2023).

9. "International bachelor's, master's and doctoral degree students", *UCLouvain*, available at: <https://uclouvain.be/en/study/international-bachelor-master-doctorate.html> (accessed 17.12.2023).

10. "Programmes taught in English and courses in other languages in 2022–2023", *UCLouvain*, available at: <https://uclouvain.be/en/study-programme/programmes-taught-in-english-and-courses-in-other-languages-2022.html> (accessed 17.12.2023).

11. "Faculte", *Université Libre De Bruxelles*, available at: https://www.ulb.be/servlet/search?q=&l=1&beanKey=beanKeyRechercheFormation&RH=1571625035978711&s=FACULTE_ASC&typeFo=BA&typeFo=MA&typeFo=MA60&typeFo=MS (accessed 17.12.2023).

12. "All study programmes at VUB", *VUB*, available at: https://www.vub.be/nl/studeren-aan-de-vub/alle-opleidingen/bachelor-en-masteropleidingen-aan-de-vub?term_education_program_type__uuid=19935105-5de0-4104-88f5-a8f6419103ba%2C00bff47-bac1-4c0e-add8-a6f83c0445d1%2C6b819c2c-b70b-4e2c-a153-6efa6d26cb1f&term_language_education__uuid=e4bbba05-79b6-42c8-ae7a-e9167b00d6e9 (accessed 17.12.2023).

13. "All programmes", *Universiteit Antwerpen*, available at: <https://www.uantwerpen.be/en/study/programmes/all-programmes/?s=16&lang=en&f=142%2C141%2C23%2C114%2C115%2C119> (accessed 21.12.2023).

14. "Programmes", *UHasselt*, available at: <https://www.uhasselt.be/en/study/programmes?Opleidingstypes=01&Opleidingstypes=02&Opleidingstypes=03&Opleidingstypes=25&OnderwijstaalEngels=true&mode=&order=Opleidingstypes#results> (accessed 21.12.2023).

15. "ULiège", *ULiège*, available at: https://www.uliege.be/cms/c_8699436/en/uliege (accessed 21.12.2023).

16. "Notre offer de formation – Université de Mons", *University of Mons*, available at: <https://web.umons.ac.be/en/training-offer/> (accessed 21.12.2023).

17. "The University study programmes", *University of Namur*, available at: <https://www.unamur.be/en> (accessed 22.12.2023).

18. "Belgium, Prime Minister Addresses General Debate, 76th Session" (2021), *United Nations*, 24.09.2021, available at: <https://webtv.un.org/ru/asset/k17/k176jdloda> (accessed 07.01.2024).

19. "Belgium, Prime Minister Addresses General Debate, 77th Session" (2022), *United Nations*, 23.09.2022, available at: <https://webtv.un.org/ru/asset/k18/k18mv2w4g3> (accessed 04.02.2024).

20. "Belgium, Prime Minister Addresses General Debate, 78th Session" (2023), *United Nations*, 20.09.2023, available at: <https://webtv.un.org/ru/asset/k1k/k1kvs5dbff> (accessed 04.02.2024).

21. "Faudrait-il instaurer l'anglais comme 3e langue officielle à Bruxelles?" (2022), *BX1. Médias In Bruxelles*, 17.02.2022, available at: <https://bx1.be/categories/news/faudrait-il-instaurer-langlais-comme-3%E1%B5%89-langue-officielle-a-bruxelles/> (accessed 10.02.2024).

22. Lejeune, M. (2013), "L'anglais devrait être une langue officielle de Bruxelles?", *Euractiv*, 25.10.2013, available at: <https://www.euractiv.fr/section/all/news/l-anglais-devrait-etre-une-langue-officielle-de-bruxelles/> (accessed 10.02.2024).

23. "Le premier parti bilingue de Belgique en butte à l'ordre établi" (2009), *Euractiv*, 12.05.2009, available at: <https://www.euractiv.fr/section/elections/news/le-premier-parti-bilingue-de-belgique-en-butte-a-l-ordre-etabli-fr/> (accessed 10.02.2024).

24. "Philippe Jottard: sauvagardons notre langue des anglicismes!" (2021), *Rassemblement Wallonie France*, 16.10.2021, available at: <https://www.rwf.be/?p=20949> (accessed: 10.02.2024).

25. "Belgique. La langue anglaise peut-elle sauver le pays de la désunion?" (2018), *Ouest France*, 04.07.2018, available at: <https://www.ouest-france.fr/europe/belgique/belgique-la-langue-anglaise-peut-elle-sauver-le-pays-de-la-desunion-5861015> (accessed 10.02.2024).

26. "The Bridge Theatre", *Promethea*, available at: <https://www.promethea.be/fr/soutenir/les-projets-en-cours/the-bridge-theatre/> (accessed 10.02.2024).

27. "Le Guide Brussels 2024" (2024), *VRT. NWS*, 07.01.2024, available at: <https://www.vrt.be/vrtnws/fr/2024/01/07/guide-culturel-brussels-2024/> (accessed 10.02.2024).

28. "Retrospective" (2023), *Festival de Cannes*, available at: <https://www.festival-cannes.com/en/retrospective/#competition> (accessed 06.01.2024).

Information about the author.

Georgiy A. Demin – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: language interference, sociolinguistics, language contacts.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 11.03.2024; adopted after review 04.04.2024; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 811. 153.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-138-151>

Формально-логическая модель безличных предложений в английском языке

**Валерия Николаевна Малышева¹✉, Екатерина Владимировна Курганская²,
Георгий Андреевич Дёмин³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>

²katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>

³dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>

Введение. Главным свойством предложения является предикативная связь. Субъект и предикат выражаются в предложении либо отдельными словами – подлежащим и сказуемым, либо синтетически в одном из членов. Вопрос равноправности подлежащего и сказуемого по-прежнему остается открытым, поскольку существуют серьезные аргументы в пользу каждой позиции. Особый интерес представляет случай английских безличных конструкций, в которых, на первый взгляд, отсутствует подлежащее.

Методология и источники. Исследование проводит формально-логическое моделирование английских независимых предложений с безличными конструкциями, построенными на активном и пассивном глаголе, с применением идеи двухчастности. Если предложение начинается не с главной пары, некоторые пассивные конструкции выражают подлежащее частично или не выражают вовсе. Идея двухчастности допускает существование имплицитного подлежащего, а также полуимплицитного подлежащего, включающего в себя десемантизированное наречие *there*, и объясняет эти случаи наиболее полно.

Результаты и обсуждение. Согласно формально-логическому моделированию в грамматическом смысле безличная конструкция является личной. Сказуемое с активным глаголом всегда сопровождается эксплицитным подлежащим. Если предложение начинается с главной пары, сказуемое с пассивным глаголом может сопровождаться эксплицитным и реже полуимплицитным подлежащим, так как мембрана пассивного глагольного семифинитива менее рельефна, чем мембрана активного глагольного семифинитива, и может испытывать давление сильного пространственного уточнителя. Если предложение начинается не с главной пары, возможно имплицитное, полуимплицитное или эксплицитное подлежащее. В повествовательных предложениях имплицитность подлежащего обеспечивает усилительный элемент, а в вопросительных – вопросительный; поэтому в субстантивном семифинитиве не используется слабый пространственный уточнитель, а в вопросительном сильный пространственный уточнитель заменяется на слабый.

Заключение. В случаях с десемантизированными единицами *it* и *there* термин «безличная конструкция» состоятелен в семантическом, но не в грамматическом смысле. В грамматическом смысле всегда задано третье лицо единственного числа эксплицитным или имплицитным субстантивным семифинитивом и пространственным уточнителем. При этом полуимплицитное подлежащее встречается весьма редко, а имплицитное крайне редко. Эллипсис подлежащего в английских безличных конструкциях невозможен.

© Малышева В. Н., Курганская Е. В., Дёмин Г. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: английский синтаксис, безличные конструкции, идея двухчастности, семифинитив

Для цитирования: Малышева В. Н., Курганская Е. В., Дёмин Г. А. Формально-логическая модель безличных предложений в английском языке // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 138–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-138-151.

Original paper

Formal Logical Modeling of Impersonal Sentences in the English Language

Valeria N. Malysheva^{1✉}, Ekaterina V. Kurganskaia², Georgiy A. Demin³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>*

²*katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>*

³*dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>*

Introduction. The main feature of a sentence is the predicative connection. The two main units – substantive and verbal – are represented in the sentence either through separate words – subject and predicate – or synthetically in one of the parts of the sentence. The question whether subject and predicate play equal part in a sentence remains to be clarified since there are strong arguments in support of every position. The case of impersonal constructions is especially intriguing. So, in English one can find impersonal constructions, which, at first glance, lack a subject.

Methodology and sources. The present study aims to provide formal logical modeling of English independent clause with impersonal constructions based on active and passive verb, by means of the binomiality idea. In cases when a sentence begins not from the main couple, some of the passive constructions express the subject partially or don't express it at all. The binomiality idea claims the existence of an implicit subject, as well as semi-implicit subject that includes a desemantised adverb there, thus, it explains these cases in the fullest way possible.

Results and discussion. The formal logical modeling allows concluding that grammar-wise an impersonal construction is a personal one. A predicate with an active verb is accompanied by an explicit subject. In case a sentence starts from the main couple, a predicate with a passive verb can be accompanied by an explicit and (less often) semi-implicit subject, for the membrane of a passive verbal semifinitive is less relief, than the membrane of an active verbal semifinitive and can be subject to pressure from the strong space specifier. If a sentence does not begin with the main couple, then an implicit subject, as well as semi-implicit and explicit ones are possible. In declarative sentences, the implicity of a subject is provided by a strengthening element, whilst in question sentences it is done by a questioning one. Therefore, the weak space specifier cannot be used in declarative sentences, whilst in questioning sentences the strong space specifier is substituted by the weak one.

Conclusion. In cases with desemantised pronoun it or desemantised adverb there the term “impersonal construction” is only reasonable in a semantic sense, but not in a grammar one. Grammar-wise the singular third person is set in all cases – through an explicit or implicit substantive semifinitive and a space specifier. At the same time a semi-implicit subject can be seen quite rarely, whilst an implicit one – very rarely. Ellipsis of subject in English impersonal constructions is impossible.

Keywords: English syntax, impersonal constructions, binomiality idea, semifinitive

For citation: Malysheva, V.N., Kurganskaia, E.V. and Demin, G.A. (2024), "Formal Logical Modeling of Impersonal Sentences in the English Language", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 100–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-100-113 (Russia).

Введение. Главным свойством предложения является предикативная связь, которая организуется, как принято считать в грамматической и логистической традициях, с помощью субъекта и предиката. Субъект и предикат выражаются в предложении либо отдельными словами – подлежащим и сказуемым, либо синтетически в одном из членов. Вопрос о том, являются ли подлежащее и сказуемое равноправными членами предложения, по-прежнему остается открытым, поскольку существуют серьезные аргументы в пользу каждой позиции. Особо интересным является случай безличных конструкций, который мы намерены рассмотреть на примере независимых предложений. Так, в английском языке встречаются безличные конструкции, в которых, на первый взгляд, отсутствует подлежащее. В безличных конструкциях с активным глаголом наблюдается эксплицитное подлежащее, образованное от неопределенного местоимения *one* или от субъектных местоимений *they* и *it*. В безличных конструкциях с пассивным глаголом эксплицитность подлежащего в основном сохраняется – она образуется от субъектного местоимения *it* или маркируется (гораздо реже) наречием *there*. В случаях, когда пассивная подлежащно-сказуемая пара не начинает предложение, в безличной конструкции подлежащее не маркировано и может сложиться впечатление, что мы имеем дело с эллипсисом.

К исследованию безличных конструкций применялось множество различных лингвистических подходов. Начиная с грамматики Арно и Лансло, логистическая парадигма обращается к общей проблеме субъектно-предикатных отношений в суждении и иногда причисляет безличные конструкции к особым типам суждений. В парадигме традиционной грамматики в различных языках проводится классификация безличных конструкций с учетом как грамматического, так и семантического уровней. В парадигме формальной грамматики безличные конструкции классифицируются по формальному признаку как предложения с «пустым» подлежащим, однако для разных языков предпринимаются попытки выяснить грамматические характеристики невидимого и неслышимого субъекта. Не менее формальная идея двухчастности отвергает существование «пустых» подлежащих, считая невидимый и неслышимый субъект имплицитным. В сравнительно-исторической парадигме описывается диахроническое становление безличных конструкций, отчего взгляду исследователя открываются незадействованные в современных языках способы выражения безличности, устанавливаются изначальные функции ее маркеров. Типологический подход выявляет схожие механизмы выражения безличности в языках различного строя и ставит вопрос об универсальности этой категории. К изучению безличности применяется и лингвокультурологический подход – существование безличных конструкций объясняется воздействием на человека экстралингвистических факторов, связанных с историей, культурными традициями и менталитетом того или иного народа. В когнитивном подходе категория безличности получает объяснение в рамках порождения высказывания, и безличные конструкции не считаются чем-то аномальным.

Преувеличение роли предиката в образовании предложения, выразившееся в свое время в появлении вербоцентристских теорий, находит свое отражение и в теориях, занимающихся изучением предикатов, в частности, их модально-оценочных значений в текстах различных стилей.

Некоторые исследователи усматривают в безличных конструкциях с пассивным глаголом своего рода отстраненность субъекта от действия или процесса, выражаемого сказуемым. Замена субъекта грамматически и семантически обедненными формами признается большинством лингвистов, однако причина этой замены до настоящего времени остается невыясненной. Вероятно, только в дискурсологии высказана мысль, что при помощи безличных конструкций тому или иному дискурсу можно придать статус объективно существующего. Так подчеркивается, например, приоритет закона над индивидом.

Отметим, что в лингвистической литературе термин «безличность» не имеет однозначной трактовки и часто пересекается с термином «синтаксический ноль», что довольно опасно, поскольку синтаксические пустоты могут быть связаны с эллипсисом.

Методология и источники. Исследование выполнено в парадигме формальной грамматики и имеет своей целью формально-логическое моделирование безличных конструкций, построенных на активном и пассивном глаголе в английском языке с применением идеи двухчастности. Моделированию подвергаются с учетом допустимого объема статьи лишь независимые предложения. Выбор идеи двухчастности в качестве основной методологии обусловлен все возрастающей потребностью современной лингвистики в эффективных приемах формализации лингвистического материала, предоставляемого компьютеру. Ряд синтаксических структур, включающих в себя десемантизированные элементы, с трудом поддаются алгоритмическому описанию, что приводит к ошибкам в автоматическом переводе. Безличные конструкции, по существу, также могут включать в себя десемантизированные элементы, в том числе имплицитные. Так, субъектное местоимение *it* и наречие *there* в безличных конструкциях десемантизированы. Неопределенно-личное местоимение *one*, как нам представляется, остаточно сохраняет свое лексическое значение пусть и в весьма ослабленном состоянии. Как минимум, это местоимение сочетается в подлежащно-сказуемой паре с глаголом, описывающим действия, которые могут совершаться только человеком.

Некоторые из пассивных конструкций в случаях, когда независимое предложение начинается не с главной пары, выражают подлежащее частично или не выражают вовсе. Идея двухчастности объясняет эти случаи наиболее полно, поскольку постулирует существование имплицитного подлежащего, а также полуимплицитного подлежащего, включающего в себя десемантизированное наречие *there*.

Идея двухчастности как один из способов формально-логического моделирования лингвистических явлений разрабатывается в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» с 1993 г. Согласно этой идее, глагольные и субстантивные члены предложения представляют собой двухчастные структуры. Главный член предложения является семифинитивом, зафиксированным в уточнителе, а второстепенный – семифинитивом, зафиксированным в прауточнителе. Тем самым подлежащее можно представить как результат фиксации, т. е. в виде произведения пространственного уточнителя и субстантивного семифинитива [1, с. 175].

Результаты и обсуждение. Изучение категории безличности в лингвистике, логике и лингвокультурологии не привело к однозначному выводу в отношении причин образования таких конструкций. Последние тенденции в обработке естественного языка приводят нас к заключению, что формализация безличных конструкций должна проходить на уровне более глубоком, чем автоматическая замена или восполнение подлежащего при переходе от языка

к языку. Поверхностный подход, не учитывающий природу построения предложения, приводит к большому числу ошибок, справиться с которыми разработчикам систем автоматического перевода не удастся уже несколько десятилетий. В связи с этим возникает задача изучить «потайные пружинки» языковой системы, приводящие к появлению в предложении специфических элементов – десемантизированных, имплицитных, элиминированных и т. п.

Структура предложения получает разную интерпретацию у лингвистов. Изучение природы предложения и ее отличий от словосочетания является одним из основополагающих вопросов синтаксиса. Словосочетание только обозначает предмет действительности, в то время как мысль, оформленная в предложение, заставляет нас, как замечает А. И. Смирницкий [2, с. 101], реагировать и предпринимать какие-либо действия. Так, в предложении «The doctor arrived» есть грамматическое указание на время, сообщается, что действие произошло в прошлом. «Это отнесение высказывания к действительности и можно назвать предикацией» – утверждает А. И. Смирницкий [2, с. 102]. Тем самым «наиболее существенным моментом в оформлении речи в виде предложения, тем, что делает предложение предложением, является предикация, или отнесение содержания высказывания к действительности» [2, с. 102]. Предикация выражается в личной форме полнозначного или служебного глагола: «My brother is a doctor», отсутствием глагола «Мой брат доктор», «Why not go there?» с помощью интонации и синтаксически особым способом, используемым в словарях «Lydgate, an English poet» [2, с. 105–107]. Эти способы выражения объединяют понятием «предикат», предмет мысли, который осознается вместе с предикацией и выражается в сказуемом. Второе понятие – «субъект», это тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определятся и высказывается предикат; субъект находит свое выражение в подлежащем. Субъект и предикат придают законченность предложению только совместно. Пока субъект рассматривается отвлеченно в своем предметном содержании, пока отвлеченный предикат не уточнен субъектом, невозможно создать законченное выражение высказывания [3, с. 204]. Но, как замечает И. И. Мещанинов, «выражение субъекта и предиката вовсе не требует обязательного присутствия в предложении его подлежащего и сказуемого» [3, с. 131]. Субъект и предикат могут быть выражены в одном слове. Так, в слове «пишу» предикат выражен сказуемым, а субъект – личной формой глагола. «Действующее лицо целиком включается в один член предложения со сказуемым, так как речь идет о первых двух лицах, выражаемых только местоимениями. Но синтаксическое значение этих двух соединившихся лексических единиц воспринимается различно, а именно: местоимение, присоединенное к глаголу и с ним слившееся, понимается как уточнитель глагольного содержания придачей ему личного оформления» [3, с. 206]. Итак, основным свойством предложения является предикация, элементами которой являются предметы мысли – субъект и предикат, которые выражаются подлежащим и сказуемым – членами предложения, представленными отдельными словами [2, с. 108], или выражаются совместно в одном из членов предложения.

Подлежаще-сказуемая пара (т. е. субъект и предикат в неразрывной связи друг с другом) является структурным ядром предложения. Традиционно принято считать подлежащее и сказуемое равноправными членами предложения, но ряд авторитетных ученых настаивает том, что центральное положение в предложении все-таки занимает один из них. В частности, А. И. Смирницкий отводит эту роль подлежащему: «на центральную роль под-

лежащего в предложении указывает в данном случае его оформление именительным падежом, который представляет собой наиболее независимое обозначение лица и предмета» [2, с. 138]. Л. Теньер склонен считать сказуемое центром предложения [4, с. 145]. Л. С. Бархударов же делает вывод, что «сам тот факт, что существуют аргументы в пользу признания «более главным» как подлежащего, так и сказуемого говорит о том, что ни одна из этих двух непосредственных составляющих предложения не является сама по себе «более главной», чем другая, но что обе они равноправны и взаимозависимы» [4, с. 145].

В синтаксической функции подлежащего в английском языке могут употребляться:

- существительные и субстантивные словосочетания:
 - My dinner tastes good.
 - The door of the car is broken.
- субстантивные местоимения:
 - He is going to study grammar.
 - Nobody knows me.
- субстантивированные части речи:
 - The natives are very hospitable.
 - The unemployed often commit crimes.
- инфинитив и глагольные словосочетания с ядром-инфинитивом:
 - To see him is to worship him.
- герундий или словосочетания с ядром-герундием:
 - Being adored is a nuisance.
- инфинитивные предикативные словосочетания:
 - For you to go there just now would be to walk into a trap with your eyes open.
- герундиальные предикативные словосочетания:
 - Strangers overhearing us matters nothing.
- предложения:
 - What he asked me to do was difficult.

Подлежащее, впрочем, может быть не выражено в случаях, если:

- это ответ на вопрос;
- глагол стоит в повелительном наклонении. В данном случае функцию подлежащего, указывающего, к чему относится сказуемое, выполняет форма сказуемого или контекст – «Sit down!».

Английский язык избегает построения предложения без подлежащего. «Это объясняется недостаточно четкой оформленностью английского глагола, который своей формой не всегда может достаточно ясно указывать на субъект» [2, с. 140]. В таком случае предикация относится к субъекту, стоящему вне предложения, и функцию подлежащего выполняют безличные показатели. Эти случаи описал А. И. Смирницкий:

- если цель высказывания заключается в определении предмета, подлежащим будет указательное местоимение – «This is a piece of chalk»;
- если субъект недостаточно ясен, используют неопределенно-личные предложения – «They say»;
- если субъект не предмет, а ситуация, глагол ставится в форму третьего лица единственного числа с безличным подлежащим *it* – «It is getting dark».

Когда речь заходит о подлежащем, часто особое внимание уделяют конструкции, которая вводится так называемым «предваряющим *it*». Существуют разные трактовки. Часть авторов говорит о составном подлежащем со структурой «местоимение *it* + именное сказуемое + инфинитив, герундий или словосочетание с ними, придаточное предложение». Л. С. Бархударов считает, что это прерывистая конструкция сложного подлежащего. Подлежащим здесь является глагольная форма, расположенная после сказуемого, что нехарактерно для порядка слов в английском языке, поэтому вводится грамматический показатель подлежащего *it*. Этот показатель становится грамматическим центром подлежащего, а вторая часть, выраженная инфинитивом, герундием, словосочетанием или предложением – его лексическим центром [4, с. 160–161].

Большинство же авторов так или иначе определяют *it* как формальное подлежащее. А. И. Смирницкий относительно безличных предложений, начинающихся с «*It is useful...*», «*It is necessary...*» и т. п., после чего обычно следует инфинитив или придаточное предложение с союзом *that*, говорит: «инфинитив раскрывает содержание сказуемого, подлежащим же здесь является *it*, которое представляет собой лишь формальную опору для глагола и не прибавляет ничего нового к содержанию предложения» [2, с. 158]. А. И. Смирницкий, однако, замечает, что инфинитив может выполнять функцию подлежащего, если стоит перед сказуемым [2, с. 264]. По мнению М. Бейкера *it*, как и *il* во французском языке, – «пустое» (или «нулевое» в терминах Н. Хомского [5, с. 49]) местоимение, необходимое для грамматического оформления предложения в следующих случаях: если в предложении нет семантического подлежащего и если подлежащее стоит после сказуемого. В первом случае, например, в предложении «*It rains.*», носители языка употребляют это местоимение, чувствуя необходимость отсутствующего подлежащего. Выбор падает на *it* и *il*, так как они «являются в этих языках именными группами с минимальным собственным значением. <...> Мы видим, что необходимость в подлежащем – требование грамматики» [5, с. 46]. Во втором случае, когда сказуемое стоит перед подлежащим, в соответствии с правилами языка невозможно построить конструкцию типа «*Appeared a boat.*» или «*Est arrivé Jean.*», и употребляются «пустые» единицы типа *it/there* в английском или *il* во французском. Таким образом строятся предложения типа «*There appeared a boat.*» и «*Il est arrivé trois hommes.*» [5, с. 47].

Ш. Балли высказал противоположную точку зрения относительно примера «*It rains.*» в английском языке и «*Il pleut.*» во французском. По поводу «пустого субъекта», выраженного местоимением, он говорит, что «с точки зрения грамматики это неправдоподобно, чтобы некий грамматический знак регулярно функционировал в языке, не проявляя при этом никаких признаков ослабления или изменения и всегда являясь экспонентом какого-то определенного семантического значения» [6, с. 187], подкрепляя свою позицию тем, что в современном французском языке *il* часто заменяют на *ça* и *cela*.

О. Есперсен описывает разные случаи употребления *it* в безличных конструкциях. Он заключает, что «многие правила употребления *it* обусловлены, с одной стороны, стремлением говорящего соблюдать определенные образцы построения предложения, <...> а с другой стороны, стремлением избежать громоздких конструкций, которые могут привести иногда к неправильному пониманию предложения» [7, с. 25]. В частности, в конструкции, когда подлежащее выражено инфинитивом, считается более удобным вводить инфинитив после сказуе-

мого. В этом случае предложение начинается с глагола, что характерно для вопроса, поэтому вводится формальный показатель подлежащего – «It is not easy to find one's way in London.». Такой же процесс наблюдается в сложноподчиненном предложении: чтобы избежать ситуации, когда предложение начинается с подчиненного предложения, употребляют формальное *it* – «It cannot be denied that Newton was a great genius.». Интересно, что в предложениях, в которых в позиции *it* стоит полнозначное слово, а за сказуемым следует инфинитив, О. Есперсен выделяет в качестве подлежащего нексус полнозначного слова и инфинитива. Тем самым в предложении «I am believed to be guilty.» подлежащим является «I to be guilty» [7, с. 136].

Сторонником формальности *it* были и З. Хэррис, Г. Мюллер, Ч. Фриз [8, с. 15–16]; об «обезличении конструкции» писал С. Д. Кацнельсон [9, с. 64]. Л. Блумфилд считал *it* заместителем какой-то конструкции [8, с. 15]. Существуют исследования, приписывающие лексеме *it* функцию связующего в тексте, объединяющего предложения в сверхфразовое единство, в частности, работа А. П. Бакаревой [10, с. 14–15].

Л. Н. Финогоина уточняет, что «лексема *it* употребляется в “безличных” предложениях в случаях, когда то, с чем она соотносится, с очевидностью вытекает из той или иной конкретной лингвистической или экстралингвистической ситуации» [8, с. 16]. Она же настаивает на том, что *it* является единственным и полноценным подлежащим, семантически эквивалентным указательным местоимениям *this*, *that*, как в предложениях «That wasn't just a conscience talking on the phone just that.» или «This is time to end the quarrel.» «А так как *it* семантически эквивалентно указательным местоимениям, то оно также не является безличным или формальным подлежащим» [8, с. 17–18].

Тем самым мнения по поводу конструкции с *it* не сформировано: одни исследователи рассматривают его как часть составного подлежащего с двумя центрами – грамматическим и семантическим, другие видят в нем формальное подлежащее и считают вторую часть уточнением сказуемого [2, с. 271–272]. Большинство исследователей сходится только насчет семантической пустоты *it*, но в то же время существует мнение, что *it* семантически эквивалентно указательным местоимениям и потому является полноценным подлежащим.

Элемент *it* использовался в английском языке в позиции подлежащего еще с древнеанглийского периода в двусоставном безличном предложении, в котором подлежащее не имело референтной соотнесенности с предметом или лицом и выражалось с помощью местоимения третьего лица единственного числа среднего рода *hit*. Обычно в таких предложениях речь шла о действии стихий и сезонных изменениях: «Hit rīne and swīne and styrme ūte.» («Снаружи была буря с дождем и снегом»). Подобные безличные конструкции характерны для европейских языков. Есть свидетельства, что они являются развитием более ранней личной конструкции. А. Мейе ссылается на пример, взятый им из Гомера: «ὦε δ' ἄρα Ζεὺς» («а Зевс дождал»), и в то же время указывает, что безличных оборотов типа «дождит», «холодно» у Гомера не встречается [11, с. 256]. Л. С. Бархударов замечает, что субъект в таких глаголах скрыт в самой семантике и не требует выражения, поэтому согласно традиции личного оформления глагола, вводится формальное подлежащее [4, с. 302]. *Hit* в древнеанглийском могло опускаться, оно закрепилось в среднеанглийский период, и только некоторые глаголы, например, *befelen* («случаться»), употреблялись без подлежащего. *Hit* также употреблялось в предложениях, в которых оно имело предваряющий характер: «ne-wæs hit lenze þā zēn, þæt sē ecȝ-hete aȝum-

sweorum æfter wæl-nīðe wæcpan scolde.» («так далеко (оно) еще не зашло, чтобы распря между зятем и тестем из-за смертельной вражды возникла.»). В среднеанглийский период в качестве подлежащего часто используется инфинитив, а с XIV в. – герундий. *Hit* тем самым расширил свои функции за счет бесподлежащих предложений: «*Hit me of þyncð, forgif hit him*» («Мне кажется, надо простить ему это»). В ранненовоанглийский период в качестве подлежащего могли выступать герундиальные обороты: «*Their lyvyng is not mucche worse.*» («Живут они не так уж плохо.») и инфинитивные конструкции с *for*, безличные обороты с глаголами *happen*, *seem*, *think*, *like* и др. заменяются на личные: «*It likes me well.*» («Это мне очень нравится.»). С древности существовал еще один десемантизированный элемент – *þær*, который отличался от наречия *þær* краткостью лягушки; тип предложения, вводимого им, закрепился в среднеанглийский период по структуре он выглядел как «*ther* + сказуемое + подлежащее»: «*at sessionouns there was he lord and sire*» («на сессиях он был главным распорядителем») [12, с. 148, 268–269, 272]. Элемент *it* употреблялся в позиции подлежащего с древнеанглийского периода, и со временем оказался продуктивным для образования все новых типов предложения. В то же время можно проследить, что с древности остался еще один формальный элемент – *there*, который оказался менее продуктивным, но сумел сохраниться в языке.

Рассмотрим проблему безличности в английских независимых предложениях в свете идеи двухчастности. Остановимся более подробно на понятиях пространственного уточнителя и субстантивного семифинитива.

Пространственный уточнитель может быть слабым, сильным и сверхсильным, являя собой, соответственно, рассеянное, концентрированное и переконцентрированное внешнее пространство. В английском языке он представлен:

- слабый (нестабильный) – $t_h e r e$;
- сильный (стабильный) – *there*;
- сверхсильный (стабильный) – *it*.

Слабый пространственный уточнитель является флексирующим, т. е. нестабильным, и фиксирующийся в нем субстантивный семифинитив в зависимости от своей прочности может получить те или иные повреждения. Семифинитивы имен собственных, личных местоимений, существительных и субстантивированных частей речи обладают самыми высокими прочностями, и их повреждения, согласно терминологии идеи двухчастности, квази-явны. По существу, в обсуждаемом случае можно было бы также говорить об имплицитности слабого пространственного уточнителя, однако в других случаях он проявляется вполне эксплицитно, поэтому понятие «квази-явности» представляется нам совершенно приемлемым, обозначающим невидимый и неслышимый результат умножения семифинитива на уточнитель и не имеющим отношения к понятию «имплицитность».

Вообще говоря, понятие «имплицитность», как следует из приведенного ранее литературного обзора, относится к семантическому ядру подлежащего, т. е. к субстантивному семифинитиву, поэтому об имплицитности в сфере пространственных уточнителей разговор можно закончить. По этой же причине мы склонны называть некоторые разновидности подлежащего «полуимплицитными», нежели «полуэксплицитными».

Легко видеть, что конструкции типа «*One says*» или «*Does one say?*» включают в себя эксплицитное подлежащее, являющее собой результат умножения слабого семифинитива

неопределенного местоимения *one* на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$ (семифинитив получает при этом, благодаря своей высокой прочности, квазиявные повреждения). Применение сильного пространственного уточнителя *there* в случае семифинитива глагола *say* невозможно, поскольку этот семифинитив не выдерживает давления концентрированного внешнего пространства. Семифинитив глагола *be* или глагола, сходного с глаголом *be* по лексическому значению, выдерживает такое давление и можно применить сильный пространственный уточнитель *there*: «There is one in the room.» или «Does there exist one in this world?». Тем самым подавляющее большинство активных глагольных семифинитивов выдерживают давление только слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$.

Первоочередное внимание в нашем рассмотрении следует уделить конструкциям типа «It is said» и «Is it said?», где функционирует единица *it*. С одной стороны, в свете идеи двухчастности подлежащие в этих конструкциях можно было бы трактовать как результат умножения сверхслабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на сверхсильный пространственный уточнитель *it*. С другой стороны, в свете той же идеи давление сверхсильного пространственного уточнителя *it* может выдержать лишь глагольный семифинитив типа *be a* или *have been a*. В обсуждаемых конструкциях глагольный семифинитив другого типа, поэтому подлежащее в них может быть только и только результатом умножения сильного семифинитива субъектного местоимения *it* на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$ (семифинитив получает при этом, благодаря своей высокой прочности, квазиявные повреждения). Тем самым в конструкциях типа «It is said.» и «Is it said?» мы имеем дело с эксплицитным подлежащим. Видимо, именно по этой причине такие конструкции являются наиболее распространенными, и НЕбезличными, поскольку подлежащее в них строится на эксплицитной субстантивной единице – субъектном местоимении *it*.

Обратим внимание на конструкции типа «There is said» и «Is there said?», с первого взгляда, структурно параллельные вышерассмотренным. Однако в этих конструкциях подлежащее следует трактовать как результат умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на сильный пространственный уточнитель *there*, тем более что глагольный семифинитив типа *be (being) II(v)* или *have been II(V)* (пассивный глагольный семифинитив) выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*.

Разумеется, слабый семифинитив имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ может умножаться и на слабый пространственный уточнитель $swim\ t_h^e r^e$. На этот же уточнитель возможно умножение сильного семифинитива субстантивной единицы $\acute{o}$. Легко видеть, что в этих случаях мы должны получить конструкции типа «Is said.» и «Is said?», однако в английском языке они возможны лишь при особых условиях.

Повествовательная конструкция возможна лишь при условии предварения ее каким-либо усилительным элементом, например: «About him is said.» или «Often is said.». Для вопросительной конструкции этого недостаточно, ее следует предварять вопросительным элементом, например, «Why is said (about him).» или «How often is said?». Остановимся на этих различиях более подробно.

Отметим, что согласно идее двухчастности главные члены предложения образуются в зависимости от его типа. В независимых повествовательных предложениях семифинитивы фик-

сируются в первую очередь в слабых уточнителях, во вторую – в сильных и в третью – в сверхсильных. В независимых вопросительных предложениях семифинитивы фиксируются в первую очередь в сверхсильных уточнителях, во вторую – в сильных и в третью – в слабых.

Очевидно, что при движении «снизу вверх» в независимых повествовательных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ в первую очередь фиксируется в слабом пространственном уточнителе $t_h^e r^e$. Усилительный элемент обеспечивает этому семифинитиву силу. Тогда подлежащее будет представлять собой результат умножения сильного семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$, и получится конструкция типа «About him is said.» или «Often is said.». Наличие усилительного элемента не является препятствием для образования подлежащего, являющегося результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на сильный пространственный уточнитель *there*, отчего получается конструкция типа «About him there is said.» или «Often there is said.».

При движении «сверху вниз» в независимых вопросительных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ в первую очередь должен фиксироваться в сверхсильном пространственном уточнителе *it*, но по описанным ранее причинам этого не происходит. Во вторую очередь этот семифинитив фиксируется в сильном пространственном уточнителе *there*, и можно предположить, что третьей очереди – фиксации в слабом пространственном уточнителе $t_h^e r^e$ также не происходит. Тем самым в независимых вопросительных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ всегда слабый, и применение усилительного элемента невозможно. Возможно, однако, применение вопросительного элемента, посредством которого мембрана пассивного глагольного семифинитива может стать рельефнее, и подлежащее будет являться результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$, отчего получится конструкция типа «Why is said about him?» или «How often is said?». Наличие вопросительного элемента не является препятствием для образования подлежащего, являющегося результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы $\acute{o}$ на сильный пространственный уточнитель *there*, отчего получается конструкция типа «Why is there said about him?» или «How often is there said?».

Формально-логическое моделирование главных членов независимого предложения позволяет заключить, что в грамматическом смысле безличная конструкция является личной. Сказуемое с активным глаголом всегда сопровождается эксплицитным подлежащим. Сказуемое с пассивным глаголом, если предложение начинается с главной пары, может сопровождаться эксплицитным и (реже) полуимплицитным подлежащим. Это объясняется, скорее всего, тем, что мембрана пассивного глагольного семифинитива менее рельефна, чем мембрана активного глагольного семифинитива, и может быть подвергнута давлению сильного пространственного уточнителя. Если независимое предложение начинается не с главной пары, возможно имплицитное подлежащее, а также полуимплицитное и эксплицитное. В повествовательных предложениях имплицитность подлежащего обеспечивает усилительный элемент, а в вопросительных – вопросительный. Усилительный элемент придает суб-

стантивному семифинитиву силу, отчего слабый пространственный уточнитель не может быть использован, а вопросительный элемент может делать мембрану пассивного глагольного семифинитива более рельефной, и тогда сильный пространственный уточнитель заменяется на слабый. В этом ключе довольно интересно сопоставить имплицитное подлежащее с инэксплицитным.

Как известно, инэксплицитное подлежащее встречается в независимом вопросительном предложении, когда главная субстантивная единица разыскивается, например, «Which people say about him?», «What is said?» или «What is there said?». Естественно, такое предложение предваряется вопросительным элементом. Тем самым, английский язык «готов» к специфическим подлежащим, и, вероятно, устройство вопросительных конструкций с имплицитным подлежащим повторяет устройство вопросительных конструкций с инэксплицитным подлежащим. Однако применение сильного пространственного уточнителя в этих конструкциях обусловлено не одной и той же причиной. Вопросительный элемент в конструкции с инэксплицитным подлежащим связан с главным субстантивным семифинитивом и не влияет на главный глагольный семифинитив. Вопросительный элемент в конструкции с имплицитным подлежащим связан с главным глагольным семифинитивом и не влияет на главный субстантивный семифинитив. Сильный пространственный уточнитель, тем самым, коррелирует либо с субстантивным, либо с глагольным семифинитивом соответственно.

В независимых повествовательных предложениях наличие инэксплицитного подлежащего по понятным причинам категорически невозможно, однако если предложение начинается не с главной пары, то в нем может появиться имплицитное подлежащее. Такие конструкции не являются эллиптическими – пожалуй, явление эллипсиса следует относить не к отдельному члену предложения, а к временному и пространственному элементам вкупе: «Why (is it) said?».

Сила, слабость или сверхслабость субстантивных семифинитивов являются хорошим маркером для различения эксплицитного, инэксплицитного, полуэксплицитного, имплицитного и полуимплицитного подлежащих в независимых предложениях. Эксплицитное подлежащее в повествовательных и вопросительных предложениях и инэксплицитное подлежащее в вопросительных может строиться на сильном, слабом или сверхслабом семифинитиве. Полуимплицитное подлежащее в повествовательных и вопросительных предложениях и полуинэксплицитное в вопросительных – только на слабом семифинитиве. Имплицитное подлежащее в повествовательных предложениях строится только на сильном семифинитиве, а в вопросительных – только на слабом.

Заключение. В случаях с десемантизированным местоимением *it* или десемантизированным наречием *there* термин «безличная конструкция» состоятелен лишь в семантическом, но не в грамматическом смысле. В грамматическом смысле всегда задано третье лицо единственного числа эксплицитным или имплицитным субстантивным семифинитивом, умноженным на пространственный уточнитель, – сверхсильный *it*, сильный *there* или слабый $t_h^e r^e$. При этом полуимплицитное подлежащее встречается весьма редко, а имплицитное – крайне редко. Понятия имплицитности и инэксплицитности относятся только и только к субстантивному семифинитиву, но не к слабому пространственному уточнителю, который,

будучи способным повреждать субстантивный семифинитив как явно, так и квазивно, и может быть ошибочно принят за имплицитную единицу. Не имеют отношения к имплицитности и эллиптические конструкции. Эллипсис подлежащего в английских безличных конструкциях невозможен – мы имеем дело не с пропуском элемента предложения, а с имплицитным подлежащим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1978.
2. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957.
3. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
4. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Бейкер М. К. Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / пер. с англ. В. В. Кадина и др.; под ред. О. В. Митрениной, О. А. Митрофановой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр. И. И. Чельшевой, Е. А. Вельмезовой. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. М.: КомКнига, 2006.
8. Финогоина Л. Н. Функционирование и грамматический статус лексемы *it* в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одесса, 1982.
9. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
10. Бакарева А. П. Структура предложения как средство связи предложений в сверхфразовом единстве (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М., 1981.
11. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. с фр. Д. Кудрявского, А. Сухотина. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
12. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высш. шк., 1968.

Информация об авторах.

Малышева Валерия Николаевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор восьми научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, германские языки, фоносемантика, общее языкознание.

Курганская Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор десяти научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, германские языки, дискурсивный анализ.

Дёмин Георгий Андреевич – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, языковая интерференция, социолингвистика, языковые контакты.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.03.2024; принята после рецензирования 13.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1978), *Istoriya russkikh lingvisticheskikh uchenii* [History of Russian linguistic theories], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
2. Smirnitiskii, A.I. (1957), *Sintaksis angliiskogo yazyka* [Syntax of the English language], Publishing house of literature in foreign languages, Moscow, USSR.
3. Meshchaninov, I.I. (1978), *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of sentence and parts of speech], Nauka, Leningrad, USSR.
4. Barkhudarov, L.S. (2008), *Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo angliiskogo yazyka* [The structure of a simple sentence in modern English], LKI Publishing House, Moscow, RUS.
5. Baker, M.K. (2008), *Atoms of Language: The Mind's Hidden Rules of Grammar*, Transl. by V. V. Kadin, et. al.; Mitrenina, O.V. and Mitrofanova, O.A. (eds.), LKI Publishing House, Moscow, RUS.
6. Bally, Ch. (2003), *Le langage et la vie*, Transl. by Chelysheva, I.I. and Vel'mezova, E.A., Editorial URSS, Moscow, RUS.
7. Jespersen, O. (2006), *The Philosophy of Grammar*, Transl. by Passek, V.V. and Safronova, S.P., KomKniga, Moscow, RUS.
8. Finogina, L.N. (1982), "Functioning and grammatical status of the lexeme it in modern English", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Odessa, USSR.
9. Katsnelson, S.D. (1972), *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking], Nauka, Leningrad, USSR.
10. Bakareva, A.P. (1981), "On the question of sentence structure as a means of communication between sentences in superphrasal unity (based on modern English)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow, USSR.
11. Meillet, A. (1938), *Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes*, Transl. by Kudryavskii, D. and Sukhotin, A., Gos. sots.-ekhon. izd-vo, Moscow, Leningrad, USSR.
12. Ilyish, B.A. (1968), *Istoriya angliiskogo yazyka* [History of the English language], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Valeria N. Malysheva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, Germanic languages, language iconicity, theoretical linguistics.

Ekaterina V. Kurganskaia – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: computational linguistics, Germanic languages, discourse analysis.

Georgiy A. Demin – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, language interference, sociolinguistics, language contacts.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.03.2024; adopted after review 13.04.2024; published online 24.06.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163>

Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи)

Ирина Васильевна Шугайло

*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия,*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Введение. В статье рассматривается роль и особенности применения концептуальной метафоры в психотерапевтическом дискурсе на примерах произведений Ирвина Ялома «Шопенгауэр как лекарство», «Мамочка и смысл жизни» и Кена Кизи «Над гнездом кукушки» (пер. 2003 г. Д. Шепелева). Цель статьи заключается в иллюстрации метафорического языка психотерапевтического дискурса (ПД), внедренного в художественное произведение. Широкое использование метафоры позволяет выделить ПД в самостоятельный. Актуальность лингвистического анализа заключается в необходимости расширения языка дискурсов, связанных со здоровьем человека.

Методология и источники. Статья базируется на положениях теории понятийной (концептуальной) метафоры, сформулированной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Методологической основой анализа стали труды, посвященные ПД и метафорическому языку психотерапии (И. В. Карасик, А. Р. Маркин, М. С. Гринева, Е. В. Ермолаева и др).

Результаты и обсуждение. В статье дается характеристика ПД, описываются типы понятийных метафор, которые применяются в психотерапевтическом дискурсе на анализе текстов указанных произведений. Среди основных понятийных метафор представлены метафоры «спор – это война», «время – деньги», «психика как машина», ориентационные метафоры, где верх связан с понятием психического здоровья, благополучия, альтруизма, силы, высокого статуса, рациональности, а низ – с образами болезни, неуспешности, низкого социального статуса, эмоциональности. Показывается, как в процессе терапии метафоры углубляют понимание проблемы, улучшают контакт психотерапевта и клиента (клиентов), способствуют переходу клиентов с понятийного «низа» в понятийный «верх».

Заключение. Показана специфика психотерапевтического дискурса, связанная, прежде всего, с его метафорическим языком. Проиллюстрированы примеры раскрытия концептуальных метафор, выделенных Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, понятийная метафора в психотерапии, психотерапевтический дискурс, внедренный в художественное произведение, агент и клиент психотерапевтического дискурса

Для цитирования: Шугайло И. В. Понятийные метафоры в психотерапевтическом дискурсе (на примере художественных произведений Ирвина Ялома и Кена Кизи) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163.

© Шугайло И. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)

Irina V. Shugaylo

*Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, St Petersburg, Russia,
Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia,
vshugajlo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6613-6153>*

Introduction. The article discusses the role and features of the conceptual metaphor in psychotherapeutic discourse using the examples of fiction works by Irwin Yalom “The Schopenhauer Cure”, “Mommy and the Meaning of Life” and Ken Kesey “Over the Cuckoo's Nest” (translated by 2003 by D. Shepelev). The purpose of the article is to illustrate the metaphorical language of psychotherapeutic discourse (PD), involved in the fiction works. The widespread use of metaphor makes it possible to distinguish PD into an independent one. The relevance of linguistic analysis lies in expanding the language of discourses of helping professions.

Methodology and sources. The article is based on the provisions of the theory of conceptual metaphor formulated by J. By Lakoff and M. Johnson. The methodological basis of the analysis are the works about PD and the metaphorical language of psychotherapy (I.V. Karasik, A.R. Markin, M.S. Grineva, E.V. Ermolaeva, etc.).

Results and discussion. The article describes the characteristics of PD, describes the types of conceptual metaphors that are used in psychotherapeutic discourse based on the analysis of the fiction works. Among the main conceptual metaphors are the metaphors “dispute is war”, “time is money”, “psyche as a machine”, orientation metaphors, where UP is associated with the concept of mental health, well-being, altruism, strength, high status, rationality, and DOWN – with images of illness, failure, low social status, emotionality.

Conclusion. The study shows the specifics of PD, primarily related to its metaphorical language. The examples of the conceptual metaphors highlighted by J. By Lakoff and M. Johnson illustrate the specific feature of PD of I. Yalom and K. Kesey.

Keywords: psychotherapeutic discourse, conceptual metaphor in psychotherapy, psychotherapeutic discourse involved in fiction works, agent and client of psychotherapeutic discourse

For citation: Shugaylo, I.V. (2024), “Conceptual Metaphors in Psychotherapeutic Discourse (Using the Example of the Works of Art by Irwin Yalom and Ken Kesey)”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 152–163. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-152-163 (Russia).

Введение. Классическая метафора традиционно понимается как поэтическое выразительное средство, способное сделать речь красивой и глубокой. «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания – философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики», – пишет Н. Д. Арутюнова, выделяя метафору как своеобразный медиатор между текстом и дискурсом, между различными дискурсами [1, с. 5]. Читающие американские учебники, знают, что через метафору ученые и

популяризаторы науки объясняют сложные физические и химические явления, а хороший учитель применяет метод редукционизма на уроках, чтобы «объяснить на пальцах» сложные явления. Несмотря на то, что абстракции трудно иллюстрировать, в научных текстах все чаще встречаются метафоры. Это сближает язык современного научного дискурса с обыденным, что отмечают некоторые исследователи [2], и отражает тенденцию научного дискурса к визуализации.

Методология и источники. Классическая метафора обычно рассматривается как принадлежность естественного языка, но не сферы мышления или действия. Представители неклассической теории метафоры Джорж Лакофф и Марк Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, проявляется в мышлении и действии [3, с. 387–416]. Они полагают, что наша понятийная система носит преимущественно бессознательный (метафорический) характер, а опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Поскольку мышление осуществляется через язык, изучение метафоры в языке, структурирующей наше восприятие, дает доступ ко многим бессознательным аспектам мышления человека. Насыщенность метафорическим языком позволяет нам выделить психотерапевтический дискурс (ПД) как отдельный из медицинского дискурса (МД).

В типологии конституциональных дискурсов, которую предложил филолог В. И. Карасик, ТД является разновидностью МД [4]. Действительно, у них близкие цели, но значимое отличие: психотерапевт не может выписывать медицинские рецепты. Сакральным характером обладает как профессия врача, так и профессия психотерапевта, обе они относятся к помогающим профессиям, имеют в генезисе бытийный дискурс, а их агенты воспринимаются как сакральные фигуры, «носители истины» [5]. В обеих профессиях есть своя профессиональная этика.

Несмотря на общность, есть ряд важных различий между этими дискурсами. Важным является элемент серьезности и однозначности в МД. В профессии врача присутствует определенная система знаков: белые халаты, инструменты, машины скорой помощи с крестом и т. д.; у психотерапевтов система знаков своя: кушетка и трубка, зачастую черная одежда, полупустая малоинформативная обстановка (психоаналитиков), это может быть палата или комната, а также обычная квартира, кабинет или спортивный зал для тренировок. Задача медиков – правильно поставить диагноз и назначить лечение, задача психотерапевта – избегать ставить диагнозы, чтобы за ними не потерять личность. Так, клиент в новелле «Проклятие венгерского кота» Хэлстон упрекает своего терапевта в непрофессионализме, путая «правила игры» медицинского и психотерапевтического лечения: *«Не обижайтесь, доктор, но я привык к большому профессионализму, придя к врачу <...>. Я предпочитаю консультироваться у врача, который выдвигает четкий диагноз и назначает лечение»* [11, с. 221]. Техника психотерапии предполагает импровизацию и смену тактик проработки проблемы словом, а не медикаментами.

Обе профессии объединяет тайна неразглашения болезни или проблемы, но при письменном согласии клиентов и врачи, и психотерапевты описывают свои интересные случаи, отчасти дополняя их художественным вымыслом. В языке этих дискурсов присутствует значимое отличие: для медиков всех стран обязательно знание латыни, для психотерапии используют обычный язык, но применение его требует знания особых стратегий и тактик. Как видим, имеются

веские основания для разведения этих дискурсов. Тем не менее элементы ПД в современной практике сокращения времени на медицинский осмотр могут играть роль важного дополнения как для выяснения причин болезни, так и для стабилизации и поддержания здоровья больного, в чем также заключается актуальность данного анализа языка ПД.

Немаловажное отличие МД и ПД можно усмотреть и в асимметрии речевого потока между врачом и больным и между психотерапевтом и клиентом. Больной человек, как правило, мало говорит или молчит. От клиента психотерапевт ждет «потока сознания», жалоб, запросов. В обычной сессии, как индивидуальной, так и групповой, речь клиента по объему значительно превышает речь психотерапевта. От клиента ждут интерпретации его снов, словесных метафор, анализируют его невербальный язык как проявлений бессознательного, что также важно, как и вербализация проблем. Медицина, как правило, не работает с причинами, с бессознательным, но чаще с последствиями психических и физических травм.

На основе сравнения важных элементов дискурса, которые В. И. Карасик определяет в качестве основы выделения самостоятельного дискурса, мы можем говорить о возможности выделения отдельного от МД ПД. Анализируя речь психотерапевтов, исследователи отмечают метафоричность речи в ПД [6], превалирование эмоциональности над рациональностью [7], высокую вариабельность в речевых практиках психотерапевта [8], присутствие медитативных элементов в речи клиентов ПД и их значительно большую активность по сравнению с магическим и МД [9]. Используя методологию анализа понятийной метафоры Жд. Лакоффа и М. Джонсона, проиллюстрируем использование понятийной метафоры в ПД, внедренном в художественно произведение.

Как было сказано, генезис психотерапевтического дискурса лежит в бытийном дискурсе, поэтому метафоры здесь могут носить как свернутый, так и развернутый характер, иносказательно замещать экзистенциальную проблему клиента (тревогу, страх смерти, потери, страх жизни, отсутствие экзистенциальных смыслов и т. п.), получать иное эмоциональное наполнение по мере продвижения терапии. Поскольку основным жанром психотерапии является диалог и полилог, метафора звучит, повторяется, видоизменяется, дополняется и усекается благодаря ее постоянной воспроизводимости в устах агента и клиента психотерапии. Если провести аналогию с музыкой, то метафора подобна лейттеме, которая варьируется, проходит в разных тональностях, модулирует, звучит в разной оранжировке, полифонически переплетается с другими темами; от нее отсекаются отрывки и начинают жить самостоятельной жизнью, она превращается в другую тему и т. д.

Результаты и обсуждения. Одно из метафорических понятий, пронизывающее благодаря диалогу как основному жанру сферу ПД, – **«спор – это война»**. Начиная с диалогических практик философствования в древнегреческих античных школах, принцип диалога пронизывает как бытийную, так и каждодневную речь. Агон (соревнование представителей различных идеологий) – главный принцип композиции древнегреческих трагедий [10]. В ПД диалог, основная тактика общения, направлен на то, чтобы клиенты и агент (психотерапевт) обменялись суждениями, интерпретациями, описанием чувств, мыслей «здесь и сейчас». *«Мне уже опротивело это хождение по минным полям»*, – говорит психотерапевт клиентке, которая никак не может выйти из ситуации потери и проявляет к нему агрессию [11, с. 123]. В фантазиях психотерапевта возникает настоящая драка, когда он описы-

вает их взаимодействие: «*входя в контакт с Айрин, в эмоциональный контакт, вступая с ней в борьбу (образно выражаясь – хотя были моменты, когда мне казалось, что вот-вот и мы сценимся в настоящей драке), я снова и снова доказывал, что грязь – вымысел*», – пишет Ялом [11, с. 123]. В эпиграфе к первой главе смысл жизни Шопенгауэр (и автор) представляет аналогией борьбы со смертью: «*Каждое дыхание отражает беспрерывно нападающую смерть, с которой мы таким образом ожесточенно боремся... В конце концов смерть должна победить, ибо мы – ее достояние уже от самого рождения...*» [12, с. 9].

Люди в западноевропейской культуре привыкли к соревнованию и жесткой конкуренции, они стремятся к победе в диспуте, где агрессивно отстаивают свою позицию, а о проигрыше в спорах говорят в терминах войны. Лицо, с которым они спорят, воспринимается как противник, антагонист, оппонент. Они разоблачают чью-то точку зрения и защищают свою. Так, такой диалог можно рассматривать скорее как битву, а не мирное общение, направленное на достижение истины. А. Р. Маркин, говоря о методах психотерапии доктора Курпатова, приводит пример олицетворения абстрактной тревоги конкретными образами: враг, обидчик, монголо-татарские полчища [6, с. 104]. Что-то страшное нужно приручить, выпить с ним чашечку чая, поговорить. У Ялома в «Проклятии венгерского кота» психотерапевт проводит разговор-сессию с огромным котом, являющимся метафорой страха, проявляющейся то ли во сне пациентов, то ли в их галлюцинациях. Эта психологическая новелла с большой долей непонятного, фантастического включает в себя элементы магического дискурса с описанием элементов эриксоновского гипноза, техникой «уменьшения» образа ужасного огромного кота, который в конце становится маленьким и уходит. Кот в рамках психотерапевтического дискурса может выступать метафорой страха, борьбы с мужчинами.

Эта концептуальная метафора предполагает и постепенный захват территории противника, в ПД – психотерапевта. Описывая терапевтический процесс, употребляют фразы «продвигаться вперед», «терять свои рациональные защиты» и «проявлять сопротивление». Так, Ирвин Ялом описывает поведение своей клиентки Айрин в конце сессии в новелле «Семь уроков повышенной сложности по терапии горя»: «*Иногда она, когда наше время уже закончилось, продолжала сидеть на месте, свирепо сверкая глазами и отказывалась сдвинуться с места*» [11, с. 117]. Планируя действия, психотерапевт использует определенные стратегии и тактики. Убедившись в слабости одной стратегии, он выбирает другую. Эмоциональный накал, сила сопротивления, агрессия клиентов способствуют изменению состояния клиента и развитию продуктивной динамики в терапии. Если в начале терапии психотерапевт выступает явно как ведущая родительская фигура, на которую проецируются конфликты с близкими (отцом, в первую очередь), то далее «текст “отца-терапевта”» становится внутренней речью клиента, что придает ему большую уверенность в своих действиях.

Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят, что «спор» может быть гораздо более мягким. Он может быть описан через концептуальную метафору «танца», где не предполагается победитель, где партнеры – исполнители, а цель подобного взаимодействия состоит в гармоничном и красивом исполнении танца. В такой культуре люди будут обсуждать свои позиции иначе, мягче, использовать иные понятия и тактики диалога, т. е. мыслить в терминах танца. Героине новеллы Ялома «Семь уроков повышенной сложности по терапии горя» снится сон: «*<...> она танцевала с гибким молодым человеком, а потом он вдруг бросил ее по-*

среди танцплощадки» [11, с. 143]. Эта метафора указывает на хорошие отношения, которые прервались (у героини умер муж).

Второй важный концепт, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону – **«время – деньги»**. Он пронизывает всю рыночную систему отношений, которая существует в современном обществе и в психотерапии как институциональном дискурсе. Деньги служат эквивалентом потраченного ресурса (времени, усилий, знаний, сил, душевной теплоты). В ПД время переживается как продуктивное, проведенное зря, как нечто такое, что может быть рассчитано, вложено разумно, сэкономлено и пр. На вопрос психотерапевта о том, что сейчас происходит, в рассказе «Двойная экспозиция», клиентка отвечает: *«Разочарование! Еще сто пятьдесят долларов – пшик! – а лучше я себя не чувствую! – Значит, я снова подкачал. Взял с тебя деньги и не помог...»* [11, с. 169]. Вспоминая о трудном клиенте Филипе, психотерапевт упрекает себя в том, что у того не решилась проблема, несмотря на потраченное время и деньги. Но его внутренний голос возражает: *«Разве стал бы он выбрасывать на ветер целую кучу денег, если бы не получал ничего взамен?»* [12, с. 25]. Довариваясь о том, чтобы терапевт доктор Юлиус дал ему рекомендацию как психотерапевту, Филип соглашается на предложение посещать групповую терапию Юлиуса. Вместо оплаты Филип предлагает помощь доктору, познакомив его с философией Шопенгауэра, которая вылечила его самого. Временной ресурс в экзистенциальной терапии – ценная вещь, короткое время жизни перед известием о скорой смерти – очень ценная вещь. Проживание момента «здесь и сейчас» – самая ценная вещь, цель терапии и жизни.

Системность, благодаря которой организуется и работает понятийная метафора, предполагает, что механизмы одного понятия работают в раскрытии другой сферы, при этом по необходимости одни элементы затемняются другими аспектами данного понятия. Люди сосредоточены на одном аспекте понятия (освещают его), но не замечают, вытесняют другие аспекты этого понятия (затемняют его). Так, Магнолия из новеллы Ялома «Южный комфорт» считает несостоявшейся свою мечту стать учительницей, хотя практически стала учительницей для своих многочисленных детей. Из-за «освещения», доминанты мышления о скорой смерти, люди теряют вкус к жизни, впадают в депрессию, ощущают свою жизнь темной, беспросветной, т. е. символически перестают жить. Напротив, высвечивание момента высокого качества жизни каждую минуту, несмотря на приговор, придает жизни ценность. В новелле «Странствия с Полой» из уст Пола звучит мысль, которую ей когда-то высказал священник: *«Тот, кто знает ЗАЧЕМ жить, может вынести любое КАК», «Твой рак – это твой крест <...> Твое страдание – это служение»* [11, с. 26]. Помогая другим, человек подменяет одни смыслы другими. Ялом использует также авторскую метафору **«жизнь – круиз»**. Несмотря на то, что жизнь закончится, она **ценна** тем, что человек делает **каждый миг**, т. е. качество проживания времени. В терапии потери психотерапевт использует эту метафору: *«Никогда не отправляйтесь в океанский круиз! Стратегия, которой вы следуете, превратит путешествие в безрадостное времяпровождение. Зачем вкладывать во что-то душу, зачем заводить друзей, зачем кем-то интересоваться, если круиз все равно кончится?»* [11, с. 151]. С волнением стихий Ялом связывает и хорошие отношения между терапевтом и пациентом, которые *«позволят терапевту и пациенту пережить предстоящую бурю»* [11, с. 214].

Лакофф и Джонсон говорят и о другом системном качестве концептуальной метафоры – **ориентации метафоры**, связанной с противопоставлениями, типа «верх–низ», «внутри–снаружи», «передняя сторона–задняя сторона», «глубокий–мелкий», «центральный–периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из телесности нашего мышления. Понятия благополучия, счастья, успеха ориентированы на верх: «я чувствую себя на высоте», «она воспрянула духом», «они летели на крыльях радости». Грусть, болезнь связаны с низом: «он пал духом», «болезнь подкосила его», «тяжесть проблем приземлила его». Косвенная характеристика Филипа, впервые пришедшего на групповую терапию, передана подобными «низкими», «уменьшающими» эпитетами, элементами развернутой метафоры: *«Гладко зачесанные рыжевато-коричневые волосы, туго натянутая на скулах кожа, настороженный взгляд, тяжелые шаги – Филип выглядел как осужденный, которого ведут на эшафот»* [12, с. 95]. Грусть и уныние гнетут человека, делают его меньше, он опускает голову, съеживается, а положительные эмоции распрямляют его и заставляют поднять голову, почувствовать свою значимость, силу, рост.

Сознание связано с верхом и внешним миром, бессознательное – с низом и внутренним. Под этими символическими смыслами лежит физическая основа: все живое спит лежа, внизу, болезнь заставляет человека лежать, спать, а здоровое животное и человек бодрствуют вертикально, они активны, осваивают большую территорию. Смерть и болезнь лингвистически связаны с низом, здоровье и благополучие – с верхом. Тот, кто контролирует ситуацию, задает тон, имеет больше знаний, обладает властью – сверху, подчиненный, некомпетентный – снизу. Так, Юлиус вспоминает о своей самонадеянности: *«Сколько раз он вваливал на себя больше, чем мог унести, сколько раз требовал от клиентов невозможного...»* [12]. Здесь желание делать много говорит о силе психотерапевта: чтобы суметь сделать многое, надо ставить перед собой сложные цели. Прилив энергии после терапии – следствие улучшения состояния, поднятия самооценки: *«хорошая группа положительно действует не только на пациентов, но и на психотерапевта <...> Может это потому, что на полтора часа он просто забывал про свои проблемы? Или это удовольствие от того, что ему удалось кому-то помочь? Ощущение собственного мастерства? Или уважение группы к своему лидеру?»* [12, с. 115].

Понятие большего количества ориентируется на верх, меньшего – вниз. По количеству сказанного на групповой психотерапии можно судить о статусе и психическом здоровье человека в группе. Увеличение дохода, уменьшение попыток суицида, увеличение числа друзей – это верх, уменьшение – низ. *«Численность нашей “паствы”, как называла ее Пола, быстро росла», – пишет Ялом об успешном процессе терапии. – Каждую неделю-две среди нас появлялись новые искаженные страхом лица. Пола принимала их под свое крыло, звала пообедать, учила, чаровала и одухотворяла»* [11, с. 35]. Как видим, Пола наделена здесь атрибутами ангела-хранителя с крыльями, утешающего, одухотворяющего, кормящего, совершающего чуда. После восторгов электронных поклонников *«уровень самоуважения Мерны взмыл вверх»* [11, с. 217]. Раскрытие внутреннего мира, рассказы о себе, увеличение информации приближают к клиенту психотерапии участников группы и психотерапевта, а этот субъект как бы увеличивается в размерах (увеличивает свою значимость, осознанность). *«Стюарт заметно вырос в последние месяцы – больше, чем за три предыдущих года»* [12, с. 336].

С позиции оценки обществом в западноевропейской культуре рациональное воспринимается как верх, эмоциональное – как низ: «обсуждение имело эмоциональный характер», «спор на эмоциях» – в этих фразах подчеркивает неуправляемость, необъективность суждений, следовательно, их оценка низкая, необъективная. В западноевропейской культуре считается, что люди должны руководствоваться разумом, а не эмоциями в обсуждении сложных ситуаций, а рационализация в психотерапии считается одной из «зрелых» защит. Работа над интерпретацией метафоры в ПД и есть выработка механизма рационализации тяжелых чувств, которые постепенно, благодаря психотерапевту, осознает и клиент. Первоначально интерпретация метафоры «черной грязи» звучит во внутренней речи психотерапевта из «Семи уроков повышенной сложности по терапии горя»: *«Метафора черной липкой грязи была особенно мощной из-за того, что в ее основе лежало множество причин: этот образ соответствовал сразу нескольким разным бессознательным процессам и символизировал их. Гнев горевания был одним важным смыслом. Но были и другие: например, вера Айрин в то, что она была ядовитой, загрязненной, фатально приносящей несчастье»* [11, с. 124]. Символ грязи также относится к низу и тем самым характеризует негативное отношение к себе как недостойному, опасному человеку, общение с которым «накликает» смерть. В ПД все необъяснимое описывается элементами магического дискурса, также активно использующего метафоры. Макмёрфи из романа Кена Кизи «Над гнездом кукушки», желая не обидеть больных и найти лидера среди них, спрашивает: *«Кто из вас смеет считать себя самым звезданутым?»* [13, с. 53]. Звезда принадлежит «верху» и тем самым снимается эффект оскорбления.

Таким образом, большинство фундаментальных тактик в ПД организованы в терминах ориентационных метафор. Каждая пространственная метафора обладает внутренней системностью. Согласованность внутри общей системы позволяет верх и величину отождествлять с расправленностью тела, подъемом настроения, широтой улыбки и т. д., избытком. Низ, сдержанность связывается с низом, недостатком. Эпитет «приземленный» является характеристикой невысокого полета и недалекого ума. Так, низкое сравнивается с недостатком, высокое – с избытком. Иногда непонятное, неосознанное связывается с верхом: журавль в небе, синица – в руках. Вопрос «Ты схватил?» отсылает к тактильному исследованию. Таким образом, эмпирика определяет модальность метафоры. Система ценностей в разных культурах также имеет значение для определения верха или низа. Ценности каждого индивида в значительной степени коррелируют с магистральной культурой.

Онтологическая метафора «психики как машины» часто используется в художественных произведениях, включающих ПД. Психика часто воздействует на тело, а метафора слома механизма аналогично применяется к телу. Метафора «психика – это машина» относится к ментальному аспекту психической жизни. Эта метафора используется Кеном Кизи в его романе «Над кукушкиным гнездом» (пер. Д. Шепелева). Поскольку действие происходит в психиатрической больнице, сломанную психику описывает большое количество «машинных» метафор.

Интеллект и воля больных находятся в рабочем или выключенном состоянии, они обладают определенным уровнем оперативности, связанным с качеством внутреннего устройства, качеством источника энергии и т. д. Психические процессы передаются через метафоры «сломался», «свихнулся», «тронулся». В понимании Вождя из романа Кизи отделение психбольницы – это «фабрика Комбината». Там чинят то, что не починят ни соседи, ни

школа, ни церковь – только клинике это под силу. Хронотоп палаты характеризуется метафорой «фальшивого времени»: Старшая Сестра, мадам Гнусен (в переводе Д. Шепелева), только «поворачивает» регулятор на стальной двери, и настенные часы идут с любой скоростью; взбредет ей в голову расшевелить всех, она прибавляет скорость, и стрелки закрутятся, как спицы в колесе [8, с. 48]. Метод Старшей Сестры характеризуется как «**машина**», которая дает сбои, когда в ее отделении появляются живые любопытные молодые люди – практиканты. Кончик ее языка в тон ярко-оранжевым губам словно кончик **раскаленного железа**, сама она подобна **кукле** (машине, выполняющей похожие на человеческие, функции). Метафоры автомата содержатся в описании сессии Вождем: от ее слов в стенах работало какое-то акустическое устройство [13, с. 52].

Метафоры, связанные с ограниченными пространствами, показывают, что человек воспринимает мир как находящийся вне его. Каждый человек разделен поверхностью тела от других с ориентацией типа «внутри–вне». К явным вместилищам относятся комнаты и дома. Поле нашего зрения мы осмысляем также как вместилище, а видимое – как содержимое этого вместилища: «держат в поле зрения», «находится в центре моего поля зрения». Зрение часто идентично познанию, видеть – значит понимать.

Онтологические метафоры используются и как место событий, действий, занятий (деятельностей) и состояний. Занятие (деятельность) рассматривается как вместилище для действий и других занятий, которые входят в его состав. Отсутствие заполнения образует некое пустое пространство с негативным знаком пустоты. Депрессия, отсутствие смыслов, которое хочется заполнить, отражено в метафоре пустого места, отсутствия движения: «он впал в депрессию», «он ничего не чувствовал», «она вошла в состояния ступора».

Очевидно, что через диалог метафора в терапии служит важнейшим источником и движущей силой личностных изменений. Она позволяет клиенту «присвоить» ранее неведомые ему смыслы или присоединиться к пониманию процесса. Выбрав метафору, пациент может интерпретировать ее совместно с терапевтом. Трансформируя метафору, он изменяет свое отношение к ней, видит иные стороны символизируемого ею события, тем самым меняет свое состояние. Трансформируясь в сознании пациента, метафора обретает целительную силу. То, что может изначально быть «темной» и болезненной метафорой, может трансформироваться в нечто «светлое» и конструктивное, став метафорой личностного перерождения.

Наиболее частые подходы, используемые в терапии: работа с метафорой, предложенной самим пациентом, либо работа с предложенной терапевтом метафорой. Метафора расширяет границы опыта, способна вести пациента сразу в нескольких направлениях и обретать свойства реальности. В то же время метафора – всего лишь один из возможных способов терапии. В работе Ф. Мэтьисон, Дж. Джордан и М. Стабби рассматриваются возможности использования метафор в когнитивно-поведенческой терапии [15]. Пациенты часто выражают свои опасения, ощущения, отношение к себе и другим с помощью метафорического языка. Метафора работает в качестве мостика между ощущением проблемы и реальностью, она может открывать доступ к тем значениям, которые остаются полностью закрытыми при использовании традиционных рациональных методов помогающих профессий.

Поскольку известно о связи между метафорическим языком и эмоциональным возбуждением, эта активация может служить важным механизмом выхода из психологически тя-

желой ситуации, депрессии, апатии. Поэтому в этом отношении музыка- и арттерапия помогают клиентам легче выходить из тяжелого состояния. Поскольку метафоры основываются на синестезии (совместных ощущениях), это помогает пробудить чувственность и эмоциональность, что приводит к активации мышления и улучшению памяти. Ф. Мэтьисон, Дж. Джордан и М. Стабби считают важным, что язык психотерапии выстраивается как сложная, самоорганизующаяся система, которая «плавно разворачивается» [15, с. 201] во времени и находится под влиянием экстралингвистических факторов. Поэтому важно и то, где, кем, в каком окружении, обстановке проходит психотерапия.

Метод совместного конструирования метафор в психотерапии К. Хиллом и А. Реганом был приведен к следующему алгоритму: 1) первичное соотношение между количеством метафор, используемых терапевтом и пациентом; 2) повторение, использование точных слов собеседника во время одной сессии; 3) разворачивание содержания метафоры, т. е. последовательное использование разных, но концептуально связанных, метафор [16]. Этот алгоритм очень напоминает композицию классического музыкального произведения. Закономерно, что этот алгоритм художественного произведения помогает воздействовать на бессознательное движение клиента к катарсису, прояснению его проблем, к изменению минорной тональности в оценивании ситуации.

Заключение. Таким образом, благодаря выполненному анализу функционирования концептуальной (понятийной) метафоры в художественных произведениях, включающих ПД, очевидно, что ПД может выступать самостоятельно, так как отличается от медицинского по ряду параметров, основным из которых выступает понятийная метафора. В художественном произведении наряду со специфическими художественными авторскими приемами метафора выступает как основной семантический прием, раскрывающий глубину переживаний героев и их динамику. Можно заключить, что не только понятийные метафоры выполняют структурирующую функцию, но и классические метафоры сообщают психотерапии ряд важных услуг: изменение отношения к реальности как более светлой, доброжелательной, интересной, помогают найти большее взаимопонимание как между психотерапевтом и клиентом, так и между другими участниками психотерапии, эстетические свойства метафоры помогают человеку стать более интересным для других, убедить их в своей позиции, видеть все краски мира, освещая лучшее в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990.
2. Попова Т. Г., Сачкова Е. В. Метафора в научном стиле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2–2. С. 356–360.
3. Lakoff J., Johnson M. *Metaphor We Live by*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1980.
4. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. научн. тр. / Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
5. Шугайло И. В. Психотерапевт и психоаналитик как носители истины в психотерапевтическом дискурсе // Мир педагогики и психологии. 2023. № 9 (86). С. 124–131.
6. Маркин А. Р. Биоморфная метафора в психотерапевтическом дискурсе А.В. Курпатова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 22. Томск, 15–17 апр. 2021 г. / Томск: НИ ТомГУ, 2021. С. 103–108.

7. Рыженкова А. А. Специфика психотерапевтического дискурса в произведениях И. Ялома // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 2. С. 560–566. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230070>.
8. Гринева М. С. Вариабельность речевых тактик психотерапевта как фактор эффективного речевого воздействия // Научн. журнал КубГАУ. 2017. № 129. С. 93–105. DOI: 10.21515/1990-4665-129-008.
9. Ермолаева Е. В. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы в сопоставительном освещении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–2(68). С. 124–126.
10. Режабек Е. Я., Богданова М. А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции // Вестн. Донского гос. технич. ун-та. 2011. Т. 11, № 6 (57). С. 911–917.
11. Ялом И. Мамочка и смысл жизни / пер. Е. А. Климовой. М.: Эксмо, 2024.
12. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство: психотерапевтические истории / пер. Л. В. Махалиной. М.: Эксмо, 2024.
13. Шугайло И. В., Кадиров К. Н. Терапевтические модели и особенности психотерапевтического дискурса романа Кена Кизи «Над гнездом кукушки» // Научное мнение. 2023. № 10. С. 45–54. DOI: 10.25807/22224378_2023_10_45.
14. Кизи К. Над гнездом кукушки / пер. с англ. Д. Шепелева. М.: Эксмо, 2023.
15. Mathieson F., Jordan J., Stubbe M. Recent applications of metaphor research in cognitive behaviour therapy // Metaphor and the social world. 2020. N 10 (2). P. 199–213. DOI: 10.1075/msw.00003.mat.
16. Hill C., Regan A. The use of metaphors in one case of brief psychotherapy // J. of Integrative and eclectic Psychotherapy. 1991. N 10. P. 56–57.

Информация об авторе.

Шугайло Ирина Васильевна – кандидат философских наук (1995), доцент (2008), доцент кафедры русского и иностранного языков Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, Санкт-Петербург, 190031, Россия; магистрант (2 курс) программы «Дискурс и вариативность английского языка» Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, психология, лингвистика, искусство.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. and Zhurinskaya, M.A. (ed.) (1990), *The Theory of Metaphor*, Transl., Progress, Moscow, USSR.
2. Popova, T.G. and Sachkova, E.V. (2016), "Metaphor in scientific prose style", *International J. of Experimental Education*, no. 2-2, pp. 356–360.
3. Lakoff, J. and Johnson, M. (1980), *Metaphor We Live by*, Chicago Univ. Press, Chicago, USA.
4. Karasik, V.I. (1998), "On the Categories of Discourse", *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i ehmotivnye aspekty* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects], Peremena, Volgograd, RUS, pp. 185–197.
5. Shugaylo, I.V. (2023), "The Psychotherapist and Psychoanalyst as the Carriers of Truth in Psychotherapeutic Discourse", *Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 9 (86), pp. 124–131.

6. Markin, A.R. (2021), "Biomorphic Metaphor in Psychotherapeutic Discourse A.V. Kurpatov", *Actual Problems of Linguistics and Literary Studies, VIII (XXII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*, Tomsk, RUS, April 15–17, 2021, iss. 22, pp. 103–108.

7. Ryzhenkova, A.A. (2023), "The Specific Features of Psychotherapeutic Discourse in I. Yalom's Works", *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, iss. 2, pp. 560–566, DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230070>.

8. Grineva, M.S. (2017), "Variability of a psychotherapist's speech tactics as a factor of effective persuasion", *Scientific J. of KubSAU*, no. 129, pp. 93–105. DOI: 10.21515/1990-4665-129-008.

9. Ermolaeva, E.V. (2017), "Meditative, Magical, Psychotherapeutic and Religious Discourses in Comparative Coverage", *Philology. Theory & Practice*, no. 2–2(68), pp. 124–126.

10. Rezhbek, E.Y. and Bogdanova, M.A. (2011), "Agon as an Immanent Characteristic feature of Ancient Greek culture", *Vestnik of Don State Technical Univ.*, vol. 11, no. 6 (57), pp. 911–917.

11. Yalom, I. (2024), *Momma and the Meaning of Life*, Transl. by Klimova, E.A., Eksmo, Moscow, RUS.

12. Yalom, I. (2024), *The Schopenhauer Cure*, Transl. by Makhalina, L.V., Eksmo, Moscow, RUS.

13. Shugaylo, I.V. and Kadirov, K.N. (2023), "Therapeutic Models and Features of the Psychotherapeutic Discourse of Ken Kesey's Novel "One Flew over the Cuckoo's Nest", *The Scientific Opinion*, no. 10, pp. 45–54. DOI: 10.25807/22224378_2023_10_45.

14. Kesey, K. (2023), *One Flew over the Cuckoo's Nest*, Transl. by Shepelev, D., Eksmo, Moscow, RUS.

15. Mathieson, F., Jordan, J. and Stubbe, M. (2020), "Recent Applications of Metaphor Research in Cognitive Behaviour Therapy", *Metaphor and the Social World*, no. 10 (2), pp. 199–213. DOI: 10.1075/msw.00003.mat.

16. Hill, C. and Regan, A. (1991), "The Use of Metaphors in One Case of Brief Psychotherapy", *J. of Integrative and Eclectic Psychotherapy*, no. 10, pp. 56–57.

Information about the author.

Irina V. Shugaylo – Can. Sci. (Philosophy) (1998), Docent (2008), Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St Petersburg State Transport University, 9 Moskovsky ave., St. Petersburg 190031, Russia; Master Student (2nd year) of the program "Discourse and variability of the English language", Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, psychology, linguistics, art.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 24.06.2024.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 19.06.24. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 21,71. Печ. л. 21,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 88.
Цена свободная.

Signed to print 19.06.24. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 21,71. Conventional printed sheets 21.0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 88.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Журнал «Дискурс» издается
по тематическим направлениям
в соответствии с тремя группами
специальностей научных работников:

■ **Философия**

■ **Социология**

■ **Языкознание**